

**ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ**

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№ 2 (48) 2014

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Андрей Анатольевич – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, декан факультета высшего профессионального образования Челябинского государственного института путей сообщений.

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Араш Голандам Карим – кандидат филологических наук, зав. кафедрой русского языка Гилянского государственного университета (Иран).

Квашнина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ФГБОУ ВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Подписано в печать 15.03.14

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага ВХИ 80 гр.

Объем: 8,5 усл.п.л.

Тираж 500 экз. Заказ 712.

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Михайлова Е. В.</i> Концепт «общение» в поэзии М. И. Цветаевой	7
<i>Ананьина М. А., Ускова Б. А.</i> Трудности передачи лингвокультурной информации при переводе аллюзий на русский язык	21

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Амир Хосейни, Араш Голандам Карим (Иран)</i> Грамматическая форма языковых реалий русского языка	26
<i>Вердеш А. А., Покровская Е. А.</i> Вставные конструкции в контексте тенденций к синтаксическому расчленению и слиянию	37
<i>Гольшикина Л. А.</i> Риторический текст как инструмент преодоления конфликта	46
<i>Кручинкина Н. Д.</i> Синтагматические особенности реализации значений глагольных лексем	55
<i>Кулакова Е. С.</i> Дистанцирование как объект языкознания	59
<i>Лаврова Н. А.</i> Контаминация: все уже сказано? (О некоторых возможных перспективах исследования)	66
<i>Матвеева Н. А., Матвеев А. В.</i> Специальный текст по аэронавигации как объект исследования: типология и особенности	73
<i>Минибаева С. В.</i> Эмотивный и эмоциональный текст как единицы синтаксиса	81
<i>Новицкая Л. И.</i> Андрагогические основы профессионального развития личности	87
<i>Сидоренко А. В.</i> Заметки о чатлано-пацакском языке	92

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

<i>Мищук О. Н.</i> Конвинсивное речевое воздействие в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений Б. Обамы)	96
---	----

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

<i>Акимова И. И.</i> Порядок слов и система членов русского предложения в зеркале китайского языка: лингводидактический аспект	101
--	-----

Власова Е. В. Лингвистическое направление в изучении переоценки	110
Дьякова Т. В. Американизмы, отражающие особенности системы образования США	115
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА	
Мудрова Л. Г. Основные принципы обучения иностранному языку в экономическом вузе	119
Путилина Е. А., Ускова Е. О. Применение теории нейролингвистического программирования в обучении иностранным языкам	124
АННОТАЦИИ	131
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	136

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

- Mikhailova E. V.* The concept of “communication” in the poetry
of Marina Tsvetaeva7
- Ananjina M. A., Uskova B. A.* The difficulty of transfer
of linguistic cultural information when translating allusions
into the Russian language21

LANGUAGE STUDIES

- Amir Hosseini, Arash Golandam Karim (Iran)* Grammatical form
of linguistic realities of Russian language26
- Verdesch A. A., Pokrovskaya E. A.* Plugin design trends in the context
of the syntactic and dismemberment merger37
- Golyshkina L. A.* Rhetorical text as a tool of conflict resolution46
- Kruchinkina N. D.* Syntagmatic particulars of the realization
of the values of verbal lexemes55
- Kulakova E. S.* Distancing as an object of linguistics59
- Lavrova N. A.* Contamination all already been said?
(On some possible prospects of the study)66
- Matveyeva N. A., Matveyev A. V.* Special text on air navigation
as the subject of the research: typology and characteristics73
- Minibaeva S. V.* Emotive lyrics and emotional text as a unit of syntax ...81
- Novitskaja L. I.* Andragogic bases of professional development
of the individual87
- Sidorenko A. V.* Notes on Chatlan-patsak language92

LANGUAGE POLICY

- Mishchuk O. N.* Persuasion in political discourse
(on the text material of Barack Obama’s public addresses)96

LINGUISTICS AND TRANSLATION

- Akimova I. I.* Word order and system of members
of the Russian sentence in a mirror Chinese:
lingvodidaktical aspect101
- Vlasova E. V.* Linguistic direction in the study of revaluation110
- Djakova T. V.* Americanisms, reflecting the characteristics
of the U.S. education system115

METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Mudrova L. G. Basic principles of learning foreign language
in an economic institution119

Putilina E. A., Uskova E. O. The application
of the neurolinguistic theory in the foreign language teaching124

ABSTRACTS131

INFORMATION ABOUT AUTHORS136

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КОНЦЕПТ «ОБЩЕНИЕ» В ПОЭЗИИ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Е. В. Михайлова

Концепт «общение» – один из наиболее важных и многогранных концептов поэзии М. И. Цветаевой. В ее богатейшей концептосфере он является как бы связующим звеном между различными темами, поэтому он отражает специфику ее поэтического мира. Поэзия М. И. Цветаевой может быть охарактеризована как песенная; значительное влияние на ее ритмику и фонетику оказала русская народная песня. Эти факторы, а также некоторые обстоятельства личной жизни поэтессы повлияли на то, что концепт «общение» воплотился в рассмотренных поэтических произведениях широко и многопланово.

Ключевые слова: концепт «общение», поэзия, М. И. Цветаева, стихотворение, поэма, обращение.

Марина Ивановна Цветаева (1892–1941) – выдающаяся русская поэтесса, создавшая уникальный и неповторимый художественный мир: «Благодаря своему искусству Цветаева создала собственный мир, мир, в котором она могла подняться над обычными людьми, обычной жизнью, обычной любовью» [7. С. 11]. Очень интересными и малоисследованными являются вопросы о взаимоотношениях и общении поэтессы с окружающими ее людьми, а также об отражении этого общения в ее произведениях: «Главное в жизни Марины Ивановны было творчество, стихи, но стихи рождались от столкновения ее с людьми, а людей этих и отношения с людьми она *творила*, как стихи, за что жизнь ей жестоко мстила...» [1. С. 10].

Концепт «общение» – один из наиболее важных и многогранных концептов поэзии М. И. Цветаевой. В ее богатейшей концептосфере он является как бы связующим звеном между различными темами, поэтому он отражает специфику ее поэтического мира.

А. А. Саакянц так охарактеризовала отношения М. И. Цветаевой с другими людьми: «Стихи ее могут создать ложное впечатле-

ние сугубой уединенности поэта, одиночества не только внутреннего, но и внешнего, житейского. Однако именно в житейском отношении Цветаева еще с самой юности была окружена множеством людей и, с юности тяготясь одиночеством, бежала от него, стремясь к общению. ... **“одинокий дух” Цветаевой жив был интенсивным общением (личным и заочным) – и без него просто бы погиб.** Марина Ивановна могла жаловаться на **“совместность”**, тяготиться ею, но притом постоянно тянулась к людям, увлекалась, разочаровывалась, восхищалась, негодовала, страдала, обвиняла, вставала на защиту... Эту ее *двоjakость* нужно всегда помнить – только тогда личность поэта станет более или менее понятной» [6. С. 132–133], «Одиночество вовсе не было ее образом жизни, а исключительно внутренним состоянием, непостижимым образом уживающимся с почти непрерывным общением. Одиночество было насущной потребностью ее души – и одновременно преследующим кошмаром, от которого она бежала» [6. С. 520]. М. И. Цветаева общалась с огромным количеством людей, большей частью творческих личностей; в некоторых влюблялась, увлекались ею, завязывались реальные отношения или переписка (иногда это были люди, с которыми она никогда не встречалась). А. А. Бобров указывал: «...Цветаева так или иначе была замечена, увлечена, воспета, не понята и прославлена почти всеми поэтами Серебряного века, с кем сводила ее прихотливая и тяжелая судьба» [2. С. 264]. Такой характер поэтессы отразился и на ее семейной жизни. Н. Щербак писала об отношениях М. И. Цветаевой с К. Б. Родзевичем, другом ее мужа, С. Я. Эфрона: «В Чехии она пережила страстную и мучительную любовь к другу Сергея, Константину Родзевичу» [11. С. 61]; о романах поэтессы: «Она смогла отойти от Родзевича, но отношения с Сергеем никогда уже не стали прежними... У Цветаевой были и другие романы, больше, правда, в мечтах и письмах. Она просто не могла жить, не заполняя душу кумирами и восхищением. Когда этот источник иссякал, пропадало и ее творчество, а значит, и жизнь покидала ее, ибо для Цветаевой земное бытие было невозможно без поэзии» [11. С. 63].

Общение не приносило М. И. Цветаевой удовлетворения и радости. В. А. Маслова выразила следующее мнение по данному поводу: «Увлечений у Марины было много, но все они оказывались с изъянами, а отсюда – обиды, разминовения, разочарования, пото-

му что она требовала от простых, довольно приземленных людей недостижимой для них высоты поступков» [4. С. 107]. Она считает: «Можно говорить о фантастичности многих ее влюбленностей. Такой была влюбленность в **Александра Блока**, хотя видела она поэта лишь издали и не общалась с ним ни разу» [3. С. 168]. В. А. Швейцер считает, что поэтесса создала свой образ А.А. Блока: «И она славит Блока в молитвенном преклонении и в полной отрешенности от его земного человеческого облика. Ассоциации с блоковской лирикой пробиваются в некоторых образах Цветаевой, но не это для нее важно. Она пишет своего Блока» [9. С. 232]. М. И. Цветаева стремилась не к обычному общению: «Главное для нее в общении с другими людьми – это потребность не в поверхностно-бытовом, а в сокровенно-душевном общении» [3. С. 173]. Вероятнее всего, ни один из людей, с которыми общалась поэтесса, не ушел из ее «возможного мира» без следа: «Всех своих адресатов М. Цветаева помещала в своем сердце, в своей душе: “А любить я умела – как никто, и никто об этом не узнал!”» [3. С. 199], и это нашло отражение в ее творчестве.

В связи с такой особенностью личных взаимоотношений поэтессы находится и ее поэтический язык; он содержит признаки диалогичности – отсылки к каким-либо элементам творчества других авторов, использование тем и сюжетов их произведений и т.д. И. Д. Шевеленко указывала: «Обращение Цветаевой с чужими произведениями, будь то текст Эллиса, Чарской или Бальмонта, дает повод утверждать, что та черта ее поэтики, которую М. Мейкин определил как “поэтику присвоения” (poetics of appropriation), характеризует ее раннее творчество ничуть не меньше, чем более позднее. Материал ранней поэзии Цветаевой позволяет утверждать, что “присвоение”, адаптация различных элементов чужого текста – это скорее следствие творческого склада, творческой реактивности Цветаевой, нежели ее литературная установка. Цветаевой необходимо чужое произведение – как носитель темы, сюжета, мотива, идеи, а иногда и метра, – потому что собственный текст она мыслит всегда как *ответ* (Не случайно утверждение, что искусство – это не вопрос, а ответ, – одна из любимейших мыслей зрелой Цветаевой)» [10. С. 47]. Адресатов стихотворений М. И. Цветаевой на любовные темы определить очень сложно: «Цветаева не указывает, кому адресованы ее романтические стихи, и

практически невозможно определить, когда страсть, описанная ею, основана на реальных фактах, а когда вымышлена» [7. С. 125].

Рассматриваемый концепт в поэтическом мире М. И. Цветаевой реализуется уже на уровне названий стихотворений: существуют стихи-обращения к конкретному адресату (адресатам) («Литературным прокурорам» [8. С. 31], «Але («Ты будешь невинной, тонкой...»)» [8. С. 38–39], «Бабушке» [8. С. 39–40], «Маяковскому («Превыше крестов и труб...»)» [8. С. 165], «Луна – лунатику» [8. С. 235] и др.); стихи, в первой строке которых содержится: а) обращение к неопределенным (или неназванным) адресатам («Вы, идущие мимо меня...» [8. С. 33], «Что́ другим не нужно – несите мне!...» [8. С. 109–110] и др.), б) ответы определенным (или поименованным) субъектам («Так, господи! И мой обол...» [8. С. 75], «Нет, с тобой, дружочек чүдный...» [8. С. 113] и др.). В названиях стихотворений могут использоваться глаголы речи (*говорить, кричать, рассказать, сказать, высказать* и др.) («Говорила мне бабка лютая...» [8. С. 57–58], «На базаре кричал народ...» [8. С. 83], «Я расскажу тебе – про великий обман...» [8. С. 104], «Умирая, не скажу: *была*» [8. С. 104], «Чтоб высказать тебе... Да нет, в ряды...» [8. С. 215–216] и др.), форма глагола *сказать* («Сказавший всем страстям: прости...» [8. С. 127]), слова из семантического поля 'речь' (*слово, голос, речь, диалог, разговор, скороговорка* и др.) («Без зова, без слова...» [8. С. 73–74], «В черном небе – слова начертаны...» [8. С. 102], «– О, всеми голосами раковин...» [8. С. 222–223], «Поэт – издалека заводит речь» [8. С. 223–224], «Диалог Гамлета с совестью» [8. С. 232], «Разговор с Гением» [8. С. 273–274], «Скороговоркой – ручья водой...» [8. С. 320] и др.); обращения («Кавалер дэ Гриз! Напрасно...» [8. С. 100–101], «На тебе, ласковый мой, лохмотья...» [8. С. 102] и др.), вопросы («Люблю ли вас?...» [8. С. 121–122], «Что, Муза моя? Жива ли еще?...» [8. С. 268] и др.), восклицания («Да, вздохов обо мне – край непочатый!...» [8. С. 127–128], «Тише, хвала!...» [8. С. 272–273] и др.) и др.

Поэтический мир М. И. Цветаевой наполнен голосами общающихся субъектов, а также звуками музыки: «*Всего хочу: с душой цыгана // Идти под песни на разбой, // За всех страдать под звук органа // И амазонкой мчатся в бой...*» [8. С. 27], «*Где сонмы ангелов летают стройно, // Где арфы, лилии и детский хор, // Где всё покой, я буду беспокойно // Ловить твой взор*» [8. С. 28], «*В*

круженье вальса, под нежный вздох // Забыть не могу тоски я» [8. С. 29] и др. Особое место занимает в этом «возможном мире» колокольный звон: «Колокола звонят в тени, // Спешат удары за ударом, // И всё поют о добром, старом, // О детском времени они» [8. С. 29], «Червонные возблещут купола, // Бессонные взгремят колокола...» [8. С. 53] и др. Музыка – это фон различных событий и процессов в «возможном мире» М. И. Цветаевой, в том числе и общения; музыкальность создается и многочисленными формальными средствами в языке ее поэзии.

Концепт «общение» в поэзии М. И. Цветаевой включает в себя следующие составляющие: лирическая героиня поэтессы и другие субъекты; какие-либо субъекты, являющиеся адресатом и адресантом (исключая лирическую героиню поэтессы). Процесс общения проходит следующим образом: 1) общение с людьми: а) с близкими лирической героине людьми («– Уж поздно! – Мама, десять строк!.. – // Но, к счастью, мама забывала» [8. С. 25], «Если бы вы захотели // Быть моим учеником, // Я бы стала в тот же миг // – Слышите, мой ученик? – // В золоте и серебре // Саламандра и Ундины» [8. С. 34] (стихотворение «...обращено к Ф. С. Фельдштейну (ок. 1885–1948), впоследствии – мужу В. Я. Эфрона, сестры С. Я. Эфрона» [5. С. 465]), «Юная бабушка! – Кто целовал // Ваши надменные губы?» [8. С. 39], «Милый друг, ушедший дальше, чем за море! // – Вот вам розы, – протянитесь на них! – // Милый друг, унесший самое, самое // Дорогое из сокровищ земных!» [8. С. 42] (стихотворение посвящено «...памяти П. Я. Эфрона...» [5. С. 467], брата С. Я. Эфрона, умершего в 1914 г.), «Спят трещотки и псы соседовы, – // Ни повозок, ни голосов. // О, возлюбленный, не выведывай, // Для чего развожу засов» [8. С. 43], «– Мой хладнокровный, мой неистовый // Вольноотпущенник – прости!» [8. С. 48] (стихотворение обращено «...к поэту О. Э. Мандельштаму (1891–1938), который в это время приезжал в Москву» [5. С. 467]), «Мой выкормыш! лебеденок! // Хорошо ли тебе лететь?» [8. С. 49], «Знай одно: что завтра будешь старой, // Остальное, деточка, – забудь» [8. С. 95] (стихотворение «Але» адресовано дочери М. И. Цветаевой Ариадне) и др.); б) общение с людьми, охарактеризованными в соответствии с их социальной ролью или исполняемой функцией («– Склоните колена! – Что вам, // Аббат, до моих колен?!» [8. С. 96], «Без молодых // Гуляйте, сваты!» [8. С. 96], «–

Где, купец, твое роскошество? // “Во дырявом во лукошечке!”» [8. С. 103], «Пешеход морщинистый, // Не любуйся парусом!» [8. С. 107] и др.); в) общение с неопределенным или любым собеседником (собеседниками) («Прохожий, остановись!» [8. С. 32], «Еще и еще – песни // Слагайте о моем кресте! // Еще и еще – перстни // Целуйте на моей руке!» [8. С. 49], «На ваши поцелуи, о живые, // Я ничего не возражу – впервые» [8. С. 54], «– Провожай же меня, весь московский // сброд, // Юродивый, воровской, хлыстовский!» [8. С. 56] и др.); 2) общение с Богом («– Бог, не суди! – Ты не был // Женщиной на земле!» [8. С. 44], «Два солнца стынут, – о господи, пощади! – // Одно – на небе, другое – в моей груди» [8. С. 45], «Так, господи! И мой обол // Примь на утвержденье храма» [8. С. 75], «– Храни ее, господи, // Такую далекую!» [8. С. 170] и др.); 3) общение с гением поэзии («А за плечом – товарищ мой крылатый // Опять шепнет: – Терпение, сестра! – // Когда сверкнут серебряные латы // Сосновой кровью моего костра» [8. С. 100] – в стихотворении говорится о Жанне д’Арк, «...над которой тоже парил и властвовал ее гений, вдохновляющий на бессмертный подвиг...» [6. С. 235]); 4) общение с абстрактными понятиями («Легкомыслие! – Милый грех, // Милый спутник и враг мой милый! // Ты в глаза мне вбрызнул смех, // Ты мазурку мне вбрызнул в жилы» [8. С. 41], «Жарко целуй, любовь!» [8. С. 54] и др.); 5) общение с объектами природы и представителями животного мира («Моя земля, прости навеки, // На все века!» [8. С. 37], [голуби, лебеди, орлята] «Летите – куда глаза глядят // В Благовещенье, праздник мой!» [8. С. 51], «Было дружбой, стало службой, // Бог с тобою, брат мой волк! // Подыхает наша дружба: // Я тебе не дар, а долг!» [8. С. 138], «Любезного Всадника, // Конь, блюди!» [8. С. 156] и др.); 6) общение с тем, что сделано руками человека ([книги в красном переплете] «Из рая детского житья // Вы мне привет прощальный шлете, // Неизменившие друзья // В потертом, красном переплете» [8. С. 24], «О, летящие в ночь поезда, // Уносящие сон на вокзале...» [8. С. 33], «Спрошу я стул, спрошу кровать: // “За что, за что терплю и бедствую?” // “Отцеловал – колесовать: // Другую целовать”, – отвечают» [8. С. 135], «Так плыли: голова и лира, // Вниз, в отступающую даль. // И лира уверяла: – мира! // А губы повторяли: – жаль!» [8. С. 170] и др.); 7) общение с известными людьми («Что вам, молодой Державин, // Мой невоспитанный стих!» [8.

С. 47], «Руки – скрещены, // Рот – нем. // Брови сдвинув – Наполеон! – // Ты созерцаешь – Кремль» [8. С. 51], «Царю Петру и вам, о царь, хвала! // Но выше вас, цари: колокола. // Пока они гремят из синевы – // Неоспоримо первенство Москвы» [8. С. 55] и др.) и др.

В семантико-грамматическом плане обращения различных субъектов друг к другу можно охарактеризовать как: 1) императив («– Спи, успокоена, // Спи, удостоена, // Спи, увенчана, // Женщина» [8. С. 60], «Голосу дай мне воспеть тебя, о праматерь // Песен, в чьей длани узда четырех ветров» [8. С. 63], «Бог, внимательней // За ним присматривай: // Царский сын – гадательней // Остальных сынов» [8. С. 81] и др.); 2) сообщение о каком-либо действии лирической героини, выраженное в форме простых («– Я в грудь тебя целую, // Московская земля!» [8. С. 57], «И, под медленным снегом стоя, // Опущусь на колени в снег // И во имя твое святое // Поцелую вечерний снег...» [8. С. 68] и др.) и сложных предложений («Скажу тебе, что я – не человек, // А только сон, который только снится» [8. С. 87], «Пригвождена к позорному столбу, // Я все ж скажу, что я тебя люблю» [8. С. 129] и др.); 3) описание предсказаний бабки («Говорила мне бабка лютая, // Коромыслом от злости гнутая: // – Не дремать тебе в люльке дитятка, // Не белить тебе пряжи вытканной, – // Царевать тебе – под заборами! // Целовать тебе, внучка, – ворона» [8. С. 57]); 4) выражение эмоций и чувств («Ах, ночь! // Где-то бегут ключи, // Ко сну – клонит. // Сплю почти. // Где-то в ночи // Человек тонет» [8. С. 61], «Бессонница меня толкнула в путь. // – О, как же ты прекрасен, тусклый Кремль // мой! – // Сегодня ночью я целую в грудь – // Всю круглую воющую землю!» [8. С. 63] и др.) и др.

В стихотворениях М.И. Цветаевой встречаются следующие обращения: 1) по имени («На заре морозной // Под шестой березой, // За углом у церкви, // Ждите, Дон-Жуан!» [8. С. 91] и др.); 2) по фамилии («– И я дарю тебе свой колокольный град, // Ахматова! – и сердце свое в придачу» [8. С. 79] и др.); 3) по названию исполняемой кем-либо функции («Уж и нрав у меня спокойный! // Уж и очи мои ясны! // Отпусти-ка меня, конвойный, // Прогуляться до той сосны!» [8. С. 82] и др.); 4) по названию природного объекта («Ты, зеленоводный лесной ручей, // Расскажи, как сегодня ночью // Я взглянула в тебя – и чей // Лик узрела в тебе воочью» [8. С. 83] и др.); 5) в форме единичной номинации адресата (пря-

мой – «Последняя рифма моя – и ты, // Последняя моя ночь!» [8. С. 44] и др.; метафорической – «Красно́ твоё наследие, – владей, // Друг без друзей!» [8. С. 71], «– Так, о престол моего покоя, // Пеннорожденная, пеной сгинь!» [8. С. 167] и др.) и др.; 6) в форме двойной (и имеющей больше компонентов) номинации адресата (прямой – [Офелия – Гамлету] «Девственник! Женоненавистник! Вздорную // Нежить предпочедший!..» [8. С. 211] и др.; прямой и метафорической – «Бессонница! Друг мой! // Опять твою руку // С протянутым кубком // Встречаю в беззвучно- // Звенящей ночи» [8. С. 65] и др.; метафорической – [А. А. Ахматовой] «О муза плача, прекраснейшая из муз! // О ты, шальное исчадие ночи белой! // Ты черную насылаешь метель на Русь, // И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы» [8. С. 79] и др.; метонимической – [А. А. Ахматовой] «Еще один огромный взмах – // И спят ресницы. // О, тело милое! О, прах // Легчайшей птицы!» [8. С. 80] и др.) и др. Общение в ее поэтическом мире может происходить не только при помощи речи, но и при помощи: 1) крика («На крик его: душно! припавшая: друг! // Последнейшая, не пускавшая рук» [8. С. 76] и др.); 2) вопля («Я глупая, а ты умен, // Живой, а я остолбенелая. // О вопль женщин всех времен: // “Мой милый, что́ тебе я сделала?”» [8. С. 134] и др.); 3) пения ([снежный лебедь] «Он поет мне // За синими окнами, // Он поет мне // Бубенцами далекими...» [8. С. 67] и др.); 4) пения и музыки («А справишься? Сталь и базальт – // Гора, но лавиной в лазурь // На твой серафический альт // Вспоет – полногласием бурь» [8. С. 206], «На оклик гортанный певца // Органною бурей мицу!» [8. С. 207] и др.); 5) действий, напоминающих религиозный обряд ([А. А. Блоку] «И по имени не окликну, // И руками не потянусь. // Восковому, святому лику // Только издали поклонюсь» [8. С. 68] и др.); 6) действий, характерных лишь для идиостиля М. И. Цветаевой ([А.А. Блоку] «Всей бессонницей я тебя люблю, // Всей бессонницей я тебя внемлю – // О ту пору, как по всему Кремлю // Просыпаются звонари» [8. С. 69] и др.) и др.

В исследуемых поэтических текстах процесс общения выражается при помощи: 1) ассонансов («Уж с домами дома расходятся, // И на площади спор и пляс... // Здесь, у маленькой Богородицы, // Вся Кордова в любви клялась» [8. С. 43] (полужирный шрифт и подчеркивания наши – Е.М.) и др.); 2) аллитераций («Мальчи́ком, бегу́щим ре́звo, // Я предста́ла Ва́м. // Вы́ посмеива́лись трезвo //

Злым моим словам...» [8. С. 33] (полужирный шрифт и подчеркивания наши – Е.М.) и др.); 3) метафор («*Так, сердце, плачь и славословь! // Пусть вопль твой – тысяча который? – // Ревнует смертная любовь. // Другая – радуется хору»* [8. С. 75] и др.); 4) метонимий («*Чей-то пьяный голос молил и злился // У соборных стен»* [8. С. 93] и др.); 5) повторов («*Горечь! Горечь! Вечный прикус // На губах твоих, о страсть!»* [8. С. 94] и др.); 6) анафор («*Я тебе повелеваю: – будь! // Я – не выйду из повиненья»* [8. С. 104], «*Молодость моя! Моя чужая // Молодость! Мой сапожок непарный!»* [8. С. 168] и др.); 7) акромонаграммы – повтора слова в конце предыдущего и в начале следующего предложений («... *Сладчайший плод, // Душа, горчи. // Горчи и омрачай: // Расти: верши»* [8. С. 240]); 8) сравнений («*Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая // Свет – люблю тебя, зоркая ночь»* [8. С. 63], «*Тяжко – как спелый плод – // Падает: – Сыне!..»* [8. С. 144] и др.) и др.

Описывая общение в своих стихотворениях, М.И. Цветаева употребляет: 1) языковые антонимы («*Отчего я не плачу? // Оттого что смеюсь!»* [8. С. 132], «*Нет, некоторое из двух: // Кость слишком – кость, дух слишком – дух. // Где – ты? где – тот? где – сам? где – весь? // Там – слишком там, здесь – слишком здесь»* [8. С. 310] и др.); 2) контекстуальные антонимы («*Не возьмешь моего румянца – // Сильного – как разливы рек! // Ты охотник, но я не дамся, // Ты погоня, но я емь бег»* [8. С. 264] и др.); 3) имена существительные с суффиксами субъективной оценки («*Нет, дружочек! – Это проще, // Это пуще, чем досада...»* [8. С. 114], «*Ясновельможная панна! // – Мой молодой господарчик!»* [8. С. 148] и др.); 4) имена прилагательные в форме превосходной степени сравнения («*Над сказочнейшим из сиротств // Вы смилостивились, казармы!»* [8. С. 187] и др.); 5) обращения («*С хлебом ем, с водой глотаю // Горечь-горе, горечь-грусть. // Есть одна трава такая // На лугах твоих, о Русь»* [8. С. 94] и др.); 6) однородные члены предложения («*Левая – она дерзка, // Лъстивая, лукавая. // Вот тебе моя рука – // Праведная, правая!»* [8. С. 111], «*Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе // Насторожусь – прельщусь – смущусь – рванусь. // О милая! Ни в гробовом сугробе, // Ни в облачном с тобою не прощусь»* [8. С. 139] и др.); 7) обособленные члены предложения («*Та, с судороги целовавшая пот, // На крик его: руку! сказавшая: вот!»* [8. С. 77], «*Руки воздев, // Друг, заклинаю свою же память!»* [8. С. 181] и др.); 8)

вставные конструкции («Некою тканью под ноги // Стелюсь... Не тот ли (та!) // Твари с кудрями огненными // Молвивший: встань, сестра!» [8. С. 247], «Водопадами занавеса, как пеной – // Хвоей – пламенем – прощуя. // Нету тайны у занавеса – от сцены: // (Сцена – ты, занавес – я.)» [8. С. 235] и др.); 9) восклицательные предложения («О мир, пойми! Певцом – во сне – открыты // Закон звезды и формула цветка» [8. С. 108], «– Друг! Не ищи меня! Другая мода! // Меня не помнят даже старики. // – Ртом не достать! Через Летейские воды // Протягиваю две руки» [8. С. 117] и др.); 10) вопросительные предложения («– Сивилла! Зачем моему // Ребенку – такая судьбина? // Ведь русская доля – ему... // И век ей: Россия, рябина...» [8. С. 109], «Люблю ли вас? // Задумалась. // Глаза большие сделались» [8. С. 121] и др.) и др.

В своих стихотворениях поэтесса передает: 1) слова лирической героини («Идите же! – мой голос нем, // И тщетны все слова. // Я знаю, что ни перед кем // Не буду я права» [8. С. 35] и др.); 2) слова других субъектов ([Эвридика – Орфею] «... Ибо в призрачном доме // Сем – призрак **ты**, сущий, а явь – // Я, мертвая... Что же скажу тебе, кроме: // “Ты это забудь и оставь!”» [8. С. 222] (полужирный шрифт, соответствующий курсиву в первоисточнике, наш – Е.М.), «Беда моя! – Так будешь звать. // Так, лекарским ножом // Истерзанные, – дети – мать // Корят: “Зачем живем?”» [8. С. 240–241], «Мир – это стены. // Выход – топор. // (“Мир – это сцена”, – // Лепечет актер.)» [8. С. 266] и др.); 3) слова других субъектов и лирической героини одновременно («– Ты меня любишь, Марина? // – Очень! // – Навсегда? // – Да» [8. С. 52], «В удаль, в одурь, в гармошку, в насад, в тщету! // – Эти нехристи и льнут же! – // Чтоб какой-нибудь странник: **“На тем свету...”** // Не дождавшись, скажу: лучше!..» [8. С. 253] (полужирный шрифт, соответствующий курсиву в первоисточнике, наш – Е.М.), «Глыбами – лбу // Лавры похвал. // “Петь не могу!” // – “Будешь!”...» [8. С. 273] и др.) и др.

В данной работе рассматриваются поэмы М. И. Цветаевой «Переулочки» [8. С. 338–348], «Поэма горы» [8. С. 349–355], «Поэма конца» [8. С. 355–377], «Поэма лестницы» [8. С. 377–390], «Сибирь» [8. С. 390–395], «Автобус» [8. С. 395–400].

В названных поэмах для характеристики общения используются: 1) ассонансы («В кузне – славу куют, // К устам – чару несут, //

Другу – славу поют // В ла – зорь» [8. С. 346] (полужирный шрифт и подчеркивания наши – Е.М.) и др.); 2) аллитерации («*Но как улыбалась нам, // Рядком усадив, // Бывалой и жалостной, – // Любовниц седых // Улыбкою бережной: // Увянешь! Живи!*») [8. С. 370] (полужирный шрифт, обычный шрифт и подчеркивания наши – Е.М.) и др.); 3) метафоры («*Как бы титана лапами // Кустарников и хвой, // Гора хватала за полы, // Приказывала: – стой!*») [8. С. 350] и др.); 4) анафоры («*Прощай, домоводство! // Прощай, борода! // Прощай, воеводство! // Петрова гнезда...»* [8. С. 392] и др.); 5) повторы («*Ай, льны льняны, // Царицыны льны!*») [8. С. 344] и др.) и др. Объективируя процесс общения, М.И. Цветаева употребляет: 1) эмоционально-окрашенные благодаря наличию словообразовательных элементов имена существительные («*Смекай, мол, детинушка, // Своя здесь святынюшка*») [8. С. 339] и др.); 2) имена прилагательные в форме превосходной степени сравнения (иногда с добавочными словообразовательными элементами) («*Сверхбесмысленнейшее слово: // Рас – стаемся. – Одна из ста? // Просто слово в четыре слога, // За которыми пустота*») [8. С. 371] и др.); 3) обращения («*Жги, ямничок, // В темь!*») [8. С. 343] и др.); 4) однородные члены предложения («*Отошла январским оловом // Жизнь с ее обидами. // Господи, как было молодо, // Зелено, невиданно!*») [8. С. 396] и др.); 5) обособленные члены предложения («*И, утревши щеки, // Колодцу: – Знаю, друг, // Что **сильные** потоки – // **Сверх рта и мимо** рук // Идут!..»* [8. С. 399] (полужирный шрифт, соответствующий курсиву в первоисточнике, наш – Е.М.) и др.); 6) вопросительные предложения («*Что ж вы, гости имениты, // Мало по – были?»*») [8. С. 344] и др.); 7) восклицательные предложения («*Заблудшего баловня // Вопль: домой! // Дитя годовалое: // “Дай” и “мой”!*») [8. С. 357] и др.) и др. В тексте указанных поэм наблюдается тенденция к использованию эллиптических предложений («*Мысленно: милый, милый. // – Час? – Седьмой. // В кинематограф, или?... – // Взрыв: – Домой!*») [8. С. 357] и др.), вставных конструкций («*Дом, это значит: из дому // В ночь. // (О, кому повем // Печаль мою, беду мою, // Жуть, зеленее льда?..) // – Вы слишком много думали. – // Задумчивое: – Да*») [8. С. 358] и др.). М. И. Цветаева передает: 1) слова лирической героини: «*– Помилуйте, это – дом? // – Дом – в сердце моем. – Словесность!*») [8. С. 360] (полужирный шрифт, соответствующий курсиву в первоисточни-

ке, наш – Е.М.) и др.); 2) слова других субъектов («– Я этого не хотел» [8. С. 361], «“Как цветная капуста под соусом белым!” – // Улыбнувшись приятно, мой спутник сказал» [8. С. 399] и др.) и др.

В сферу действия концепта «общение» вовлекаются практически все субъекты поэтического мира М. И. Цветаевой, следовательно, данный процесс осуществляется как в реальном, так и в метафорическом планах. Темы, связанные с рассмотренным концептом, многочисленны – это темы любви и разлуки, жизни и смерти, детства и взрослой жизни, природы и мира артефактов, поэта и поэзии, сна и бессонницы, радости и грусти, времени, истории и т.д. Поэзия М. И. Цветаевой обладает особой ритмикой и звукописью, она эмоционально насыщенная, что передается обилием знаков препинания, особым строением фраз и др. Поскольку сама поэтесса с детства увлекалась музыкой и глубоко понимала ее, она внесла элемент музыкальности и в свои произведения (в ее «возможном мире» имеются многочисленные музыкальные инструменты: рояль, орган, арфа, клавесин, рожок и др.; различные виды музыкальной деятельности: песни, танцы – вальс, мазурка и др.), сами поэтические строки обладают музыкальным звучанием. В. А. Маслова писала о М. И. Цветаевой: «С одной стороны, она была носителем особой интеллектуальной, космополитической культуры без границ, с которой она ведет постоянный диалог, будучи трехязычной по воспитанию. Но с другой, М. И. Цветаева – поэт прежде всего русской культуры с ее русской песенной стихией, эмоциональностью и душевной открытостью...» [4. С. 9]. *Песенная стихия* – звук, ритм и образ во взаимодействии создают особый цветаевский стих, в котором значения лексических и синтаксических единиц допускают неоднозначные толкования.

Поэзия М. И. Цветаевой может быть охарактеризована как песенная; значительное влияние на ее ритмику и фонетику оказала русская народная песня. Эти факторы, а также некоторые обстоятельства личной жизни поэтессы повлияли на то, что концепт «общение» воплотился в рассмотренных поэтических произведениях широко и многопланово.

Список литературы

1. Белкина, М. И. Скращение
судеб. М.: Книга, 1988. 464 с.

References

1. Belkina, M. I. Skreshhenie
sudeb. M.: Kniga, 1988. 464 s.

2. Бобров, А. А. Серебряный век Подмосковья. М.: Алгоритм, 2008. 320 с.
3. Маслова, В. А. Марина Цветаева: Над временем и тяготением. Минск: Экономпресс, 2000. 224 с.
4. Маслова, В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 256 с.
5. Саакянц, А. Комментарии // Цветаева М. И. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы; Драм. произведения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц; Вступ. ст. Вс. Рождественского. Минск: Нар. асвета, 1988. С. 461–518.
6. Саакянц, А. А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1999. 816 с.
7. Фейлер, Л. Марина Цветаева / пер. с англ. Ростов-на Дону: изд-во «Феникс», 1998. 416 с.
8. Цветаева, М. И. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы; Драм. произведения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц; Вступ. ст. Вс. Рождественского. Минск: Нар. асвета, 1988. 542 с.
9. Швейцер, В. А. Быт и Бытие Марины Цветаевой. М.: Интерпринт, 1992. 544 с.
10. Шевеленко, И. Д. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность
2. Bobrov, A. A. Serebrjanyj vek Podmoskov'ja. M.: Algoritm, 2008. 320 s.
3. Maslova, V. A. Marina Cvetaeva: Nad vremenem i t'jagoteniem. Minsk: Jekonompress, 2000. 224 s.
4. Maslova, V. A. Pojet i kul'tura: konceptosfera Mariny Cvetaevoj: uchebnoe posobie. M.: Flinta: Nauka, 2004. 256 s.
5. Saakjanc, A. Kommentarii // Cvetaeva M. I. Sochinenija. V 2 t. T. 1. Stihotvorenija; Pojemy; Dram. proizvedenija / Sost., podgot. teksta i komment. A. Saakjanc; Vstup. st. Vs. Rozhdestvenskogo. Minsk: Nar. asveta, 1988. S. 461–518.
6. Saakjanc, A. A. Marina Cvetaeva. Zhizn' i tvorcestvo. M.: Jellis Lak, 1999. 816 s.
7. Fejler, L. Marina Cvetaeva / per. s angl. Rostov-na Donu: izdvo «Feniks», 1998. 416 s.
8. Cvetaeva, M. I. Sochinenija. V 2 t. T. 1. Stihotvorenija; Pojemy; Dram. proizvedenija / Sost., podgot. teksta i komment. A. Saakjanc; Vstup. st. Vs. Rozhdestvenskogo. Minsk: Nar. asveta, 1988. 542 s.
9. Shvejcer, V. A. Byt i Bytie Mariny Cvetaevoj. M.: Interprint, 1992. 544 s.
10. Shevelenko, I. D. Literaturnyj put' Cvetaevoj: Ideologija – pojetika – identichnost' avtora

- автора в контексте эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 464 с.
11. Щербак, Н. Любовь поэтов Серебряного века. М.: Астрель; СПб.: Астрель-СПб; Владимир: ВКТ, 2012. 310 с.
- v kontekste jepohi. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 464 s.
11. Shherbak, N. Ljubov' poetov Serebrjanogo veka. M.: Astrel'; SPb.: Astrel'-SPb; Vladimir: VKT, 2012. 310 s.

**ТРУДНОСТИ ПЕРЕДАЧИ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ АЛЛЮЗИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

М. А. Ананьина, Б. А. Ускова

В статье рассматривается проблема передачи лингвокультурной информации при переводе аллюзий в художественных произведениях с английского языка на русский. На основе анализа переводов семи романов А. Мердок выявлены четыре способа перевода аллюзий: описательный, использование в переводе поясняющих элементов, наличие комментария и отсутствие каких-либо приемов преодоления разницы энциклопедической информации в тексте. В заключение указывается на необходимость ознакомления с культурно-значимыми моделями мышления носителей иностранного языка для овладения коммуникативной компетенций.

Ключевые слова: лингвокультурная информация, аллюзия, коммуникативная компетенция, фоновая информация.

Владение иностранным языком предполагает не только сугубо лингвистические знания о том, как он функционирует, но и умение использовать его в различных ситуациях общения, в профессиональной (производственной и научной) деятельности, а также как средство самообразования. В качестве практической цели обучения иностранному языку выступает приобретение **коммуникативной компетенции**. Одной из задач в рамках поставленной цели является формирование умения читать аутентичные англоязычные тексты, относящиеся к разным жанрам научной, художественной и справочной литературы.

Через тексты на иностранном языке человек приобщается к культуре другой страны, что особенно важно при изучении языка. Тексты представляют собой хранилища культурно-исторического опыта человечества в целом. В то же время текст, созданный на определенном языке в условиях определенной культуры, содержит информацию национально-специфического характера, создающую неповторимый облик языка и картины мира его носителей.

Как отмечает В. А. Маслова, «текст – это истинный стык лингвистики и культурологии, так как он принадлежит языку и является его высшим ярусом, в то же время текст есть форма существования культуры». С другой стороны, только тот человек сможет понять художественный текст, который владеет культурно-историческими знаниями как общечеловеческого, так и специфически национального характера, так называемой фоновой информацией (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров).

При этом следует подчеркнуть, что проблема взаимоотношения культуры и языка неоднозначна и глубокое понимание представителей иной культуры и текстов, написанных в её условиях, не ограничивается только знанием фоновой лексики, которую представляется возможным точно и механически выучить. Само собой разумеется, что следует учитывать фреймы, ситуативные знания, языковую картину мира и также фоновую лексику. Поскольку фоновая лексика является неотъемлемым компонентом знания иноязычной культуры, мы остановимся в данной работе на особенностях её восприятия.

Как подчеркивает В.С. Виноградов, к фоновым знаниям относятся такие сугубо национальные сведения, «совладельцем которых не стали другие национальные общности» [1]. В данной работе мы придерживаемся именно такой трактовки фоновой информации, национальная специфика которой может вызвать трудности у изучающего иностранный язык. Среди единиц, передающих фоновую информацию, важную роль играют аллюзии. В тексте аллюзии могут быть выражены при помощи словосочетаний, представляющих собой «осколки» известных цитат, фрагментов пословиц и крылатых выражений, а также при помощи известных имен или названий, отсылающих к прецедентным текстам, к культурно-исторической реальности, произведениям различных видов искусства. Объектом нашего исследования в данной работе является процесс смысловых преобразований с привлечением фоновой информации при использовании в тексте аллюзивного антропонима. Наличие необходимых знаний, связанных с образом известной личности, может существенно обогатить, а при отсутствии этих знаний – обеднить читательское восприятие текста. Внимательное прочтение оригинального текста, обращение к комментариям и дополнительным источникам позволит не только повысить каче-

ство чтения, но и расширит когнитивный и культурологический тезаурус личности, изучающей иностранный язык, позволит понять национальный ономастикон изучаемого иностранного языка. При чтении переводной литературы большая роль отводится переводчику, его способности передать коннотации иноязычного имени и его иноязычный колорит.

В результате анализа романов английской писательницы А. Мердок («Под сетью», «Море, море», «Черный принц», «Дитя слова», «Алое и зеленое», «Единорог», «Дикая роза») мы выделили четыре способа адаптации культурно-исторической информации, актуализируемой при использовании аллюзивного антропонима, в русском переводе. Количество случаев, в котором использован тот или иной способ, для удобства выражен в процентах от 227 рассмотренных нами аллюзивных имен. В 3 % случаев наблюдается отсутствие перевода аллюзивного имени на русский язык. В остальных примерах были выделены следующие способы перевода: 1) использование в переводе поясняющих элементов – 5 %; 2) наличие комментария – 12 %; 3) отсутствие каких-либо приемов преодоления разницы энциклопедической информации в тексте – 63 %.

В случаях, когда переводчик делает упор на информативный потенциал аллюзивной отсылки, происходит частичная потеря функциональных особенностей аллюзии, поскольку теряется эффект неожиданности, оригинальности при узнавании ссылки читателем. Данная особенность имеет место при использовании добавлений, наличии комментария или дословном переводе без каких-либо поясняющих элементов. Если переводчик ставит целью сохранение функциональной нагрузки аллюзии, ее стилистического эффекта, то он прибегает к заменам, уподобляющему переводу, когда не известное русскому читателю аллюзивное имя заменяется единицей, сходной по выражаемому значению, но имеющей национальную специфику переводящего языка, или переводится описательно. В таком случае имеет место потеря культурно-исторического смысла аллюзии. Рассмотрим данные способы более подробно.

Приведем пример перевода аллюзивного антропонима описательным способом из романа А. Мердок «Черный принц»: *Every married person is a Jekyll and Hyde, they've got to be. (I. Murdoch, The Black Prince)*. – В каждом женатом человеке сидит скрытый зверь, иначе просто не может быть. (Мердок А. Черный принц //

Иностранная литература. 1974 / пер. с англ. И. Бернштейн и А. Поливановой).

В данном случае аллюзивным антропонимам «Jekyll and Hyde» соответствует русское словосочетание «скрытый зверь». Переводчики, видимо, посчитали целесообразным заменить антропонимы описательным словосочетанием, более понятным русскоязычному читателю. Аллюзии в отрывке взяты из произведения Р. Л. Стивенсона «Странный случай доктора Джекилла и мистера Хайда», написанном в конце XIX века. Роман «Черный принц» переводился на русский язык в 70-е годы XX века. Видимо, в то время русский читатель, в отличие от современного, не был в такой степени знаком с английской литературой. Для английского же читателя аллюзия на повесть своего национального писателя хорошо известна. Описательный перевод лишает текст национального колорита.

Приведем пример использования в переводе поясняющих элементов: *I felt like Actaeon condemned and cornered and devoured. (I. Murdoch, The Black Prince)*. – Как олень, который не может больше бежать, поворачивается и склоняет голову перед собаками, как Актеон, подвергшийся каре богини, загнанный и растерзанный (Мердок А. Черный принц).

Переводчики используют дополнительную поясняющую информацию, расшифровывающую ситуацию аллюзивной отсылки, что в значительной мере облегчает восприятие текста читателем, не знакомым с данным мифологическим сюжетом. Известно, что изучение мифологии является обязательным компонентом школьного образования в Британии.

Приведем пример использования комментария: «James:

– *And to be able to keep oneself warm by mental power is obviously handy on a winter journey.*

– *Like good King Wenceslas! (I. Murdoch, The Sea, The Sea)*. – «И не озябнуть зимой в пути – такое умение, конечно, может очень пригодиться.

– Как добрый царь Венцеслав!» (Мердок А. Море, море / пер. с англ. М. Лорие).

Ниже приводится комментарий переводчиков: *Герой рождественской баллады Дж. Нила (1816–1866), царь и святой. В морозную ночь, когда царь навещал бедняков, слуга, сопровождавший его, согрелся, едва стал ступать по снегу, ставя ноги в следы,*

оставленные царем. Комментарии приводятся в случаях, когда для понимания смыслового компонента отсылки добавления дополнительных элементов недостаточно и требуется фактическая информация. Отметим, что комментарии в изученных романах носят несистематический характер. Если аллюзия носит символический характер или автор предыдущим или последующим повествованием объясняет суть аллюзивной отсылки, то переводчик не использует специальных приемов преодоления разницы энциклопедической информации в тексте.

Глубокое и полное понимание иноязычного текста невозможно без овладения знаниями культурно-исторического характера. Приобретение коммуникативной компетенции предполагает знакомство со стереотипами и культурно-значимыми моделями мышления носителей иностранного языка.

Список литературы

1. Виноградов, В. С. Перевод: Общие и лексические вопросы: учеб. пособие. 3-е изд. М. : КДУ, 2006. 240 с.
2. Гринев-Гриневич, С. В. Основы антропологистики : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. В. Гринев-Гриневич, Э. А. Сорокина, Т. Г. Скопюк. М. : Академия, 2008. 128 с.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Едиториал УРСС, 2002. 263 с.
4. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение: курс лекций: учеб. пособие. М. : ЭТС, 2000. 190 с.
5. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.

References

1. Vinogradov, V. S. Perevod: Obshhie i leksicheskie voprosy: ucheb. posobie. 3-e izd. M. : KDU, 2006. 240 s.
2. Grinev-Grinevich, S. V. Osnovy antropolingvistiki : ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij / S. V. Grinev-Grinevich, Je. A. Sorokina, T. G. Skopjuk. M. : Akademija, 2008. 128 s.
3. Karaulov, Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M. : Editorial URSS, 2002. 263 s.
4. Komissarov, V. N. Sovremennoe perevodovedenie: kurs lekcij: ucheb. posobie. M. : JeTS, 2000. 190 s.
5. Krasnyh, V. V. «Svoj» sredi «chuzhijh»: mif ili real'nost'? M. : Gnozis, 2003. 375 s.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ФОРМА ЯЗЫКОВЫХ РЕАЛИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Амир Хосейни, Араш Голандам Карим
(Тегеран, Иран)

В статье рассматривается классификация реалий с целью определения его грамматической формы. Грамматическая форма реалии связана в первую очередь с определением ее принадлежности к данной части речи, к различным грамматическим категориям, и, естественно, с возможностями формообразования. Все наблюдения показывают, что как часть речи реалия, подобно термину, в подавляющем числе случаев – имя существительное. Но могут и принадлежать другим частям речи.

Ключевые слова: Грамматическая форма, реалий, части речи, классификация.

Реалии это крайне специфические понятия и определения, свойственные исключительно одному, отдельно рассматриваемому, народу, языковой группе, этническому меньшинству. Реалии одного народа, обычно, не встречаются в языке другого и в своем роде неповторимы в иной языковой форме. К категории реалий относятся многие пословицы, поговорки, идиоматические выражения, фразеологизмы, слова и словосочетания, обозначающие отдельные национальные черты, явления, предметы, не встречающиеся у других этнических групп.

По мнению Томахина «Реалии – это названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т. п. При сопоставлении языков обозначающие эти явления слова относят к без эквивалентной лексике. Без эквивалентными являются слова, служащие для выражения понятий, которые отсутствуют в иной культуре и, как правило, не переводятся на другой язык од-

ним словом, не имеют эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат. Переводчикам, как правило, приходится прибегать к пространным описаниям или предлагать собственные неологизмы» [10. С. 5].

На вопрос, к какой категории языковых средств следует отнести реалии, специалисты не дают однозначных ответов. Реалией может быть номинативное, то есть назывное, словосочетание еще и потому, что к реалиям мы обычно приравняем кальки, нередко представляющие собой именно такие словосочетания. Часто, когда идет речь о фразеологических единицах в качестве реалий, подразумевают обычные устойчивые словосочетания всех типов, в том числе идиомы, пословицы и поговорки, многие из которых обладают сами по себе характерной национальной или исторической окраской. Другой формой реалий являются сокращения (аббревиатуры). Включение их в число реалий также логично, поскольку они представляют собой стянутые в одно «слово» (многие и стали словами – вуз, собес, загс) номинативные сочетания. Говоря о форме, следует упомянуть также о фонетическом и графическом облике транскрибируемых реалий. Например, М. Л. Вайсбург, который вообще толкует реалии довольно широко считает, что «понятия, относящиеся к числу реалий, могут быть выражены отдельными словами (маевка, декабристы, щи, пятак), словосочетаниями (Мамаев курган, дом отдыха), предложениями (не все коту масленица, что скажет свет, княгиня Марья Алексевна), сокращениями (ЦПКиО, ОПН, КВБ, гороно, комсомол)» [1. С. 98]. Реалии следует понимать как особый тип референтов, которые в своей совокупности отражают специфику определённой культуры, обусловленную особой структурой материальных и духовных ценностей [7. С. 464]. По А. Е. Супруну [Супрун, с.52-53] реалии делятся, главным образом, по предметному принципу на несколько семантических групп.

Говоря о форме реалии как языковой единицы, следует упомянуть также о фонетическом и графическом облике транскрибируемых реалий [Сергей Влахов, 1986, с. 18–19]. Определение реалий как частных элементов культуры, понимаемой как исторически сложившаяся на основе экономического базиса совокупность материальных и духовных ценностей общества и включающей национальный язык, позволяет рассматривать их в пределах куль-

турно – генетической общности, объединяемой языком [2. С. 4]. Большинство других авторов как Л. Н. Соболев, Г. В. Чернов, А. В. Федоров и др. говорят о «словах», «лексических единицах», добавляя иногда «словосочетания», к чему присоединяемся и мы.

Целью нашей статьи является выявить грамматическую форму языковых реалий русского языка. На вопрос, к какой категории языковых единиц относятся реалии, не существует единого мнения. Однако на сегодняшний день существует много мнений, что реалии могут быть выражены отдельными словами и словосочетаниями, семантически равными словам. Грамматическая форма реалии как слова зависит от ее принадлежности к определенной части речи и от особенностей грамматического строя языка. По наблюдениям С. И. Влахова и С. П. Флорина, в большинстве своем реалии – имена существительные, что закономерно, поскольку, исходя из рассмотренных выше определений, реалии чаще всего называют предметы и явления. Реалиями также следует считать отыменные прилагательные, значение которых непосредственно связано со значением реалий. Не производные реалии среди других частей речи встречаются крайне редко.

Реалия и имя собственное связаны настолько тесно, что в ряде случаев отнести лексическую единицу к тому или другому классу лексики возможно лишь с опорой на орфографию. Ряд авторов, в том числе В.С.Виноградов, включают имена собственные в категорию реалий, другие же (С. И. Влахов, С. П. Флорин) рассматривают реалии как класс безэквивалентной лексики. Некоторые авторы утверждают, что названия праздников, сказочных существ могут быть в разных условиях как реалиями, так и именами собственными. Обращения образуют особую группу реалий. Следует отметить, что истинными реалиями можно считать только те из них, которые являются носителями национального колорита в рамках языка оригинала.

Ряд реалий могут представлять собой отклонения от литературной нормы. Прежде всего, их следует искать среди диалектизмов – реалии такого типа С. И. Влахов и С. П. Флорин называют локальными в противовес национальным. Относительно немного реалий среди элементов сниженного стиля и практически не встречаются они среди отклонений, возникших как стилистический прием автора. Реалии, будучи наименованиями предметов, понятий, куль-

турных, бытовых и исторических явлений определенного народа и страны, отражают тот или иной отрезок действительности, следовательно, тесно связаны с внеязыковой действительностью. Внеязыковой фон, созданный так называемыми «ситуативными реалиями» – иносказаниями, словами-реалиями, аллюзиями, намеками – должно отражать в тексте перевода. Суммируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

– реалия – предмет, вещь, материально существующая или существовавшая. В лингвистике и переводоведении реалиями называют слова и выражения, обозначающие эти предметы, а также устойчивые выражения, содержащие в себе такие слов. Реалии характерны для подъязыка художественной литературы и средств массовой информации, неразрывно связаны с культурой определенного народа, являются общеупотребительными для языка этого народа и чуждыми для других языков;

– реалии характеризуются гибкостью: не теряя своего статуса, они могут одновременно относиться к нескольким лексическим категориям;

– многие реалии являются выразителями коннотативных значений;

– основным критерием отличия реалии от других классов лексических единиц является её национальная и (или) временная окраска.

Как описывают в своей книге НЕПЕРЕВОДИМОЕ В ПЕРЕВОДЕ *Сергей Влахов, Сидер Флорин* Грамматическая форма реалии связана в первую очередь с определением ее принадлежности к данной части речи, к различным грамматическим категориям, и, естественно, с возможностями формообразования. «Все наблюдения показывают, что как часть речи реалия, подобно термину, в подавляющем числе случаев – имя существительное. На это указывает наличие одних лишь существительных в «словариках» Н. В. Гоголя, так же как в подобном списке японских слов, приложенном к сборнику произведений Я. Кавабата, в ряде комментариев к русским переводам с болгарского и т. п. Это обусловлено предметным содержанием реалий как особого класса лексики, что хорошо видно из нашей дефиниции и классификации» [3. С. 21].

«В отличие от терминов, среди реалий почти не встречаются отглагольные существительные, что объясняется отсутствием в

содержании реалий «опредмеченного действия». При таком положении вопрос принадлежности реалий к другим частям речи представляется в следующем виде. Самостоятельные, производные реалии среди других частей речи нам не встречались, а реалию-служебное слово даже трудно себе представить. Что касается производных от реалий частей речи, какие бы они ни были, то они, разумеется, должны сохранить, если не полностью, то хоть отчасти свой национальный или исторический колорит, независимо от того, будем мы их называть реалиями или нет.

Особую группу таких производных составляют отыменные прилагательные, генетически связанные с реалиями. Возьмем прилагательные от некоторых характерных реалий-мер: *вершковый, аршинный, саженный, верстовой, фунтовый, пудовый* и реалий-денег: *копеечный* и *рублевый*. В общем, значение большинства из них непосредственно связано со значением реалии, от которой оно произведено: «длиною (весом, достоинством, стоимостью) в один вершок (аршин, фунт, пуд, рубль) или одну сажень (копейку)». Таково же приблизительно положение с притяжательными прилагательными; семантически они не отличаются от форм «родительного принадлежности» – типа *совхозный, помещичий, канцлерский, фара-онский, балалаечный* (оркестр), *былинный* (склад), *махорочный* (дым)» [3. С. 21].

«Положение существенно меняется, когда прилагательное получает значение качественного (точнее – качественно-относительного), то есть употребляется в переносном значении. Следует отметить, что далеко не от всех реалий можно образовать прилагательные, которые имели бы и прямое, и переносное значение. Из приведенных выше *вершковый* и *фунтовый* могут значить только «длиною в один вершок» и «весом в один фунт» соответственно и употребляются редко; с другой стороны, *копеечный*, наряду с прямым значением «достоинством в одну копейку» (копеечная монета), имеет еще два, а то и три переносных значения: «стоящий недорого» (копеечная вещь), «низкооплачиваемый» (копеечные уроки) и «мелочно-расчетливый» (копеечный ум). При этом довольно трудно вывести определенную закономерность: переносные значения получают, с одной стороны, названия «мелких денег», разменной монеты (*копейка, су, стотинка, пенни*), с другой – крупные меры (*пуд, ока*); от них не отстают и какие-то «сред-

ние» – *аршин* и *сажень*. Возможно, что это связано с их большей употребительностью. Между тем, такие реалии послужили основой для образования множества фразеологических единиц.

Здесь, однако, важнее отметить, что в некоторых, даже, может быть, в большинстве прилагательных, приобретших переносное значение, оно как бы преобладает над прямым и часто настолько, что прямое почти перестает чувствоваться; это в свою очередь отражается на яркости колорита: он «выцветает» иной раз до такой степени, что переводчик серьезно подумывает об употреблении данного слова просто как синонима к прилагательному, определяющему его качество. Например, *пудовый* значит просто «очень тяжелый», и никому из русских, наверное, не придет в голову взвешивать сапоги, о которых сказано, что они «пудовые»; *аршинный* и *саженный* – «очень большой» («писать аршинными буквами», «саженные шаги»); «*богатырский* рост» не обязательно связывать с героями былин и т. д. Приблизительно такая же картина наблюдается в отношении сложных прилагательных *стопудовый* и *тысячеверстный*.

Итак, независимо от того, будем мы считать прилагательные, произведенные от реалий, реалиями или нет, обращаться с ними при переводе следует чрезвычайно осмотрительно: даже при утрате значительной доли национальной окрашенности или временной патины, в самих словах сохраняется достаточно аромата места и эпохи, чтобы заставить переводчика отказаться от нейтральных замен» [3. С. 23].

На наш взгляд, для определения того что к какой части речи языка относятся языковые реалия мы придерживаемся следующей гипотезы: установит принадлежность реалии к одной части речи путем анализа классификаций языковых реалий в русском языке. Для лучшего пояснения можно воспользоваться общепринятым делением реалий языка, которое можно применит большинству языков. Для полного усвоения можно воспользоваться приведенными классификациями о реалиях языка. В настоящее время в научной лингвистической литературе представлены различные классификации реалий по временным, семантическим, грамматическим, местным, фонетическим и прочим признакам. Группирование реалий по предметным областям находим у Б. И. Репина [5. С. 87–98]. Его классификация выглядит следующим образом:

1. Бытовые реалии: жильё, одежда, украшения, пища; напитки, родственные отношения; обычаи, игры, песни; названия музыкальных инструментов. 2. Этнографические реалии: названия родов и племён. 3. Мифологические реалии: а) злые духи; б) клич. 4. Религиозные реалии. 5. Ономастика.

А. А. Реформатский объединяет реалии по предметно-языковому принципу в следующие группы:

1. имена собственные; 2. монеты; 3. должности и обозначения лиц; 4. детали костюма и украшения; 5. кушанья и напитки; 6. обращения и титулы при именах [6].

Общая схема классификации реалий С. Влахова и С. Флорина имеет следующий вид:

I. Предметное деление. II. Местное деление (в зависимости от национальной и языковой принадлежности). III **Временное деление** (в синхроническом и диахроническом плане, по признаку «знакоместа»).

I. Предметное деление.

1. Географические реалии, связанные с физической географией или смежными науками, очень близко стоят к терминам, поэтому четкое их отграничение практически невозможно. Географические реалии включают в себя

– названия объектов физической географии, в том числе и метеорологии;

– названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью;

– названия эндемиков.

2. Этнографические реалии объединяют слова, обозначающие понятия быта, материальной и духовной культуры, религии, искусства, фольклора.

2.1. Быт:

– пища, напитки и т. п. (*щи*);

– одежда (включая обувь, головные уборы и пр.) (*варежки*);

– жильё, мебель, посуда и др. Утварь (*изба*);

– транспорт (средства и «водители») (*тройка*);

– другие (предметы) *дом отдыха*.

2.2. Труд:

– люди труда (*ударник, бригадир*);

– орудия труда;

- организация труда (включая хозяйство и т. п.) (*колхоз*).
- 2.3. Искусство и культура:
 - музыка и танцы (*казачок*);
 - музыкальные инструменты и др. (*балалайка*);
 - фольклор (*частушки*);
 - театр (*петрушка*);
 - другие искусства и предметы искусств;
 - исполнители (*skomорох*);
 - обычаи, ритуалы (*коляда*);
 - праздники, игры (*День Победы*);
 - мифология (*Баба Яга*);
 - культы – служители и последователи (*хадж*);
 - календарь (*бабье лето*).
- 2.4. Этнические объекты:
 - этнонимы (*казах*);
 - клички (обычно шуточные или обидные) (*хохол*);
 - названия лиц по месту жительства (*тарасконец*).
- 2.5. Меры и деньги:
 - единицы мер (*аршин*);
 - денежные единицы (*копейка*).
- 3. Общественно-политические реалии.
 - 3.1 Административно-территориальное устройство:
 - административно-территориальные единицы (*губерния*);
 - населенные пункты (*станции*);
 - части населенного пункта.
 - 3.2. Органы и носители власти:
 - органы власти (*дума*);
 - носители власти (*царь*).
 - 3.3. Общественно-политическая жизнь:
 - политические организации и политические деятели (*большевики*);
 - патриотические и общественные движения (и их деятели) (*партизаны*);
 - социальные явления и движения (и их представители) (*нэп*);
 - звания, степени, титулы, обращения (*заслуженный деятель культуры*);
 - учреждения (*загс*);
 - учебные заведения и культурные учреждения (*лицей*);

- сословия и касты (и их члены) (*дворянство*);
- сословные знаки и символы (*красное знамя*).

3.4. Военные реалии:

- подразделения (*сотня*);
- оружие (*таран*);
- обмундирование (*кольчуга*);
- военнотружущие (и командиры) (*атама*).

Так же деление по временному признаку относит реалии к одной из предложенных групп:

- современные реалии;
- исторические реалии.

На основе теории классификации реалий, нами были проанализированы языковые реалия словаря «Россия большой лингвострановедческий словарь». При анализе было выявлено, что, не смотря на то что в основном языковые реалия грамматической формой относятся к именам существительным и отименным прилагательным, некоторые реалия могут быть отнесены к другим частям речи как имена числительные, глаголы, прилагательные даже междометие. Рассмотрим некоторые из них:

ГУЛАК – имя существительное аббревиатура, Колхоз имя существительное сложносокращенное слово, Дядя Степа имя существительное, имя собственное [4. С. 30].

БЕЛЫЕ – (В разговорной речи белогвардейцев, а также участников Белого движения называют просто – белые) имя прилагательное, качественное прилагательное; прилагательное, множественное число, неодушевленное, одушевленное [4. С. 46].

Т-34, 37, 1917, 01,06 – имена числительные, количественное;

КУ-КУ – (Междометие ку-ку произносит выглядывающий откуда-нибудь человек (чаще ребенок), желая объявиться перед кем-то и снова спрятаться) междометия, звукоподражательное слово [4. С. 296].

КУКОВАТЬ – (От междометия ку-ку образован глагол куковать в переносном значении ‘сидеть в одиночестве, тосковать’) глагол, инфинитив, действительный залог, переходный, несовершенный вид [4. С. 296].

РАССКУЛАЧИВАТЬ – (В ироническом смысле иногда используется глагол раскулачить в значении ‘лишить кого-либо де-

нег или вещей') Часть речи: инфинитив, глагол, действительный залог, несовершенный вид, непереходный [4. С. 297].

САМИЗДАТЬ – (В 50–60 годы в русском языке появилось слово самиздат, обозначавшее нелегальное издание произведений, которые были запрещены цензурой как антисоветские, **Часть речи:** глагол, инфинитив, действительный залог, непереходный, совершенный вид [4. С. 168].

Распределив найденные языковые реалия в выше указанной классификации можно быстро установить грамматическую форму каждой реалии. Рассматривая классификацию языковых реалий русского языка можно установить, что в основном реалия имеют форму имени существительного и его многообразные грамматические формы и категории. Как указывали в своих работах Валхов и Флорин реалия в основном указывают на предмет, к чему присоединяемся и мы. Но несмотря на это все таки обнаруживаются реалия, которые не указывают на предмет и не считаются именем существительным. Некоторые реалия могут быть отнесены к другим частям речи как имена числительные, глаголы, прилагательные даже междометие.

Список литературы

1. Вайсбурд, М. Л. Реалии как элемент страноведения // Русский язык. 1972. № 3. С.98.
2. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М. : Русский язык, 1990. 269 с.
3. Влахов, С. Непереваемое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. М. : Высш. шк., 1986. 416 с.
4. Прохоров, Ю. Е. Россия большой лингвострановедческий словарь. М. : АСТ-ПРЕСС, 2007.
5. Репин, Б. И. Национально-специфические слова-реалии как особая часть лексики в переводимом произведении // Те-

References

1. Vajsburd, M. L. Realii kak jelement stranovedenija // Russkij jazyk. 1972. № 3. S.98.
2. Vereshhagin, E. M. Jazyk i kul'tura / E. M. Vereshhagin, V. G. Kostomarov. M. : Russkij jazyk, 1990. 269 s.
3. Vlahov, S. Neperevodimoe v perevode / S. Vlahov, S. Florin. M. : Vyssh. shk., 1986. 416 s.
4. Prohorov, Ju. E. Rossija bol'shoj lingvostranovedcheskij slovar'. M. : AST-PRESS, 2007.
5. Repin, B. I. Nacional'no-specificheskie slova-realii kak osobaja chast' leksiki v perevodimom proizvedenii //

- оретические и практические вопросы преподавания иностранного языка: сб. статей. М., 1970.
6. Реформатский, А. А. Введение в языкознание. М., 1967.
7. Рим, А. Р. У. Великобритания: Лингвострановед. словарь. М. : Рус. яз., 1980.
8. Супрун, А.Е. [Указ. соч]. С. 52–53.
9. Томахин, Г. Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению. М. : Высш. шк., 1988. 238 с.
10. Томахин, Г. Д. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения // Иностран- ный язык в школе. 1980.
- Teoreticheskie i prakticheskie voprosy prepodavanija inostranogo jazyka: sb. statej. M., 1970.
6. Reformatskij, A. A. Vvedenie v jazykoznanie. M., 1967.
7. Rim, A. R. U. Velikobritanija: Lingvostranoved. slovar'. M. : Rus. jaz., 1980.
8. Suprun, A.E. [Ukaz. coch]. S. 52–53.
9. Tomahin, G. D. Realii-amerikanizmy. Posobie po stranovedeniju. M. : Vyssh. shk., 1988. 238 s.
10. Tomahin, G. D. Fonovye znanija kak osnovnoj predmet lingvostranovedenija // Inostrannyj jazyk v shkole. 1980.

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ К СИНТАКСИЧЕСКОМУ РАСЧЛЕНЕНИЮ И СЛИЯНИЮ

А. А. Вердеш, Е. А. Покровская

В статье на материале вставных конструкций рассматривается взаимодействие тенденции к синтаксическому расчленению и слиянию. Наряду с традиционно рассматриваемыми включенными и выключенными вставными конструкциями, выделяется гибридное явление, которое образуется посредством выключения вставной конструкции при помощи скобок и сопровождается разрушением грамматической связи с включающим предложением.

Ключевые слова: вставные конструкции, синтаксическое расчленение, синтаксическое слияние.

Исследователи достаточно давно выделили две синтаксические тенденции, характерные для современной художественной литературы. Во-первых, это тенденция к расчленению, которая реализуется в таких явлениях, как парцелляции, вставные конструкции (parenтезы), синтаксическая неполнота, неграмматическое обособление членов предложения и т. д. Обратной стороной этой тенденции является тенденция к слиянию, которая воплощается в активизации бессоюзной связи, активизации слабых синтаксических связей, смешении речевых планов повествователя и персонажей, отсутствии пунктуационно-графического оформления текста и т. д. При этом последовательно просматривается соответствие между этими языковыми явлениями и установками двух парадигм в искусстве и, шире, культуры последних веков: классической парадигмы и парадигмы неклассической (авангардной, модернистской, постмодернистской). Если классическая парадигма ориентируется на создание упорядоченной, иерархически организованной картины мира, то неклассическая парадигма отрицает возможность такого взгляда на действительность, используя для выражения этого перечисленные выше речевые средства [6].

Вставные конструкции (далее ВК) уже рассматривались как одна из основных форм проявления тенденции к расчленению,

причем не только в собственно синтаксическом аспекте, но и с точки зрения связей между языком и художественными и культурными установками [6; 4]. Эта статья посвящена взаимодействию в данном синтаксическом явлении тенденций к расчленению и слиянию. Однако сначала необходимо остановиться на общей характеристике ВК.

ВК представляют собой многоаспектное явление, имеющее грамматическую интонационную, пунктуационную, семантическую и коммуникативную стороны.

Существует мнение, что ВК не имеют формально-грамматической связи с включающей частью, то есть могут быть связаны с ней лишь содержательно (см., например, [8. С. 89; 11. Р. 778]). Такое понимание представляется недостаточно точным: скорее, оно отражает представление о «типичной» (если не сказать «идеальной») парентезе. В реальности грамматическая автономность ВК может варьировать. Так, Б. С. Шварцкопф разделял ВК на включенные и выключенные: если первые не предполагают связи ВК с включающим предложением и представляют собой побочную мысль, возникшую в процессе порождения высказывания, то вторые возникают в результате обособления, при котором придаточные предложения или члены предложения перестают быть компонентами единой синтаксической структуры, то есть как бы выключаются из нее [10]. По этой причине более правомерным представляется подход, в основе которого лежит представление о членении высказывания на два плана: основной план представлен включающим предложением, второстепенный, вспомогательный – ВК, как предикативной, так и непредикативной [9; 8. С. 90] (ср. [6. С. 153]). Отсутствие грамматической связи оказывается существенным, но не сущностным признаком ВК, а потому может служить основанием для их типологии.

Интонация включения (наличие паузы до и после ВК, понижение тона) является одним из самых существенных формальных признаков рассматриваемых конструкций. При этом величина и тип паузы находятся в зависимости от степени смысловой связи ВК с основным предложением или его компонентом [2. С. 44], а также от размера ВК и места ее вставки [1. С. 277].

Это находит отражение в пунктуационном оформлении: ВК типично отделяется от основного предложения скобками или двумя

тире [7]. При этом наиболее частотным знаком являются скобки, что можно объяснить чрезвычайно высокой функциональной нагруженностью запятых и тире [5]. Пунктуационный аспект связан с противопоставлением включенных и выключенных ВК. Удаление скобок при включенных ВК ведет к нарушению правильности высказывания; выключенные ВК в результате такой трансформации превращаются в полноправные компоненты простого или сложного предложения.

Типично парентеза несёт дополнительную информацию. Однако в действительности наблюдается достаточно большой разброс в степени семантической связности содержания ВК с содержанием включающего предложения. Представляется также важной идея о том, что ВК осмысляется как побочная мысль, возникшая в процессе произнесения высказывания (а не до или после его произнесения) [7].

Наконец, с точки зрения коммуникативного критерия ВК являются самостоятельными высказываниями, то есть могут иметь актуальное членение и образовывать новый уровень актуального членения предложения [7. С. 326], или, как минимум, сами являются дополнительной ремой.

ВК, бесспорно, тесно связана с тенденцией к расчленению. В частности, это особенно заметно на примере выключенных ВК, которые возникают как следствие интонационного и графического обособления той или иной части предложения. По этой причине сближение ВК с парцелляцией, которая также предполагает интонационное и структурное обособление, представляется закономерным, хотя и при обязательном соблюдении одного условия: парцеллируемый компонент никогда не занимает позиции внутри предложения (это просто невозможно), тогда как для ВК невозможна позиция в начале предложения.

В современных художественных текстах можно выделить три типа вставных конструкций. Первые два типа соответствуют выключенным и включенным ВК, тогда как третий тип представляет слияние двух этих типов.

1. Парентезе подвергается член предложения или придаточное предложение, причем синтаксические связи данного компонента с предложением сохраняются. В результате компонент графически отделяется и приобретает интонационную самостоятельность,

а его коммуникативный статус, как правило, понижается в силу того, что сообщаемая им информация начинает оцениваться как вспомогательная, дополнительная, разъясняющая. Несмотря на сохранение синтаксических связей, в таких примерах все-таки наблюдается синтаксическое расчленение, что проявляется в смысловой, интонационной и пунктуационной автономности выделяемого компонента.

Данное явление характерно для членов предложения: *Он выдавил из себя задыхающимся (от ревности, от зависти, от восторга) голосом...* (А. Мариенгоф, Роман без вранья). При этом в особых случаях в качестве вставной конструкции может функционировать не второстепенный член предложения, а главный член, например, подлежащее: *Есть дома, где живут. Есть дома, которые живут. Сами. Вне людей. <...> Дома, где водится (все, кроме человека)* (М. Цветаева, «Наталья Гончарова»). Нельзя не отметить, что эта явная манифестация синтаксического расчленения сопровождается явлениями, так или иначе связанными с тенденцией к слиянию. Прежде всего, это потенциальное переосмысление синтаксической роли словоформы *водится* и, как следствие, двусмысленность предложения. С одной стороны, мы можем интерпретировать его как двусоставное предложение с подвергнутым парентезе подлежащим; с другой стороны, возможно осмысление словоформы *водится* как безличного предложения, смысл которого разъясняется при помощи ВК *все, кроме человека*. Эта неопределенность при квалификации приведенной конструкции представляет собой существенное последствие действия тенденции к синтаксическому расчленению. Единственное, что остается определенным, – это смысловая, ассоциативная связь, которая имеет весьма зыбкую, неоднозначную формальную (синтаксическую) опору.

2. Еще один тип ВК – это вставка компонента, который не является ни членом предложения, ни придаточным предложением, то есть не имеет грамматической связи с включающей частью. В следующем примере ВК представлены параллельными, дополнительными описаниями, разбивающими авторскую речь на отдельные сегменты; они содержат прямую речь, что в сочетании с несобственно-прямой речью создает ощущение спора, в котором говорящие активно перебивают друг друга: *Эта выгнанная обманом старушка раньше навещала соседей и все плакала, а теперь уже,*

видно, давно успокоилась, поэтому больше не жаловалась, сказала, что живет прилично («Вместе с сестрой?» — спросила Надя, и старушка ответила, что теперь без сестры, и Надя забоялась дальше спрашивать, не умерла ли эта древняя сестра), живет прилично, развела много цветов («На балконе?» — спросила опять Надя, а старушка сказала, что нет, над головой, как-то странно ответила, и Надя опять не стала переспрашивать где), но Наде самой было важно выговориться, и она тут же все выложила по порядку (Л. Петрушевская, Чудо). Данный пример подтверждает представление о том, что вставная конструкция предполагает выделение двух планов: основного и второстепенного; о стремлении подкрепить связность основного плана свидетельствует повтор предложения *живет прилично*.

Иногда подобные вставки осуществляются с использованием соединительных элементов (союзов, вводных слов и т. д.): *Яков Ильич Паламахтеров (вот, кстати, его Автопортрет в мундире, впрочем, стоит ли переписывать такие громоздкие полотна, не имея к этому сколько-нибудь заметных способностей и наперед понимая, что посетитель лишь мельком взглянет на копию как на скучнейшую здесь деталь, дабы немного спустя, все более забываясь и путая действительное и воображаемое, уверять себя то и знай: да, так, именно так все и было, и, оценивая себя со стороны или в зеркале, оставаться совершенно довольным своими – то есть нет, погодите, его, конечно его, героя, поступками и чертами, перемалевывать автопортреты в мундирах! увольте) Яков Ильич Паламахтеров порывался не подавать виду. Напрасно* (С. Соколов, Между собакой и волком). В данном примере мы имеем дело с типичным для текста неклассической парадигмы явлением – развернутой, многокомпонентной вставной конструкцией, внедряемой в предложение, объем которого меньше, чем объем внедряемого компонента. Семантическая связь между предложением и вставной конструкцией является слабой, она заключается лишь в совпадении субъекта предложения с тем человеком, портрет которого служит для повествователя поводом высказать попутно возникшую мысль.

В следующих примерах между ВК и включающими предложениями также наблюдается только семантическая связь: *Он нес в обеих руках, весьма бережно, но и брезгливо (заботливость велела*

прижать к груди, страх – отстранить) ухваченное колом полотенеце... (В. Набоков, Приглашение на казнь); Я взял нож, стараясь подражать (раз в жизни в университете я видел ампутацию) кому-то (М. Булгаков, Записки юного врача); Адвокат и прокурор, оба крашенные и очень похожие друг на друга (закон требовал, чтобы они были единоутробными братьями, но не всегда можно было подобрать, и тогда гримировались), проговорили с виртуозной скоростью те пять тысяч слов, которые полагались каждому (В. Набоков, Приглашение на казнь).

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в приведенных примерах отношения между основным предложением и ВК аналогичны (если не тождественны) отношениям между двумя частями бессоюзного предложения. Это нетрудно увидеть, если переместить ВК в конец предложения. Однако если в первом и втором случаях такое перемещение допустимо и даже закономерно, то в последнем оно проблематично. Впрочем, причина этого кроется не в особенностях основного предложения и ВК, а в необходимости обеспечения связности текста, а именно минимальной дистанции между компонентом включающего предложения, который подвергается разъяснению, и ВК, которая его разъясняет. Наличие небольшой дистанции объемом в одно-два слова препятствий для трансформации не создает (что особенно ярко проявляется в примере из текста М. Булгакова). При более объемной дистанции подобная трансформация оказывается возможной лишь при условии, что мы, например, трансформируем подлежащее и определение в отдельное предложение (*адвокат и прокурор были оба крашенными...*).

Сходство между подобными ВК и бессоюзными предложениями заключается в характере связи. Бессоюзное предложение отличается от союзных типов не только способом выражения связи, но и ее характером, а именно ее недифференцированностью. В бессоюзном сложном предложении предикативные единицы характеризуются не грамматической зависимостью друг от друга, а определенным соположением [6. С. 295], и именно соположение частей характерно для включенных ВК. Принципиальная разница между вставной конструкцией рассматриваемого типа и бессоюзным предложением в приведенных примерах заключается в месте появления вставной конструкции, или (что то же самое) в расположении компонентов. Если в рамках бессоюзной конструкции ком-

поненты располагаются последовательно, то в случае вставных конструкций один компонент внедряется в другой, рассекая его на две части.

Бессоюзные синтаксические структуры на уровне сложного предложения являются яркой манифестацией тенденции к синтаксическому слиянию – явления, кардинально противоположного синтаксическому расчленению [6. С. 293–298]. Следовательно, в случае с использованием ВК мы имеем еще одно проявление синтаксического слияния наряду с активизацией ассоциативных связей.

3. Как уже указывалось, два рассмотренных типа соответствуют включающим и выключающим вставным конструкциям в терминологии Б. С. Шварцкопфа. Хотелось бы отметить еще одно явление, которое является промежуточным между двумя рассмотренными типами и может быть осмыслено как рассогласование выключенных ВК. Яркие примеры таких конструкций мы находим в произведениях Л. Петрушевской: *Сильва с детьми была в восторге, носилась с помоями, пошла мурвьят из лакушек, водила их гулять (колонна по десять) и гордилась ими; ...он перебрался к леопарду Эдуарду на окно (внешняя сторона) и смотрелся на себя как в зеркало, разинувши пасть в ожидании саморегуляции вывиха* (Л. Петрушевская, Дикае животные сказки).

С одной стороны, у таких вставных конструкций нет грамматической связи с включающим предложением, а потому их правомерно рассматривать как включенные. С другой стороны, такие конструкции возникают в результате рассогласования выключенной вставной конструкции, причем эта связь может быть без труда восстановлена (*водила гулять колоннами по десять, пробрался на окно с внешней стороны/на внешнюю сторону окна*). Рассогласование ведет к разрушению грамматической связи, а отсутствие грамматической связи, несомненно, стоит в одном ряду с заменой сильной связи на слабую связь, то есть процессом, который является еще одной формой тенденции к синтаксическому слиянию [6. С. 299].

Таким образом, в ВК тенденция к синтаксическому слиянию проявляется наряду с тенденцией к синтаксическому расчленению. Это находит отражение в активизации ассоциативных связей между компонентами предложения, а также в возрастании значимости такого способа связи, как соположение (в целом аналогичном за-

мене сильной связи на слабую). Приведенные наблюдения позволяют подтвердить мысль о том, что тенденция к синтаксическому расчленению не реализуется в отрыве от своей противоположности, то есть тенденции к синтаксическому слиянию, поскольку эти тенденции взаимно дополняют друг друга.

Список литературы

1. Гавриленко, И. И. Просодические особенности вставных конструкций (на материале русского языка) // Проблемы фонетики. IV. М. : **Ин-т русского языка**, 2007. С. 266–279.
2. Дзюва, З. А. Интонация вставных конструкций в русском языке // Вестник Московского гос. обл. университета. Серия : Русская филология. 2010. № 5. С. 43–46.
3. Кулаковский, М. Н. Вставные конструкции в современном художественном тексте: Традиции и новые тенденции функционирования // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. № 2. С. 138–142.
4. Мар'ина, О. В. Вставные конструкции как показатель расчленения текста (на материале русских прозаических текстов 1980-2000-х годов) // Филология и человек. 2009. № 4. С. 61–67.
5. Меркушева, О. В. Вставные конструкции как инструмент реализации субъективно-авторской модели повествования: на материале прозы А. И. Солже-

List of literature

1. Gavrilenko, I. I. Prosodicheskie osobennosti vstavnykh konstruktсий (na materiale russkogo jazyka) // Problemy fonetiki. IV. M. : Institut russkogo jazyka, 2007. S. 266–279.
2. Dziova, Z. A. Intonatsija vstavnykh konstruktсий v russkom jazyke // Vestnik Moskovskogo gos. obl. universiteta. Serija: Russkaya filologija. 2010. № 5. S. 43–46.
3. Kulakovskij, M. N. Vstavnyje konstruktсии v sovremennom hudojestvennom tekste: Traditsii i novyje tendentsii funkcionirovanija // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2013. T. 1. S. 138–142.
4. Mar'ina, O. V. Vstavnyje konstruktсии kak pokazatel' raschlenenija teksta (na materiale russkikh prozaicheskikh tekstov 1980-2000-h godov) // Filologija i chelovek. 2009. №4. S. 61–67.
5. Merkusheva, O. V. Vstavnyje konstruktсии kak instrument pealizatsii sub'ektivno-avtorskoj modeli povestvovanija: na materiale prozy A. I. Solzhenitsyna:

- ницына: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2002. 20 с.
6. Покровская, Е. А. Русский синтаксис в XX веке: лингвокультурологический аспект. Ростов-на-Дону, Изд-во Ростовского университета, 2001. 435 с.
7. Севрюгина, Е. В. Присоединение – вводные конструкции – вставные конструкции // Преподаватель XXI век. 2012. Т. 2. № 4. С. 324–327.
8. Фадеева, Л. В. Парентеза в современных лингвистических исследованиях // Гуманитарные исследования. 2007. № 4. С. 89–92.
9. Шварцкопф, Б. С. Русская пунктуационная система и вставные конструкции // Russian Linguistics 18. Netherlands, 1994. С. 267–279.
10. Шварцкопф, Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 192 с.
11. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A grammar of contemporary English. London: Longman, 1972. 1120 p.
- avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Jelets, 2002. 20 s.
6. Pokrovskaja, E. A. Russkij sintaksis v XX veke: lingvokulturologičeskij aspekt. Rostov-na-Donu, Izd-vo Rostovskogo universiteta, 2001. 435 s.
7. Sevrugina, E. V. Prisoedinenije – vvodnyje konstruksii – vstavnyje konstruksii // Prepodavatel XXI vek. 2012. T. 2. № 4. S. 324–327.
8. Fadejeva, L. V. Parenteza v sovremennyh lingvističeskih issledovanijah // Gumanitarnyje issledovanija. 2007, № 4. S. 89–92.
9. Shvartskopf, B. S. Russkaja punktuatsionnaja sistema i vstan- yje konstruksii // Russian Linguistics 18. Netherlands, 1994. S. 267–279.
10. Shvartskopf, B. S. Sovremen- naja russkaya punktuatsija: siste- ma i jejo funkcionirovanije. M.: Nauka, 1988. 192 s.
11. Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. A grammar of contemporary English. Lon- don: Longman, 1972. 1120 p.

РИТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНФЛИКТА

Л.А. Голышкина

Статья посвящена рассмотрению механизмов создания риторического текста и его типологических свойств, позволяющих ему выступать инструментом урегулирования конфликтов.

Ключевые слова: риторический текст, этапы текстопорождения, типологические свойства текста, воздействующий потенциал

Лето 2013 года было отмечено жаркими спорами о реформе Российской академии наук (РАН). В сложившейся конфронтационной ситуации, возникшей между РАН и управленческими структурами, текст публичного выступления президента РАН В. Фортова на круглом столе «Открытая трибуна» от 10 июля 2013 года [9] представляет особый интерес с позиции обоснования его риторической природы и выявления возможностей выступать в качестве инструмента преодоления конфликта.

Обоснование риторической природы того или иного текста предполагает проведение его комплексного лингвориторического анализа, учитывающего базовые этапы текстопорождения, отмеченные в структуре классического риторического канона, представляющего собой технологию формирования текста. Риторический канон отражает универсальный идеоречевой цикл – «движение от мысли к слову», предполагающее актуализацию основных этапов создания текста – инвенции, диспозиции и элокуции [2. С. 88–91; 4; 7].

Инвентивный этап создания текста заключается в ментальной разработке его тематико-содержательного пространства, в результате чего оформляется концепция речи. На диспозитивном этапе выстраивается композиция речевого произведения, осуществляется разработка системы аргументов в соответствии с концепцией речи. Элокутивный этап предполагает окончательное создание текста. Здесь происходит осмысление языкового оформления речи: тщательный отбор и комбинация лексических и синтаксических единиц, призванных реализовать интенции говорящего [2; 4; 7].

В ходе анализа инвентивного этапа создания текста выступления В. Фортова на круглом столе «Открытая трибуна» удалось выявить как его прагматическую цель, состоящую в очевидном урегулировании назревшего конфликта между РАН и Министерством образования и науки РФ, так и его коммуникативную цель, имеющую одновременно информирующую, убеждающую и протоколно-этикетную направленность. Так, на первый взгляд, выступление направлено на информирование общественности – на представление отношения РАН к определенным аспектам ее реформирования. При этом презентация позиции РАН основана на критическом переосмыслении содержания реформы, на подчеркивании ряда полемических аспектов, что, безусловно, выявляет убеждающий характер данной речи. Кроме того, официальность ситуации самого конфликта и участие в ней высокопоставленных лиц обуславливает наличие протоколно-этикетной интенциональной установки в речи В. Фортова. Таким образом, рассматриваемое речевое произведение оказывается ориентированным на реализацию комплексной коммуникативной цели, получающей воплощение в речевых задачах: во-первых, проинформировать общественность о сформировавшейся позиции РАН, во-вторых, обозначить проблемные зоны реформы и выразить несогласие и, только в-третьих, соблюсти протоколно-этикетные требования.

Отмеченные цели позволили вычленить тезис текста и обосновать необходимость его вербализации и публичного предъявления. Мы констатируем, что в структуре данного текста тезис вербализован: как раз во вступлении мы находим искомое суждение с субъектом и предикатом, который квалифицируем как структурно-содержательный стержень речи. Вербализация и публичное предъявление тезиса *Мы – за реформу* [9] является интенциональной необходимостью в свете отмеченных прагматической и коммуникативной целей говорящего.

Воплощение сложного комплекса целей речи и подчеркнутая экспликация тезиса способствуют формированию таких типологических свойств риторического текста (далее – РТ), как авторство, адресность, имплицитно подразумеваемые в оппозиции *мы/они*, диалогичность [6; 8], которая зиждется на критерии актуальности проблематики [5].

Рассмотрим специфику диспозитивного этапа создания текста выступления В. Фортова, где объектом исследования выступают композиционно-аргументационные параметры текста.

Что касается традиционной трехчастной композиции, то границы ее структурных компонентов достаточно хорошо выявляются в анализируемом тексте. Вступление характеризуется предельным лаконизмом и завершается столь же лапидарно оформленным тезисом: *Я хочу коротко сказать о позиции нашей Академии. И сделать так, чтобы мы были понятыми. И наши аргументы были бы услышаны. Первое: мы – за реформу* [9]. Во вступлении ритор использует традиционный прием формулирования задач речи, что облегчает аудиальное восприятие информации.

В качестве сверхфразовой единицы композиции основной части РТ примем микротему – законченный по смыслу и структурно фрагмент речи, состоящий из отдельного суждения, полученного в результате деления тезиса, и аргументов в его защиту [1. С. 159].

Основная часть речи открывается суждением-подтезисом *Мы эту реформу обсуждаем уже в течение 2-х лет*, вокруг которого формируется микротема, которую условно можно назвать «Готовность РАН к реформам». Для обоснования заявленного суждения В. Фортов использует сугубо универсальную аргументацию, неотъемлемым компонентом которой является ссылка на эмпирическое знание – на тот реформаторский опыт, который есть у РАН. При этом апелляция к опыту предваряется ссылкой на имевшее место событие – на недавние выборы президента РАН: *Недавно закончились выборы президента Академии наук, которые велись вокруг реформы, не вокруг персоналий, не вокруг второстепенных вещей. Мы к ним готовы. У нас есть план реформ. Вот есть такая книга, где прописано очень подробно: как будет развиваться реформная база, как будет развиваться молодежь, какие будут социальные гарантии у ученых, какие новые научные направления являются актуальными. И многое другое, что не затронуто в том проекте, который мы получили и который свалился как снег на голову на нас* [9].

Следующая микротема формируется вокруг нескольких высказываний, которые, с точки зрения риторической эффективности, следовало бы, убрав модальные компоненты, объединить в одно суждение-подтезис: <...> *Мы получили этот проект. Я имею в*

виду предыдущий проект. И реакция научного сообщества была единодушной, я хочу это подчеркнуть, и резко отрицательной [9]. Выявленный риторический недочет, прослеживающийся в делении тезиса на подтезисы, обусловлен повышенной эмоциональностью и глубокой профессиональной озабоченностью говорящего.

Далее после вопроса *Почему?*, активизирующего внимание аудитории, В. Фортов реализует речевой акт несогласия с первым проектом реформирования РАН, что позволяет назвать данную микротему «Критика первого проекта реформы РАН»: *Потому что мы не можем согласиться с тем, что предлагалась ликвидация Академии наук и создание некоего нового органа. Мы – против того, чтобы Академия наук превращалась в клуб по интересам. А институты, то есть те организации, которые представляют самую большую ценность, и люди, которые в них работают, попадали бы в руки чиновников. И ими бы управляло агентство. В том, в первом варианте закона практически разваливается вся наука в регионах. Там про это сказано очень жестко и определено. Там нет двусмысленности. Мы не можем согласиться с тем, что собственность является основной проблемой Российской Академии наук. Совсем нет! Собственность – это очень маленькая часть наших дел. И поверьте, не она заботит людей науки. Людей науки заботит то, как наука будет развиваться, как ученый будет работать в нашей стране. И какие для него будут созданы условия [9].*

В рамках данной микротемы аргументация имеет особый характер: здесь, согласно А. Хастингсу, получает реализацию подтип причинно-следственного рассуждения – рассуждение от косвенных свидетельств к гипотезе, представляющее собой аргументацию от следствия к причине. В этом случае выдвигается ряд доказательств, которые показывают, что гипотеза, выдвинутая в утверждении, является истинной [Цит. по З. С. 110]. В нашем случае гипотезой, или следствием, выступает презентация реакции РАН (единодушная и резко отрицательная) на первый проект реформы, а доказательства, они же причины, предъясняются путем формулирования разноаспектных несогласий. Отметим, что семантика несогласия, формируемая в рамках данной микротемы, экстраполируется затем на весь текст и становится смыслообразующим фактором.

Далее в структуре текста появляется речевой акт благодарности: В. Фортов благодарит Президента РФ, а также авторитетных общественных деятелей за содействие в разрешении сложной ситуации: *Я хочу поблагодарить президента Российской Федерации, который взял в свои руки управление этим процессом. Он встречался с Евгением Примаковым, встречался с президентами 3-х академий, встречался с Юрием Осиповым. Доктор Рошаль к нему подходил, ректор МГУ Виктор Садовничий. Были подробные дискуссии* [9].

От неразвернутого аргумента *Были подробные дискуссии* [9], сопровождающего речевой акт благодарности, говорящий резко переключается на развитие микротемы «Перспективы реформирования РАН»: *И сегодня ситуация такова, что мы имеем шансы вырулить на приемлемый документ. Второе чтение прошло, и там были учтены многие наши предложения. Я не буду их детализировать. Тем не менее, многое еще осталось. Я предложил бы собрать рабочую группу между представителями Думы, Российской Академии наук. Может быть, министерств. И – продолжить работу так, чтобы получился документ, который не вред нанесет нашей науке, а принесет большую пользу. Я уверен, что у нас для этого есть шанс* [9].

Здесь абсолютно отчетливо аргументация распадается на план прошлого (то, что сделано: во втором чтении проекта реформы учтены многие предложения сотрудников РАН) и представление своего рода программы будущих конструктивных действий. Гипотетический характер второго аргумента, с нашей точки зрения, можно было бы нивелировать путем замены условного наклонения изъявительным, явно усиливающим персуазивный эффект: *Ср. Я предложил бы / Я предлагаю.*

Далее в микротематической структуре речи обнаруживается композиционный сбой, поскольку В. Фортов вновь продолжает критику первого проекта РАН, но не последовательным путем деления тезиса на подтезисы, а посредством прямого обращения к общественности: *Я хотел, чтобы все-таки мы все здесь собравшиеся услышали, кто же написал первый проект. Кто автор этого произведения? Потому что кто автор произведения сегодняшнего, вот мы знаем. Это – коллеги, которые в обстановке диалога и в сопоставлении мнений сделали второе чтение. Но я бы, например, очень хотел бы посмотреть на этого человека* [9].

Внимания заслуживает и заключительная часть анализируемой речи. Заключение, на первый взгляд, носит выраженный суммирующий характер, и его верхняя граница маркирована вводным словом *итак*: *Итак, я думаю, что мы сегодня двигаемся в нужном направлении* [9]. Но далее сама смена глагольного времени с настоящего на будущее заставляет говорить о типологизирующем заключении, отличительной чертой которого является создание перспективы гипотетического развития ныне существующего положения дел [7. С. 138–146]: *Я очень надеюсь, что мы вырулим на нормальное решение, которое не принесет вред нашему общему делу. И наша задача сделать все, чтобы было именно так* [9].

Механизмы создания текста, запущенные в рамках диспозитивного этапа, актуализируют в первую очередь такие типологические параметры РТ, как аргументированность, персуазивность и актуальность, формирующие его воздействующий потенциал.

Анализ элокутивной организации текста выступления В. Фортова на круглом столе «Открытая трибуна» позволяет заключить, что центром семантического пространства текста становится высказывание *Мы имеем шансы вырулить на приемлемый документ*, которое рефреном повторяется и в заключении речи: *Мы вырулим на нормальное решение, которое не принесет вред нашему общему делу* [9]. Использование лексических единиц *вырулить* и *нормальное решение*, являющихся ключевыми в данном тексте, вносит в общественно-политический дискурс нарочитую разговорность.

В свете выявленной установки на разговорность стоит отметить и метонимические обороты *разваливается вся наука* и *люди попадали бы в руки чиновников*, и фразеологизм *свалился* (проект – Л.Г.) *как снег на голову*, лаконичные и емкие определения, имеющие сугубо ситуативный характер, типа *Собственность – это очень маленькая часть наших дел*, а также метафорическое сравнение Академии наук с клубом по интересам.

Синтаксическая организации текста выступления В. Фортова характеризуется выраженной лаконичностью: эллипсис и парцелляция становятся характерными для данного текста фигурами.

Метаязыковая характеристика *Я хочу коротко сказать* [9], данная во вступлении речи В. Фортовым, оказывается в полной мере реализованной говорящим, что особенно очевидно в случаях ак-

тивного использования им индексальных знаков, отсылающих к невербализованным контекстным знаниям.

Отметим и обилие в тексте «я-высказываний» – ведущего средства авторизации, свидетельствующего об активной включенности самого президента РАН в разрешение конфликта: **Я** уверен, что у нас для этого есть шанс. **Я** хотел, чтобы все-таки мы все здесь собравшиеся услышали, кто же написал первый проект <...> **Итак, я** думаю, что мы сегодня двигаемся в нужном направлении. **Я** очень надеюсь, что мы вырулим на нормальное решение, которое не принесет вред нашему общему делу [9].

Кроме того, текст избобилует синтаксическими конструкциями с местоимением *мы*, выражающим именно коллегиальное *мы*, т.е. «РАН» = «президент РАН + сотрудники РАН»: **Мы** эту реформу обсуждаем уже в течение 2-х лет. <...> **Мы** к ним готовы. **У нас** есть план реформ. <...> **Мы** не можем согласиться с тем, что предлагалась ликвидация Академии наук и создание некоего нового органа. **Мы** - против того, чтобы Академия наук превращалась в клуб по интересам [9].

Обзор элокутивных параметров выступления В. Фортова на круглом столе «Открытая трибуна» позволяет говорить о выраженном авторстве и адресности настоящего текста, следствием которых выступают его публичность и диалогичность. Кроме того, выявленная тенденция к редукции информации, позволяющая активизировать фоновые знания коммуникантов и при этом отсекав назревшего конфликта, обосновывает такой типологический параметр РТ, как его актуальность, привязанность к «злобе дня».

Проведенный анализ выявил риторическую природу текста выступления В. Фортова на круглом столе «Открытая трибуна»: он создавался с учетом риторической процедуры текстопорождения, заданной структурой риторического канона. При этом удалось установить корреляцию между этапами текстопорождения и актуализацией определенных параметров, обуславливающих феноменологическую сущность РТ. Иными словами, именно комплекс типологических свойств РТ, таких как авторство, адресность, диалогичность, публичность, аргументированность, персуазивность и актуальность, определяет воздействующий потенциал РТ и позволяет ему выступать в качестве инструмента изменения действительности, в данном случае – инструмента преодоления конфликта.

Список литературы

1. Анисимова, Т. В. Современная деловая риторика / Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон. М. ; Воронеж, 2004. 432 с.
2. Ворожбитова, А. А. Теория текста: Антропоцентрическое направление. М. : Высш. шк., 2005. 367 с.
3. Гаррсен, Б. Схемы аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации. СПб. : Филологический ф-т СПбГУ, 2006. С. 22–122.
4. Гольшкина, Л. А. Риторика. Основы теории. Практикум. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2008. 232 с.
5. Гольшкина, Л. А. Риторический текст как инструмент конструирования реальности // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты : сб. материалов 4 Междунар. науч.-метод. конф., Новосибирск, 18–19 апр., 2013 г. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2013. С.49–59.
6. Земская, Ю. Н. Основы общей риторики: учеб. пособие / Ю. Н. Земская, И. Ю. Качесова, Н. В. Панченко, А. А. Чувакин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. 110 с.
7. Клюев, Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М. : Изд-во ПРИОР, 1999. 272 с.

References

1. Anisimova, T. V. Sovremennaja delovaja ritorika / T. V. Anisimova, E. G. Gimpel'son. M. ; Voronezh, 2004. 432 s.
2. Vorozhbitova, A. A. Teorija teksta: Antropocentricheskoe napravlenie. M. : Vyssh. shk., 2005. 367 s.
3. Garrsen, B. Shemy argumentacii // Vazhnjshie koncepcii teorii argumentacii. SPb. : Filologicheskij f-t SPbGU, 2006. S. 22–122.
4. Golyshkina, L. A. Ritorika. Osnovy teorii. Praktikum. Novosibirsk : Izd-vo NGTU, 2008. 232 s.
5. Golyshkina, L. A. Ritoricheskij tekst kak instrument konstruirovanija real'nosti // Mezhkul'turnaja kommunikacija: lingvisticheskie i lingvodidakticheskie aspekty : sb. materialov 4 Mezhdunar. nauch.-metod. konf., Novosibirsk, 18–19 apr., 2013 g. Novosibirsk : Izd-vo NGTU, 2013. S.49–59.
6. Zemskaja, Ju. N. Osnovy obshhej ritoriki: ucheb. posobie / Ju. N. Zemskaja, I. Ju. Kachesova, N. V. Panchenko, A. A. Chuvakin. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2000. 110 s.
7. Kljuev, E. V. Ritorika (Invencija. Dispozicija. Jelokucija). M. : Izd-vo PRIOR, 1999. 272 s.

8. Минеева, С. А. Диалогические основы развивающего образования: размышления об «идеальной форме» и трудностях достижения [Электронный ресурс]. URL: http://www.experiment.lv/rus/biblio/obraz_21veka/2.3_mineeva.htm
9. Фортов, В. Е. Выступление на круглом столе «Открытая трибуна» 10 июля 2013 года [Электронный ресурс]. URL: http://rus.ruvr.ru/2013_07_10/exvideo-Vladimir-Fortov-Mi-imeem-shans-virulit-na-priemlemij-variant-reformi-RAN-5292
8. Mineeva, S. A. Dialogicheskie osnovy razvivajushhego obrazovanija: razmyshlenija ob «ideal'noj forme» i trudnostjah dostizhenija [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.experiment.lv/rus/biblio/obraz_21veka/2.3_mineeva.htm
9. Fortov, V. E. Vystuplenie na kruglom stole «Otkrytaja tribuna» 10 ijulja 2013 goda [Jelektronnyj resurs]. URL: http://rus.ruvr.ru/2013_07_10/exvideo-Vladimir-Fortov-Mi-imeem-shans-virulit-na-priemlemij-variant-reformi-RAN-5292

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ

Н. Д. Кручинкина

Анализ французских глагольных конструкций с полисемичными глаголами показывает зависимость семантики глагольных лексем от семантики вторых, когда глаголы находятся с ними в отношениях.

Ключевые слова: глагол, субстантив, валентность, актант, семантика.

Согласно вербоцентрической теории известного французского синтаксиста Л. Теньера глагол со своей валентностью является центром синтаксических конструкций, строевым конституентом пропозитивных синтагм, определяющим синтаксическую структуру пропозитивных образований [6. С. 102–108]. Однако, если считать синтаксическое оформление пропозитивных синтагм означаемым, то в означаемом направлена семантическая зависимость в основном оказывается прямо противоположной. Н. Д. Арутюнова, отмечая большую степень важности изучения семантических отношений между глаголом и его актантами, прежде всего между глаголом и прямым объектом, пишет, что семантически определяющая роль объекта в виде лексико-семантической характеристики действия отмечалась уже средневековыми логиками [1. С. 125].

Д. Виллемс также обнаружила тесную связь между синтаксисом, семантикой и лексикой глагола и его актантов. Поэтому она исследует не только сам глагол, но и все конституенты глагольных конструкций во всех трех ипостасях [7]. А. Блинкенберг в своем исследовании, описывая глагольную транзитивность, вполне закономерно обращается к лексико-семантическому содержанию тех субстантивов, благодаря которым глагол реализует свою переходность, т. е. свою семантическую незавершенность [4. С. 55]. Д. Гаатоне, не ограничиваясь синтаксической стороной вопроса в описании прямого дополнения, обращает внимание на

то, что этот функциональный синтаксический конститuent (objet direct) глагольных конструкций в зависимости от своего лексико-семантического содержания может менять иерархию сем в парадигматической структуре значений глагольных лексем и функциональную семантику отношений между глаголом и его вторым актантом: *frapper un enfant* (отношение воздействия) / *payer les employés* (адресативное отношение) / *gagner la frontière* (локативное отношение) [5. С. 14]. На важность функциональной семантики отношений и функциональной значимости конститuentов конструктивных образований указывает Г. А. Золотова [2. С. 44]. Одна и та же глагольная лексема в зависимости от лексико-семантической составляющей прямого дополнения семантически может репрезентировать разные значения: *Qui a cassé cette vitre en lançant le ballon?* (Dictionnaire du français langue étrangère. Niveau 2). *Marcheret... lui lançait des plaisanteries douteuses* (Fleutiaux).

Глагольные лексемы в сочетаемости с субстантивами тех лексико-семантических групп, которые денотативно составляли внутреннюю форму лексико-семантического аспекта валентности того или иного глагола способствуют формированию семантической доминанты [3. С. 45] парадигматической структуры значения глагола – его ядерной семы: *Il retira son veston mouillé et le jeta sur une chaise* (Troyat). *Yvette a envoyé une lettre à son père* (Triolet).

Однако языковая личность в речевой деятельности при развитом мышлении и сформированной языковой и речевой компетентности обладает и возможностью выбирать для языкового выражения не только увиденное материальное соединение при физически воспринимаемом действии с материальным объектом, но и концептуально осмысленное конструирование сочетаемости онтологически непрототипического объекта (конкретного или абстрактного, производного или производного) с физически воспринимаемым действием: *On va feuilleter des souvenirs d'enfance* (Sagan). *Il lui jetait des chiffres à la tête* (Mallet-Joris). В этом случае в языковом выражении происходит метафоризация значения глагола. Имена вторых актантов при этом употреблены в первичных значениях.

Это связано с наличием закона семантического согласования, благодаря которому наиболее частотные глаголы (а это как правило, и наиболее полисемичные глаголы) модифицируют иерархическую структуру парадигмы значения в речи, в тексте в зави-

симости от семантики опорных субстантивов – в первую очередь вторых актантов (прямых дополнений): *Il avait pris le bras de son compagnon* (Simenon) / *Je vais prendre une douche* (Jamiaque). Так, например, глагол *donner* в своем первичном значении именуется физическое действие адресации предметной субстанции. Эта ядерная сема реализуется только в том случае, когда в роли второго актанта выступает субстантив с предметным или вещественным значением: *Le marchand de vin compatissant lui donna une caisse en carton* (Troyat). Когда же в роли второго актанта используется субстантив с речевой семой в парадигме значений, глагол *donner* по закону семантического согласования актуализирует вместе со вторым актантом синтагмему речевого действия и уподобляется глаголу *dire*: *Je vais lui donner les instructions nécessaires* (Malraux). Такая же регулярность характеризует и другие глаголы физического действия: *...il lui lançait des phrases gaies* (Sagan). *...il lui donnait un ordre ou lui posait une question* (Simenon).

В так называемых фиксированных сочетаниях слов в роли вторых актантов часто выступают отглагольные субстантивы. В глагольной конструкции в этом случае оказываются как бы два глагола: один по морфологической форме, т.е. собственно глагол, другой «по внутренней форме» – деривационной истории. Фактор избыточности приводит к тому, что собственно глагол теряет необходимость быть полнозначным глаголом при другом «глаголе» и теряет свою глагольную полнозначность. На первый план тогда выходит реляционная (служебная) роль такого глагола: *Muraille donne une tape dans le dos de mon père...* (Fleutiaux). *Danielle lui jeta un regard inquiet* (Troyat).

Как показывают многочисленные примеры, глаголы, имеющие в первичном значении ядерную сему физического действия имеют одинаковую регулярность смещения первичного значения с физического действия на нефизическое в отмеченной выше лексико-семантической дистрибуции.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М. : Наука, 1976. 384 с.

References

1. Arutjunova, N. D. Predloženie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy. M. : Nauka, 1976. 384 s.

2. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М. : Наука, 1982. 368 с.
3. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М. : Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
4. Blinkenberg, A. Le problème de la transitivité en français moderne. Essai syntacto-sémantique. Copenhague, 1960. 366 p.
5. Gaatone, D. L'objet direct comme notion formelle dans la formulations des règles syntaxiques // Travaux de linguistique. Les objets: Relations grammaticales et rôles sémantiques. № 35. 1997. P. 13–20.
6. Tesnière, L. **Eléments de syntaxe structurale**. P.: Klincksieck, 1959. 659 p.
7. Willems, D. Syntaxe, lexique et sémantique. Les constructions verbales. Gent: Rijkuniversitet te Gent, 1981. 276 p.
2. Zolotova, G. A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa. M. : Nauka, 1982. 368 s.
3. Kustova, G. I. Tipy proizvodnyh znachenij i mehanizmy jazykovogo rasshirenija. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 472 s.
4. Blinkenberg, A. Le problème de la transitivité en français moderne. Essai syntacto-sémantique. Copenhague, 1960. 366 p.
5. Gaatone, D. L'objet direct comme notion formelle dans la formulations des règles syntaxiques // Travaux de linguistique. Les objets: Relations grammaticales et rôles sémantiques. № 35. 1997. P. 13–20.
6. Tesnière, L. **Eléments de syntaxe structurale**. P.: Klincksieck, 1959. 659 p.
7. Willems, D. Syntaxe, lexique et sémantique. Les constructions verbales. Gent: Rijkuniversitet te Gent, 1981. 276 p.

ДИСТАНЦИРОВАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Е. С. Кулакова

Данная работа посвящена категории дистанцирования. Представляется понимание этого феномена в рамках языкознания, философии, психологии и социологии. Целью статьи является доказательство гипотезы, согласно которой объем значения понятия «дистанцирование» в лингвистическом понимании является более широким по сравнению с вышеупомянутыми областями.

Ключевые слова: дистанцирование, точка зрения, ответственность.

Актуальность настоящей статьи обуславливается довольно широким использованием тактик и стратегий дистанцирования в процессе речевого общения. Многие ученые говорят о средствах реализации подобных тактик и стратегий [3; 4; 8; 10; 12; 16], оставляя без должного внимания саму категорию дистанцирования. Это понятие можно встретить не только в лингвистике, но и в других областях знания, как например, в философии, социологии, психологии. В каждой из этих областей этот термин получает свое и зачастую не единственное определение. В нашей работе предпринимается попытка обосновать следующую гипотезу: понятие «дистанцирование» в лингвистике несет в себе следы понимания данного феномена в философии, социологии и психологии.

В языкознании дистанцирование (от лат. *distantia* – пространственное расстояние между вещами) рассматривается, прежде всего, как проявление антропоцентричности в языке. Идея антропоцентрического подхода к языку наиболее лаконично и просто формулируется Ю. Н. Карауловым: «нельзя постичь сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку» [6. С. 7]. Применительно к речевой коммуникации фактор дистанции является очень важным, ведь, как отмечает Е. В. Клюев, любой коммуникативный акт предполагает обязательное наличие большей или меньшей дистанции между коммуникантами. Рассматривая, вслед за О. С. Иссерс [5.

С. 10], коммуникацию как стратегический процесс, и соглашаясь с Е. В. Клюевым, что «охрана территории» входит в задачу любой коммуникативной стратегии, мы приходим к выводу, что коммуникация и дистанция оказываются взаимосвязанными [7. С. 161].

В лингвистической литературе, в которой, как правило, говорится о дистанцировании от чужой речи [2. С. 364; 10]. Нам представляется возможным выделить два основных направления в описании дистанцирования. С одной стороны, интересующий нас феномен, основанный на категории чуждости и противопоставлении «они» и «мы» [16; 8. С. 78], может использоваться для «отдаления», «отстранения» [8] не только от собеседника, но и от самого объекта высказывания, например, при нежелании говорящего продолжать тему беседы, уклонении от нее или игнорировании ее содержательной части [18]. Ч. В. Кудачинова, исследуя коммуникативную стратегию дистанцирования в авторском построении текста, показывает как через стратегию дистанцирования, направленную на понимание со стороны реципиенты, отправитель проясняет свою авторскую позицию. Он проводит грань между своим миром и миром главного героя произведения, показывая, что «главный объект описания, его взгляды, мировоззрение, поступки чужды ему в своей основе» [8. С. 76–77]. С другой стороны, это понятие связано с принятием ответственности за сказанное субъектом речи. Так, А. В. Кулешова в своем диссертационном исследовании, исследуя дистанцирование журналиста от чужих слов, определяет дистанцирование как «лингвопрагматическую категорию, в основе которой лежит принятие ответственности адресантом за цитируемое им высказывание». Другими словами, говорящий берет на себя ответственность только за ту информацию, которую он считает достоверной, в противном случае, он от нее дистанцируется [10]. Р. Вьон, который также усматривает в дистанцировании ответственность за высказывание, но за свое собственное, считает, что дистанцирование позволяет уменьшить степень ответственности (**prise en charge**) говорящего по отношению к своему высказыванию [20]. Ученый представляет данное явление как градуальную категорию, говоря о наличии разной степени дистанцирования. Так, минимальная степень дистанцирования предполагает принятие максимальной ответственности за сказанное и наоборот. Мы, вслед за Р. Вьон, также будем рассматривать дистанцирование как

лингвопрагматическую категорию, основанную на принятии ответственности говорящим за свое собственное высказывание. На наш взгляд, данный феномен связан, прежде всего, с изменением позиции говорящего, его точки зрения, что означает, что он «не связан с единственной точкой зрения на мир» [1. С. 200]. Говоря о дистанцировании субъекта речи от своих слов, мы имеем дело с «раздвоением» (*dédoublement*) личности говорящего [20], который, смотрит на сказанное с позиции «чужака», с постоянной дистанции [1. С. 200]. При дистанцировании наблюдается ретроспективная оценка высказывания, после чего говорящий высказывает новую, иную точку зрения по поводу той же проблемы. По О. Дюкро, происходит «определение позиции» говорящего (*prises de position*), связанной с изменением точки зрения [20].

Обращаясь к понятию «точка зрения», обнаруживается, что в рамках философии оно синонимично «дистанцированию», «перспективе», «аспекту», «взгляду», «мировоззрению», «позиции» [17]. При этом Ж. П. Сартр отождествляет дистанцирование с «отрывом от мира и себя самого, «присутствия с собой», несамостоятельностью» [13]. Таким образом, нельзя отрицать, что при дистанцировании говорящий стремится определить свое отношение к предмету речи, свою позицию, для чего он и должен абстрагироваться.

В психологии дистанцирование трактуется как расстояние, которого придерживается один собеседник относительно другого, а также любые действия с целью изменения существующей между ними дистанции как, например, резкий шаг назад или вперед. В зависимости от степени близости или дистанцирования при взаимодействии различают четыре типа расстояния [15. С. 52]. С дугой стороны, этот термин получает в рамках психологии и другую интерпретацию, в частности дистанцирование может пониматься как «процесс объективного рассмотрения автоматических мыслей». Считается, что человек, рассматривающий «автоматические мысли как психологический феномен, а не как тождественный реальности, наделен способностью к дистанцированию». А. Б. Фенько ставит «дистанцирование» в один ряд с такими понятиями, как «проверка реальностью», «проверка достоверности наблюдений», «валидизация умозаключений» и указывает на их связь с эпистемологией. Согласно А. Б. Фенько, дистанцирование

связано со «способностью к различению утверждений «Я верю» (т. е. мнения, которое должно стать предметом валидации) и «Я знаю» (неопровержимого факта)» [19. С. 150].

В социологии дистанцирование, близкое, но не идентичное «отчуждению», понимается как пространственная дистанция, созданная в результате действий человека, желающего избежать общения [14. С. 196]. Если говорить о стратегии дистанцирования («должного дистанцирования» в терминологии О. А. Леонтович и И. И. Дубининой), то необходимо отметить, что исследователи акцентируют разные аспекты этого понятия. Так, если О. А. Леонтович и И. И. Дубинина убеждены, что сущность стратегии должного дистанцирования, которая, по их мнению, является обязательной для установления иерархических отношений, заключается просто в «проведении границы между вышестоящим и нижестоящим лицом» [12. С. 4], то, по мнению Т. В. Лариной, целью данной стратегии является признание «независимости собеседника, его личной автономии, стремление заверить в отсутствии намерений со стороны говорящего нарушить существующие между ним и адресатом социальные границы, а в случае необходимости покушения на свободу адресата минимизировать импозицию, воздействие на него» [11. С. 172]. О сохранении территории говорят также П. Браун и С. Левинсон и Ю. Б. Кузьменкова, при этом, если для первых ученых суть стратегии дистанцирования («негативной вежливости» в их терминологии) заключается «либо в избегании тех речевых приемов, которые угрожали бы территории адресата, либо в их смягчении» [3. С. 221], то для Ю. Б. Кузьменковой дистанцирование в процессе общения представляется как средство воздействия на собеседника, «это своего рода искусство, позволяющее регулировать степень близости/удаленности собеседников» [9. С. 15].

Таким образом, в науке о языке понятие «дистанцирование» представлено как градуальная категория, связанная с «валидацией умозаключений», что сближает его с трактовкой данного явления в рамках психологии. Одновременно с этим, дистанцирование предполагает взгляд на сказанное с позиции «чужака» с целью прояснения своей позиции, точки зрения как для своего собеседника, так и для себя. В этом, на наш взгляд, проявляется связь интересующего нас феномена с философией и социологией. Безусловно, мы не претендуем на исчерпывающую полноту изучения вопро-

са и на бесспорность выводов, но нам представляется возможным предположить, что лингвистическое понимание феномена дистанцирования отражает отчасти его толкование в рамках философии, психологии и социологии.

Список литературы

1. Абельс, Х. Что и как делает Гофман? Смещение перспектив // Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / под ред. Н. А. Головина и В. В. Козловского. СПб. : Алетейя, 2000. С. 193–201.
2. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. М. : Наука, 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367.
3. Вознюк, А. В. Словарь лексических загородок в рамках стратегии негативной вежливости в научных текстах // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Пенза ; Москва ; Решт : Социосфера, 2011. С. 220–228.
4. Егорова, И. С. Коммуникативная стратегия речевого акта просьбы в англоязычном дискурсе // Вестник МГОУ. Сер. Лингвистика. 2012. № 3. С. 19–23.
5. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

References

1. Abel's, H. Chto i kak delaet Gofman? Smeshhenie perspektiv // Interakcija, identichnost', prezentacija. Vvedenie v interpretativnuju sociologiju / pod red. N. A. Golovina i V. V. Kozlovskogo. SPb. : Aletejja, 2000. S. 193–201.
2. Arutjunova, N. D. Faktor adresata // Izvestija Akademii nauk SSSR. Ser. literatury i jazyka. M. : Nauka, 1981. T. 40. № 4. S. 356–367.
3. Voznjuk, A. V. Slovar' leksicheskikh zagorodok v ramkah strategii negativnoj vezhlivosti v nauchnyh tekstah // Aktual'nye voprosy teorii i praktiki filologicheskikh issledovanij: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Penza ; Moskva ; Resht : Sociosfera, 2011. S. 220–228.
4. Egorova, I. S. Kommunikativnaja strategija rechevogo akta pros'by v anglojazыchnom diskurse // Vestnik MGOU. Ser. Lingvistika. 2012. № 3. S. 19–23.
5. Issers, O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki ruskoj rechi. M. : Izd-vo LKI, 2008. 288 s.

6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 264 с.
7. Ключев, Е. В. Речевая коммуникация: учеб. пособие. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 320 с.
8. Кудачинова, Ч. В. Коммуникативная стратегия дистанцирования в авторском построении текста (на материале романа К. Манна «Мефистофель. История одной карьеры»): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 192 с.
9. Кузьменкова, Ю. Б. Материалы курса «Стратегии речевого поведения в англоязычной среде». Лекции 1–4. М., 2006. 48 с.
10. Кулешова, А. В. Лингвопрагматическая категория дистанцирования (на материале французской прессы): дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 196 с.
11. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.net/books/kategoriya-vezhливости-i-stil-kommunikacii-read-75033-1.html>
12. Леонтович, О. А. Коммуникативные стратегии иерархического общения / О. А. Леонтович, И. И. Дубинина // Аспекты языка и коммуникации. Вып. 4. Воронеж: Издат. дом Алейниковых, 2008. С. 75–87.
6. Karaulov, Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M. : Nauka, 1987. 264 s.
7. Kljuev, E. V. Rechevaja komunikacija: ucheb. posobie. M. : RIPOL KLASSIK, 2002. 320 s.
8. Kudachinova, Ch. V. Kommunikativnaja strategija distancirovanija v avtorskom postroenii teksta (na materiale romana K. Manna «Mefistofel'. Istorija odnoj kar'ery»): dis. ... kand. filol. nauk. M., 2005. 192 s.
9. Kuz'menkova, Ju. B. Materialy kursa «Strategii rechevogo povedenija v anglojazyčnoj srede». Lekcii 1–4. M., 2006. 48 s.
10. Kuleshova, A. V. Lingvopragmatičeskaja kategorija distancirovanija (na materiale francuzskoj pressy): dis. ... kand. filol. nauk. M., 2008. 196 s.
11. Larina, T. V. Kategorija vezhливости i stil' kommunikacii: Sopotavlenie anglijskih i ruskih lingvokul'turnyh tradicij [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.rulit.net/books/kategoriya-vezhливости-i-stil-kommunikacii-read-75033-1.html>
12. Leontovich, O. A. Kommunikativnye strategii ierarhicheskogo obshhenija / O. A. Leontovich, I. I. Dubinina // Aspekty jazyka i kommunikacii. Vyp. 4. Voronezh: Izdat. dom Alejnikovyh, 2008. S. 75–87.

13. Малахов, В. Сартр Жан Поль / В. Малахов, В. Филатов // Современная западная философия: Словарь-энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://terme.ru/dictionary/189/word/sartr-sartre-zhan-pol>
14. Манхейм, К. Эссе о социологии культуры. М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. 233 с.
15. Панфилова, А. П. Теория и практика общения: учебное пособие для студентов средних учебных заведений. М. : Издат. центр «Академия», 2007. 288 с.
16. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. С. 48.
17. Подорога, В. А. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/elib/3038.html>
18. Ресенчук А. А. Стратегии дистанцирования / А. А. Ресенчук, М. Ю. Рябова [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.kuzspa.ru/articles/188/>
19. Фенько, А. Б. Психологическое консультирование и психотерапия. Т. 1. Теория и методология (хрестоматия). М., 1999. 288 с.
20. Vion, R. La modalisation : un mode paradoxal de prise en charge [Электронный ресурс]. URL: <http://www.revistas.usp.br/flp/article/viewFile/59910/63019>
13. Malahov, V. Sartr Zhan Pol' / V. Malahov, V. Filatov // Sovremennaja zapadnaja filosofija: Slovar'-jenciklopedija [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://terme.ru/dictionary/189/word/sartr-sartre-zhan-pol>
14. Manhejm, K. Jesse o sociologii kul'tury. M. ; SPb. : Universitetskaja kniga, 2000. 233 s.
15. Panfilova, A. P. Teorija i praktika obshhenija: uchebnoe posobie dlja studentov srednih uchebnyh zavedenij. M. : Izdat. centr «Akademija», 2007. 288 s.
16. Parshina, O. N. Strategii i taktiki rechevogo povedenija sovremennoj politicheskoi jeliti Rossii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Saratov, 2005. S. 48.
17. Podoroga, V. A. Novaja filosofskaja jenciklopedija [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://iph.ras.ru/elib/3038.html>
18. Resenchuk A. A. Strategii distancirovanija / A. A. Resenchuk, M. Ju. Rjabova [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://vestnik.kuzspa.ru/articles/188/>
19. Fen'ko, A. B. Psihologicheskoe konsul'tirovanie i psihoterapija. T. 1. Teorija i metodologija (hrestomatija). M., 1999. 288 s.
20. Vion, R. La modalisation : un mode paradoxal de prise en charge [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.revistas.usp.br/flp/article/viewFile/59910/63019>

КОНТАМИНАЦИЯ: ВСЕ УЖЕ СКАЗАНО?
(О некоторых возможных перспективах исследования)

Н. А. Лаврова

Статья посвящена вопросу некоторых перспективных и до конца не изученных аспектов лексической контаминации. Актуальность статьи обусловлена тем, что, несмотря на многочисленные работы, посвященные контаминации, до сих остаются нерешенными или не до конца разработанными следующие ее аспекты: стратегии дешифровки составных компонентов контаминанта, направление декодирования контаминанта – аналитическое или синтетическое, функции контаминированных образований и их лингвокреативный потенциал. Эти и некоторые другие вопросы дальнейшего изучения контаминации рассматриваются в настоящей статье.

Ключевые слова: контаминация, лингвокреативность, экспрессия и импрессия, неология, образования по аналогии.

В последние десятилетия продолжает расти корпус работ, посвященных лингвистической контаминации (R. Stockwell, D. Minkova 2001, В. Е. Zawada 2005, А. Peckham, 2005, 2007 и др.). Наиболее ранними являются работы, связанные с исследованием структуры, семантики, функций и тематических групп контаминантов. Такими исследованиями, в частности, являются работы Л. Паунд (1914) и Г. Уэнтворта (1933, 1934). В конце XX века бóльшую актуальность приобретают исследования, связанные с прагматикой и функциями контаминированных образований, выполняемыми ими в художественных, рекламных и газетно-публицистических текстах. Актуальны и перспективны исследования, связанные с когнитивным аспектом контаминантов (G. Fauconnier, M. Turner 1996; Е.В. Кулаева, 2001; О.В. Журавлева, 2002; Л. Ф. Омельченко, 2010). При наличии многочисленных работ по лингвистической контаминации возникает вопрос, какие аспекты контаминации остаются неизученными и есть ли такие аспекты в принципе. Опираясь на исследования предшественников, а также на собственные

наблюдения над контаминантами, попытаемся определить некоторые сферы исследования контаминации, не получившие удовлетворительного описания в имеющейся по вопросу литературе.

Не до конца выясненным остается вопрос дешифровки составных компонентов контаминантов и их правильной семантической интерпретации. Так, А. Лерер в разные годы (1996, 2003, 2007) провела серию психолингвистических экспериментов, цель которых – выяснение того, происходит ли дешифровка компонентов контаминанта автоматически, сколько времени требуется испытуемым для дешифровки и какие факторы оказывают влияние на скорость декодирования компонентов контаминанта. Результаты эксперимента показали, что некоторый автоматизм восприятия действительно имеет место быть, причем скорость распознавания составных компонентов контаминанта оказалась чуть ниже (около 3-х секунд), чем скорость распознавания основ в сложных словах, что, по-видимому, обусловлено лексикализованным характером сложных слов и некодифицированным характером большинства контаминантов. Среди факторов, оказывающих влияние на скорость распознавания компонентов контаминанта, наиболее существенными являются семантика контаминанта, количество графем от слов-основ, тип контаминанта: так телескопические контаминанты распознаются быстрее по причине того, что в них оба слова-основы представлены в полном объеме. Любопытно, что задание по восстановлению основы контаминированного слова в серии экспериментов А. Лерер дало разные результаты в зависимости от того, были ли одной из испытуемых групп предварительно на короткое время показаны другие контаминанты, содержащие начальные буквы основ. Испытуемые, которым на короткое были предъявлены такие контаминанты, даже при отсутствии необходимости расшифровывать их составляющие компоненты, восстанавливали основу таким образом, что она совпадала с одной из основ контаминанта. Испытуемые, которым не были предъявлены контаминанты, гораздо реже (примерно в 2 раза) восстанавливали основу, совпадающую с одной из основ контаминанта. Этот эксперимент косвенно подтверждает положение о том, что даже при недолгом предъявлении контаминанта реципиент воспринимает как его компоненты, так и сам контаминант. При несомненной эвристической ценности исследований А. Лерер, с психолингвистической точки

зрения до сих пор остается не изученным вопрос о том, каким образом происходит восприятие и идентификация составных компонентов контаминанта – параллельно или последовательно. Также неясно, каким образом осуществляется семантизация контаминанта – аналитически или синтетически. Традиционно считалось, что дешифровка значения контаминанта осуществляется аналитически: декодирующий пытается восстановить слова-прототипы, из которых состоит контаминант посредством подбора слов из долговременной памяти, которые удовлетворяют составным компонентам контаминанта. Однако в том случае, когда определить компоненты контаминанта оказывается затруднительным или невозможным, можно предположить, что испытуемые обращаются к самому контаминанту и пытаются воспринять его комплексно, как целую единицу, зная значения которой можно попытаться восстановить форму и смысл исходных компонентов.

До сих пор не изученным остается вопрос разграничения контаминантов и образований по аналогии. Отношения между контаминантами и образованиями по аналогии можно рассматривать с двух позиций: можно рассматривать образования по аналогии как подвид контаминированных образований; контаминанты и образования по аналогии могут быть отнесены и к разным словообразовательным процессам. Р. Хики (2006) рассматривает контаминацию и аналогичное словообразование как разные словообразовательные стратегии, однако автор не дает четкого определения ни того, ни другого, что позволило бы наметить ясные критерии различия. Так, автор относит лексему “boxercise” к аналогичному образованию, а “guestimate” – к контаминанту. Исходя из примеров, приводимых ученым в качестве аналогичных образований (**vegiburger**, **presenteeism**, **outro**), можно сделать следующий вывод: те контаминированные образования можно рассматривать в качестве аналогических, в которых происходит постепенное диахроническое обособление одного из компонентов, как правило, второго. Такими обособляющимися компонентами являются, в частности, морфемы “-cercise” (**deskercise**, **jazzercise**), “-burger” (**chickenburger**, **fishburger**), “-licious” (**devilicious**, **babelicious**), “-(a) holic” (**aquaholic**, **helpaholic**, **wordaholic**), поэтому слова, формирующиеся при их посредстве, можно рассматривать в качестве аналогичных, так как, предположительно, при их создании носители

языка извлекают эти морфемы в готовом виде (Р. Фишер, 1998), хотя, безусловно, эти данные нуждаются в тщательной эмпирической проверке посредством проведения серии психолингвистических экспериментов с информантами. Эта же проблема касается словообразовательного элемента “-itarian”, участвующего в образовании контаминанта “meatitarian”. Дело в том, что в данном случае денотат соответствующих слов не представляет собой сумму денотатов слов “meat” и “vegetarian”: данные семы несовместимы, хотя дело не только в их оксюморонном характере. Так, известны контаминанты, в которых дистантные семы носят оксюморонный характер, и, тем не менее, интуитивно не возникает сомнения относительно рассмотрения данных слов в качестве контаминированных, например: “foolosopher”, “illiterature”. По-видимому, разница между приведенными примерами заключается в степени дистантности сем и в возможности/невозможности их объединения: так, теоретически возможно встретить не очень умного философа, поскольку в данном случае под философом подразумевается либо профессия, либо призвание человека, то есть, это не буквальное обозначение «мудрого человека», подтверждением чему является тот факт, что далеко не всегда объективно мудрого человека мы называем философом; данное слово может приобретать метафорическое значение, приобретая иронический оттенок. Семы “illiterate” и “literature” при определенных условиях также оказываются совместимыми: не так уж сложно встретить дешевую, некачественную, даже безнравственную литературу. В контаминанте “meatitarian” семы “meat” и “vegetarian” абсолютно несовместимы: человека, который употребляет в пищу мясо, нельзя назвать вегетарианцем. Единственный случай, когда это оказывается возможным, – при выражении осуждения действий псевдо-вегетарианца, то есть когда человек заявляет, что он не ест мясо, что не соответствует действительности.

При многочисленных структурных разновидностях контаминированных образований, наиболее редкими и наименее изученными являются так называемые *прерывистые контаминанты*, то есть такие, которые содержат в своем составе инфикс в качестве одного из мотивирующих слов-основ, например “delinguancy”, (злоупотребление языком), “enshocklopedia” (детальное знание всех фильмов-ужасов).

В других работах мы писали о том, что удачное контаминированное образование предполагает совместную лингвокреативную деятельность адресата и адресанта. В настоящей работе хотелось бы подчеркнуть тот факт, что для автора контаминанта одной из первостепенных задач является принятие решения о том, какие элементы контаминанта опустить, а какие оставить для того, чтобы контаминант был репрезентативным и для того, чтобы реципиенту удалось его адекватно интерпретировать. В задачи последнего входит определение границы морфологического шва контаминанта, что не всегда очевидно. Так, в телескопических контаминантах граница может проходить как до общего элемента, так и после него.

Еще одним нерешенным и не до конца исследованным вопросом является статус контаминированных образований с точки зрения выполняемой ими функции. В частности, принято говорить о том, что основная функция контаминированных образований – игровая, однако, по-видимому, это, во-первых, относится не ко всем контаминантам, а, во-вторых, стоило бы говорить о *степени* лудического наполнения контаминантов. Эта степень зависит от ряда факторов. Во-первых, от того, является ли контаминант терминологическим. Казалось бы, здесь все ясно: если термин, то лудический компонент отсутствует или минимизирован. В действительности, однако, ряд контаминированных терминов, особенно таких, которые функционируют в компьютерной терминосистеме, обнаруживает четко ощутимый игровой характер. Так, в словаре компьютерных и интернет-терминов зафиксирован контаминант “*crippleware*”, употребляющийся по отношению к компьютерной программе, которую можно загрузить бесплатно через интернет, но которая является неполной, а значит, малоинформативной для пользователя. Такие программы преследуют рекламные цели, стремясь привлечь как можно больше покупателей. В данном случае экспрессивно-оценочно-игровой характер контаминанта налицо. Тем не менее, рассматривать его в качестве жаргонизма или сленгизма неправомерно, так как, во-первых, он зафиксирован в словаре терминов, о чем эксплицитно заявлено в названии словаря, во-вторых, насколько нам известно, это единственное однословное обозначение соответствующего понятия. К контаминантам, лудическая природа которых, по-видимому, не может быть поставлена под сомнение, относятся омо-орфографические контаминанты,

которые совпадают по звучанию с узуальными словами и которые дешифруются только при учете восприятия графической формы: *shampagne, biography, personality, awkward, fantasia, boisterous*,

Еще одним вопросом, не столько лингвистического, сколько психологического и функционального характера, является вопрос о мотивах, которые побуждают индивидуума создавать контаминанты, рассчитывает ли адресат на то, что его изобретение будет подхвачено и расценено как удачное, или мотивация носит иной характер. По-другому, можно спросить: контаминанты – это установка на самовыражение или на убеждение и воздействие, иными словами, что это – *лингвистический экспрессионизм* или *лингвистический импрессионизм*? На этот вопрос пока нет удовлетворительно ответа. По-видимому, все зависит от преследуемых автором целей. Можно предположить, что контаминанты, которые создаются намеренно и которые требуют определенных ментальных усилий, поисков, последовательной проверки наиболее подходящих «кандидатов» на место компонентов контаминанта, представляют собой *лингвоимпрессионизмы*, то есть образования, рассчитанные на эффект. Такие контаминанты создаются и тиражируются в рекламном и публицистическом дискурсах, то есть, тяготеют к малоформатным текстам и сильным текстовым позициям. Их основное функциональное предназначение – завлечь потенциального клиента или читателя, при этом сам контаминант играет вспомогательную роль, роль посредника: суть не в том, чтобы запомнился контаминант, а в том, чтобы была решена другая первостепенная задача – прочтение газетно-журнального текста или покупка товара. В случае, когда контаминант создается в устной речи неангажированным субъектом – субъектом, чья деятельность никак не оплачивается и не стимулируется, то функция контаминанта – *лингвистическая экспрессия*, которая, конечно же, может иметь следствием определенное воздействие на реципиента, однако это воздействие не является приоритетным. В качестве репрезентативного примера можно привести реплику одного из участников фильма из серии Би-Би-Си под названием «Океаны. Исследуя Тайны Подводного Мира», в котором герой-океанолог – Филипп Кусто (внук известного исследователя Жака-Ива Кусто) после проведения около получаса под водой с акулами с целью определения их реакции на специальный репеллент, в ответ на вопрос членов

команды: “How was is it?” (Как все прошло?), отвечает “It was fantastic!”, делая после первой части контаминированного слова небольшую паузу. Представляется любопытным определение мотивации данного образования с когнитивной точки зрения: почему в качестве первого компонента была избрана именно лексема “fin”, а не какая-либо другая? Во-первых, это обусловлено частичным фонографическим совпадением с началом лексемы “fantastic”, во-вторых, это можно объяснять известным принципом гештальт-психологии – принципом целостного восприятия объекта: для полноценного восприятия объекта вовсе не обязательно осознанное восприятие всех его частей, достаточно лишь одной-двух наиболее релевантных. Основным знаком опасности, признаком акулы является, как известно, плавник, этот образ активно эксплуатируется в фильмах, мультфильмах, книгах, комиксах и так далее. Вероятно, этими психологическими особенностями восприятия и объясняется выбор мореплавателем именно лексемы “fin”, а не какой-либо другой, она становится своего рода символом акулы, ее представителем. Таким образом, перспектива исследования образования структуры контаминанта с психолингвистической и когнитивной точки зрения очевидна, так как каждый раз осознанно или подсознательно субъект принимает решение по выбору наиболее оптимальных компонентов для контаминанта.

Итак, можно видеть, что изучение лингвистической контаминации не является законченным или исчерпывающим, перспективы исследования обусловлены, прежде всего, психолингвистическими и когнитивными особенностями порождения и интерпретации структуры и семантики контаминанта. Некоторые структурные типы контаминантов также не получили подробного описания. Перспективным остается и вопрос идентификационных стратегий, осознанно или подсознательно используемых носителями языка при дешифровке компонентов контаминанта.

Список литературы

1. Hickey, R. Productive Lexical Processes in Present-day English // *Corpora and the History of English. A Festschrift for Manfred Markus*. Heidelberg, Winter 2006. P. 153–168.
2. Lehrer, A. *Blendalicious // Lexical Creativity, Texts and Contexts*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 115–133

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ ТЕКСТ ПО АЭРОНАВИГАЦИИ
КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ТИПОЛОГИЯ И ОСОБЕННОСТИ**

Н. А. Матвеева, А. В. Матвеев

Рассмотрены специальные тексты по аэронавигации в аспекте теории перевода и их особенности; предложена авторская классификация специальных текстов по аэронавигации; раскрыты понятия «специальный текст», «специальный текст по аэронавигации».

Ключевые слова: специальный текст, аэронавигация, специальный текст по аэронавигации.

Научные, технические и деловые тексты начали исследоваться лингвистами сравнительно недавно, с 30–40-х годов XX в. Сегодня язык науки стал одним из основных полноправных и самостоятельных объектов исследования наряду с языком художественной литературы, литературной разговорной речью и традиционными диалектами. Большой и дискуссионный общепилологический вопрос об отношении языка науки к литературному языку, к языку национальному не является предметом прикладного языкознания.

В последнее время интерес к научному тексту, к языкам науки и техники обострился в связи с теми новыми задачами, которые поставлены перед прикладным языкознанием современной научно-технической революцией (автоматическая обработка текстов на естественном языке, стандартизация терминологии, научно-технический перевод, создание терминологических словарей и банков данных, лингвистическое обеспечение автоматизированных систем). В основе решения различных прикладных задач лежит многоаспектный лингвистический анализ научного текста как совокупности разных текстов данной отрасли знания.

Специальный текст – это текст, главным содержанием которого являются те или иные теории, факты, сведения, рекомендации отдельных наук и отраслей знания. Сюда, прежде всего, относятся научные, технические и деловые тексты. Таковы, например, моногра-

фии, статьи по медицине, биологии, геологии, химии, кибернетике, машиностроению, навигации, картографии, учебники для вузов, технические документы, пособия, руководства, чертежи, планы, патенты, лицензии, организационно-распорядительная документация [3].

Специальный текст всегда представляет, репрезентирует то или иное научное, техническое или организационно-деловое знание. Рассмотрим процесс формирования специального текста на примере технических текстов.

Для определения понятия «специальный текст по аэронавигации» возникла необходимость рассмотрения понятия «аэронавигация».

Толковый словарь Ушакова дает следующее определение понятия: «Аэронавигация – это совокупность методов и средств для определения действительных и желаемых положения и движения летательного аппарата, рассматриваемого как материальная точка. В современном терминологическом обороте «навигация» чаще применяется к длительным маршрутам (суда, самолеты, межпланетные станции). Для быстротечных маршрутов (ракеты, управляемые снаряды), в особенности с нестационарным пунктом назначения, более употребителен термин «наведение».

Однако мы в своей работе будем придерживаться точки зрения М. А. Черного и В. И. Кораблина [4], которые трактуют аэронавигацию как науку о методах и средствах вождения воздушного судна по заданной пространственно-временной траектории.

К задачам аэронавигации они относят следующие:

1. Определение навигационных элементов летательного аппарата:

- координат (географических – широта, долгота; полярных – азимут, дальность);
- высота (абсолютная, относительная, истинная);
- высота над поверхностью Земли (истинная высота полета);
- курс (условный, истинный, магнитный, ортодромический);
- аэродинамический угол сноса;
- путевой угол (условный, истинный, магнитный, ортодромический);
- приборная, истинная, путевая скорость;
- скорость, направление (метеорологическое, навигационное) и угол ветра;
- линия заданного пути (ЛЗП);

- линейно бокового уклонения (ЛБУ);
- дополнительная поправка (ДП) (при полете на радиостанцию);
- боковое уклонение (БУ) (при полете от радиостанции);
- обратный, прямой пеленг (ОП, ПП) (при полете на/от радиопеленгатор).

2. Контроль и исправление пути: (с выходом на ЛЗП или в ПППМ (поворотный пункт маршрута), в зависимости от ЛБУ и ШВТ):

- по дальности;
- по направлению.

3. Прокладка и счисление пути:

- прямая;
- обратная;
- штилевая.

4. Построение оптимальных маршрутов для достижения точки назначения:

- выход на точку за минимальное время;
- выход на точку с минимальными затратами топлива;
- выход на точку в заданное время.

5. Оперативная коррекция маршрута во время полёта

– при изменении полётного задания, в том числе при неисправностях в летательном аппарате;

– при возникновении неблагоприятных метеорологических явлений на маршруте;

- во избежание столкновения с другим летательным аппаратом;
- для сближения с другим летательным аппаратом.

6. Определение навигационных элементов летательного аппарата.

Для определения навигационных элементов применяются различные технические средства:

А) *Геотехнические* – позволяют определять абсолютную и относительную высоту полёта, курс летательного аппарата, его местонахождение и так далее):

- высотомеры,
- измерители воздушной и путевой скоростей,
- магнитные и гироманитные компасы,
- гиropolукомпасы,
- оптические визеры,
- инерциальные навигационные системы и так далее.

Б) *Радиотехнические* – позволяют определить истинную высоту, путевую скорость, местонахождение летательного аппарата путем измерения различных параметров электромагнитного поля по радиосигналам:

- радиовысотомеры,
- радиомаяки,
- радиоконпасы,
- радионавигационные системы и так далее.

В) *Астрономические* – позволяют определять курс и местонахождение летательного аппарата:

- астрономические компасы,
- секстанты,
- астроориентаторы и так далее.

Г) *Светотехнические* – обеспечивают посадку летательного аппарата в сложных метеорологических условиях и ночью и для облегчения ориентировки: светомаяки.

Д) *Комплексные навигационные системы* – автопилот – могут обеспечить автоматический полёт по всему маршруту и заход на посадку при отсутствии видимости земной поверхности.

Исходя из такого понимания аэронавигации как науки и ее задач, к специальным текстам по аэронавигации мы будем относить научно-технические тексты авиационно-технической, ракетно-космической, военно-воздушной тематики, а также тексты в области гражданской авиации и радиоэлектроники.

Таким образом, под *специальными текстами по аэронавигации* мы понимаем научно-технические тексты, главным содержанием которых являются факты, сведения, рекомендации в области аэронавигации, авиации, ракетостроения, космической авиации, радиоэлектроники, авионики. К таким текстам мы относим технические документы, руководства, чертежи, планы, патенты, лицензии, а также научные статьи, учебники, монографии и другое.

На основе анализа научной и специализированной литературы по проблеме исследования мы разделили специальные тексты по аэронавигации на несколько групп по следующим критериям:

- по отраслям авиатехнической промышленности,
- по подразделениям авиатехнической промышленности,
- по авианавигационной технике,
- по авиатехническим специальностям (см. таблицу 1).

Таблица 1

Классификация специальных текстов по авионавигации

Критерий	Типы текстов
По отраслям авиатехнической промышленности	1) Военная авиация – Airforce 2) Гражданская авиация – Civil Aviation 3) Транспортная авиация – Transport Aircraft 4) Сельскохозяйственная авиация – Agricultural Aircraft
По подразделениям авиатехнической промышленности	1) Авиационная промышленность – Aircraft Industry 2) Авиационный завод – Aircraft Works 3) Авиационный склад – Aircraft Depot 4) Авиационный порт
По авионавигационной технике	1) Авиационная техника - конструкции самолетов, вертолетов, других летательных аппаратов плюс технология производства, сборки и испытаний. 2) Силовые установки летательных аппаратов, а также технологическое обеспечение сборки, производства и испытаний. 3) Авионика – приборы, системы ориентирования и навигации, бортовое радиооборудование, бортовые вычислительные комплексы.
По авиатехническим специальностям	1) Авиационное инженерное проектирование, осуществляющее подготовку высококвалифицированных инженеров-проектировщиков гражданской, военной и космической авиации. 2) Авиационная техника и технологии: <ul style="list-style-type: none"> – Техническая эксплуатация летательных аппаратов и двигателей; – Техническая эксплуатация авиационных электросистем и пилотажно-навигационных комплексов воздушных судов и аэропортов; – Техническое обслуживание воздушных судов и авиационного электрооборудования; – Эксплуатация и обслуживание объектов и систем топливообеспечения аэропортов и ВСГА; – Техническая эксплуатация авиационного электрифицированного, пилотажно-навигационного и радиоэлектронного оборудования; – Техническая эксплуатация авиационных приборов и измерительно-вычислительных комплексов.

По авиатехническим специальностям	3) Авиационная техника и технологии: – Техническая эксплуатация летательных аппаратов и двигателей; – Техническая эксплуатация авиационных электросистем и пилотажно-навигационных комплексов воздушных судов и аэропортов; – Техническое обслуживание воздушных судов и авиационного электрооборудования; – Эксплуатация и обслуживание объектов и систем топливообеспечения аэропортов и ВСГА; – Техническая эксплуатация авиационного электрифицированного, пилотажно-навигационного и радиоэлектронного оборудования; – Техническая эксплуатация авиационных приборов и измерительно-вычислительных комплексов.
	4) Организация перевозок, движения и эксплуатация транспорта: – Организация воздушных перевозок; – Организация авиационной безопасности при перевозках воздушным транспортом; – Обслуживание воздушного движения.
	5) Летная эксплуатация летательных аппаратов и двигателей – Летная эксплуатация самолетов и двигателей; – Летная эксплуатация вертолетов и двигателей.

Для выявления особенностей специальных текстов по авиации нами осуществлен, *во-первых*, теоретический анализ основных характеристик научно-технических текстов в целом; *во-вторых*, лингвистический анализ текстов по следующим тематикам: авиация (гражданская и военная); вертолётная техника, космонавтика, схемы, технические характеристики воздушных судов, инженерно-техническое обслуживание самолётов и вертолётов; документы ИКАО, FAA, СAA, ИАТА, МАК, ФАП, ГОСТ и др. [1].

Обобщая полученные результаты, можно утверждать, что в основе стиля научно-технической литературы лежат нормы английского письменного языка с определенными специфическими характеристиками, а именно:

1) *лексика*. Употребляется большое количество специальных терминов и слов не англосаксонского происхождения. Слова отби-

раются с большой тщательностью для максимально точной передачи мысли. Большой удельный вес имеют служебные (функциональные) слова (предлоги и союзы) и слова, обеспечивающие логические связи между отдельными элементами высказываний (наречия). Это, не лишая текст точности, сообщает ему разнообразие.

2) *грамматика*. В отношении синтаксической структуры в английских технических текстах используются только твердо установившиеся в письменной речи грамматические нормы. Предложения отличаются своей конструктивной сложностью: большей частью употребляются сложносочиненные и сложноподчиненные типы предложений, в которых преобладают существительные, прилагательные и неличные формы глагола. Частое использование причастных, инфинитивных и герундиальных оборотов, а также пассивных, безличных, неопределенно-личных и других конструкций подчас затрудняют понимание текста и ставят перед переводчиком дополнительные задачи. Логическое выделение достигается путем отступления от твердого порядка слов (инверсии).

3) *способ изложения материала*. Основная задача технической литературы – предельно ясно и точно довести определенную информацию до читателей. Это достигается логически обоснованным изложением фактического материала, без применения эмоционально окрашенных слов, выражений и грамматических конструкций [2. С. 92].

Таким образом, к специфическим особенностям специальных текстов по аэронавигации мы относим логическую последовательность изложения, упорядоченную систему связей между частями высказывания, точность, сжатость и однозначность при сохранении насыщенности содержания.

Список литературы

1. Авиационный английский язык: Пособие для пилотов. Часть 1. Стандартная фразеология ИКАО, ФАА, САА [Электронный ресурс]. URL: <http://www.complang.ru>
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и част-

References

1. Aviacionnyj anglijskij jazyk: Posobie dlja pilotov. Chast' 1. Standartnaja frazeologija IKAO, FAA, SAA [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.complang.ru>
2. Barhudarov, L. S. Jazyk i perevod: Voprosy obshhej i

ной теории перевода. М. : Международ. отн., 1975. 240 с.

3. Чебурашкин, Н. Д. Технический перевод в школе: учебник техн. пер. для учащихся IX–X кл. школ с преподаванием ряда предметов на англ. яз. / под ред. Б. Е. Белицкого. М. : Просвещение, 1983. 255 с.

4. Черный, М. А. Самолётовождение. Транспорт / М. А. Черный, В. И. Кораблин. М, 1973. 368 с.

chastnoj teorii perevoda. M. : Mezhdunar. otn., 1975. 240 s.

3. Cheburashkin, N. D. Tehnicheskij perevod v shkole: uchebnik tehn. per. dlja uchashhihsja IX–X kl. shkol s prepodavaniem rjada predmetov na angl. jaz. / pod red. B. E. Belickogo. M. : Prosveshhenie, 1983. 255 s.

4. Chernyj, M. A. Samoljotovozhdenie. Transport / M. A. Chernyj, V. I. Korablin. M, 1973. 368 s.

ЭМОТИВНЫЙ ТЕКСТ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦЫ СИНТАКСИСА

С. В. Минибаева

Статья посвящена актуальной на современном этапе развития филологии проблеме текстовой репрезентации эмотивного содержания. Вербализация эмоционального переживания представляет собой достаточно сложный процесс, тем более что (как верно подмечено рядом лингвистов) язык, располагая достаточным арсеналом для репрезентации эмоционального состояния субъекта, все же иносказателен в этой сфере, что усложняет как представление эмоций в речи, так и интерпретацию.

Ключевые слова: эмотивный текст; эмоциональный текст; эмоциональная ситуация; эмотивная модель.

Языковой анализ текстов малой прозы А. П. Чехова подвел нас к выводу о существовании двух типов текстов по отношению к выражению эмоционального содержания: эмотивные тексты и эмоциональные тексты.

Тексты первого типа являются описанием эмоционального состояния субъекта, причем репрезентированное чувство обозначено в заголовке благодаря использованному эмотиву, который, по сути, связан с темой текста. Так, тексты о страхе скрываются под заголовками «Страх», «Страхи», «Страшная ночь»; о тоске – «Тоска»; о радости и счастье – «Радость», «Женское счастье», «Несчастье»; о любви – «Любовь», «О любви» и т.п. Заголовок может содержать производную от эмотива. Но в любом случае он определяет эмоциональную тему рассказа: например, «Страшная ночь». Заголовок может содержать наименование каузатора эмоции: «Ночь на кладбище. Святочный рассказ», «На кладбище».

Мы заметили, что заголовок служит главным индикатором ключевой темы и эмотивной ауры текста. Текст выступает как развернутая заглавная метафора. В свою очередь, происходит и обратный процесс – влияние текста на заглавие. В число «говорящих» заголовков входят прямые наименования базовых эмоций

(«Радость», «Страх», «Страхи», «Счастье» и др.). Подобные лексеммы проецируют свой эмотивный смысл на весь текст, актуализируя эмоционально-оценочную сему во многих словах, помогают понять смысл текста, в том числе его эмоциональное содержание, дают ключ к подтексту, усиливают эстетическое воздействие на читателя. Например, заголовок одного из рассказов А. П. Чехова «Радость» сразу создает предчувствие чего-то хорошего. Чаще всего ожидание, связанное с подобным заголовком, оправдывается в тексте рассказа.

Сюжетная линия эмотивного текста строится по всем законам психологического описания эмоциональной ситуации. В ней репрезентированы: каузатор (причина) эмоционального переживания; назван субъект эмоционального состояния; сама эмоция либо названа в контексте, либо однозначно выводится из подтекста; представлено внешнее проявление переживаемого чувства; кроме того, иногда описывается момент освобождения от сильного эмоционального переживания. В эмотивном тексте лингвистически репрезентирована динамика эмоционального состояния, позволяющая видеть градацию переживания от относительно нейтрального состояния до максимального его проявления (например, текст рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника» или «Ночь на кладбище. Святочный рассказ»). Такое подробное описание эмоционального состояния художественного субъекта объясняется спецификой эмотивного текста как особого смыслового типа синтаксической единицы.

Тексты второго типа – эмоциональные – не содержат в заголовках эмотивов или лексем, связанных с эмоциональной ситуацией. Их суть – не описание чувственных переживаний, а совсем другая сюжетная линия. Однако в отдельных фрагментах такого текста содержится указание на эмоциональное состояние субъекта, что позволяет нам отнести их к эмоциональным. Иными словами, рассредоточенное эмотивное содержание предыдущего типа здесь сконцентрировано в рамках одного-двух предложений, которые могут встречаться фрагментарно на всем протяжении текста. Таким образом, эмоциональный текст мы можем определить как текст с эмотивным (или эмотивными) компонентом (или компонентам).

В малой прозе А. П. Чехов используются все средства актуализации эмоционально-оценочных сем. Так, в текстах его рассказов

представлены слова, несущие эмоционально-оценочные архисемы, мотивы (*восторг, наслаждение, радость, тоска, страх* и др.).

Специфика эмоционального текста заключается в том, что представление эмоционального состояния строится на использовании лексемы, называющей эмоцию. Актуализация данной лексемы ограничивается рамками небольшого контекста, коим могут быть предложение, его часть или абзац.

Так, самые частотные названия положительных эмоций в малой прозе А. П. Чехова – радость, счастье. Однако основная эмоциональная аура прозы создается не отдельными (пусть даже самыми частотными) наименованиями, а наиболее развитыми и многокомпонентными семантическими группами слов. В исследуемых рассказах такими группами оказались семантические объединения, выражающие эмоции печаль/страдание и удовольствие/удовлетворение. Эмотивы (*счастье, радость, тоска* и др.) в ряде рассказов выступают в роли ключевых слов, являются ядром для выражения чувств в эмоциональных текстах.

Спектр описываемых эмоций в рассказах А. П. Чехова велик, поэтому требуется классификация, произведенная нами на основе лексико-семантического показателя: по наличию общих эмоционально-оценочных сем. Такой подход позволил выделить восемь лексико-семантических групп (ЛСГ) разного объема (название выбрано по доминантной лексеме): (1) ЛСГ «радость» составляют эмотивы радость, удовлетворение, восхищение, восторг; (2) ЛСГ «счастье» – блаженство, счастье; (3) эмотив любовь выделен нами в отдельную ЛСГ, ибо его семантика в контексте настолько разнообразна, что доходит до омонимичности; (4) ЛСГ «страх» включает в себя следующие эмотивы: робость, испуг, боязнь, страх, ужас, паника; (5) ЛСГ «тревога» – беспокойство, тревога; (6) ЛСГ «тоска» – грусть, печаль, тоска; (7) ЛСГ «ненависть» – отвращение, презрение, ненависть; (8) полюсный характер эмотива страдание позволил выделить его в отдельную ЛСГ.

Полюсный характер эмоциональных состояний нашел отражение и в художественном тексте: А. П. Чехов использует положительные и отрицательные эмотивы, причем, как и в психологии, перевес по частотности употребления на стороне отрицательных эмотивов.

Как мы уже говорили, модель эмоциональной ситуации в текстах второго типа реализуется в малом контексте. Рассмотрим

текстовую репрезентацию эмоциональной ситуации (эмотивной модели). *Вчера вечером моя Ниночка никуда не поехала, а осталась дома, захотела со мной вечер провести. Я, конечно, обрадовался* («Ниночка», т. 3, с. 396). См. реализацию эмотивной модели во фрагменте эмоционального текста: каузатор эмоции (... *моя Ниночка никуда не уехала..., захотела со мной вечер провести*), субъект эмоции (я), сама эмоция, обозначенная предикатом (*обрадовался*).

Или: *От радости, что ее взяли гулять, она прыгала, бросалась с лаем на вагоны конножелезки, забегала во дворы и гонялась за собаками* («Капитанка», т. 6, с. 230). См. реализацию эмотивной модели: эмоция, обозначенная номинативом с предлогом (*от радости*), каузатор эмоции (*ее взяли*), субъект эмоции (*она*), внешнее выражение (*прыгала, бросалась с лаем на вагоны конножелезки, забегала во дворы и гонялась за собаками*).

Как видим, полем реализации эмотивной модели в текстах второго типа становится небольшой фрагмент, и каждый компонент эмоциональной ситуации предстает в минимальной языковой репрезентации: чаще всего становится достаточно одного слова.

Полем для текстовой репрезентации модели эмоциональной ситуации в эмотивном тексте становится весь текст. В полном соответствии с первым типом текстов построен рассказ А. П. Чехова «Радость». Сразу отметим, что в анализируемом тексте обыгрывается синонимическая связь лексем *радость* и *счастье*. В словаре С.И. Ожегова *радость* связывается с «большим душевным удовлетворением» [3. С. 569], а *счастье* – с «полным, высшим удовлетворением» [3. С. 697]. Иными словами, прослеживается семантическая градация, отражающая разную интенсивность обозначенных эмоций. Анализируемый текст эту разницу отбрасывает, однако сильная интенсивность эмоционального состояния субъекта все же репрезентирована. Это достигается благодаря языковому воплощению тех элементов модели текстовой ситуации, о которых шла речь ранее.

Внешнее выражение переживания в тексте представлено через «рамку наблюдателей», в роли которых выступает как сам автор, так и другой субъект-персонаж: *Митя Кулдаров, возбужденный, взъерошенный, влетел в квартиру своих родителей и быстро заходил по всем комнатам* [4. С. 58] – однородные определения (*воз-*

бужденный, взъерошенный) и однородные предикаты движения, причем один из них обозначает «вбежать поспешно куда-нибудь» [3. С. 78], а второй употреблен в сочетании с обстоятельственным наречием степени (*быстро* [заходил]), позволяют автору зафиксировать изменения во внешнем облике субъекта и в его поведении под влиянием положительной эмоции радости. Авторское повествование содержит номинатив внешней реакции субъекта радости – *хохот* – как следствие переживаемой интенсивной эмоции: *Митя захохотал и сел в кресло, будучи не в силах держаться на ногах от счастья* [4. С. 58]. В этом же контексте присутствует лексема, обозначающая переживаемую субъектом эмоцию. Автор-наблюдатель избирает эмотив *счастье*, обозначающий эмоцию более интенсивную, чем заявлена в заголовке рассказа. Он делает вывод об эмоциональном состоянии субъекта, исходя из своих наблюдений над внешним выражением чувства. Через несколько предложений сам субъект эмоционального состояния определит его как радость: «*Это я от радости, мамаша!*», – и сам обозначит каузатор эмоции: «*Ведь теперь меня знает вся Россия! Вся! Раньше только вы одни знали, что на свете существует коллежский регистратор Дмитрий Кулдаров, а теперь вся Россия знает об этом! Мамаша! О, господи!*» [4. С. 58]. Интенсивность эмоции передана нагромождением восклицательных конструкций, особенно двумя последними предложениями, содержащими только обращения, сначала к реальному человеку, затем к трансцендентному образу; даже семантическое наполнение данных лексем расширяет эмоциональную насыщенность описываемой радости до ранга вселенской.

Другой субъект-персонаж, как и автор, является наблюдателем и фиксирует внешнее выражение эмоционального состояния, используя в реплике фразеологический оборот: «*На тебе лица нет!*» [4. С. 58], обозначающий «бледность, безжизненность» и говорящий об интенсивности переживаемой субъектом эмоции.

Каузатор представленного в тексте эмоционального состояния сначала предстает в широком значении: «*Меня знает вся Россия*», затем происходит конкретизация: «*Ведь только про знаменитых людей в газетах печатают, а тут взяли да про меня напечатали!*» [4. С. 58].

Сама эмоция субъектом чувства определяется теперь не просто как радость, а как счастье: «*Как я счастлив! О, господи!*» [4. С.

58]. Все последующее повествование представляет собой реплики двух персонажей: отца, читающего заметку в газете, и Мити, комментирующего прочитанное. Следует отметить, что каузатор описываемого эмоционального состояния нарочито приобретает черты чего-то мелкого и порой постыдного: «находясь в нетрезвом состоянии», «поскользнулся и упал под лошадь», «испуганная лошадь» и т.д. Так каузатор радости перестает быть таковым для адресата текста (читателя). Эмоциональная аура текста меняет краски: радость сменяется сожалением. Но субъект-персонаж пребывает в приподнятом состоянии несмотря ни на что: *Митя надел фуражку с кокардой и, торжествующий, радостный, выбежал на улицу* [4. С. 59]. Предложение содержит определения, характеризующие субъекта, охваченного гордостью и радостью за себя, а также предикат, выражающий максимальную по интенсивности эмоцию (выбежал – «не способен усидеть от радости»). Нам представляется возможным говорить здесь о несоответствии эмоционального состояния субъекта реальной эмоциональной ситуации.

Итак, мы можем говорить о фрагментарности репрезентации эмоциональной ситуации в художественном тексте или о развернутости эмоционального сценария. На основе этого существует возможность дифференцировать тексты по эмотивному содержанию.

Список литературы

1. Вольф, Е. М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
2. Мышкина, Н. Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики. Пермь, 1998.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1998.
4. Чехов, А. П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М., 1985. С. 58–59.

References

1. Vol'f, E. M. Jemocional'nye sostojanija i ih predstavlenie v jazyke // Logicheskij analiz jazyka. Problemy intensional'nyh i pragmaticheskikh kontekstov. M., 1989.
2. Myshkina, N. L. Vnutrennjaja zhizn' teksta: mehanizmy, formy, harakteristiki. Perm', 1998.
3. Ozhegov, S. I. Slovar' russkogo jazyka / pod red. N. Ju. Shvedovoj. M., 1998.
4. Chehov, A. P. Sobranie sochinenij v 12 t. T. 1. M., 1985. S. 58–59.

АНДРАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Л. И. Новицкая

В статье рассматривается личность в сфере образования взрослых (андрагогика). Освещены несколько концепций ведущих исследователей психологии человека, система непрерывного образования, профессиональное образование, которые предполагают саморазвитие и самопознание (рефлексию). Изложены характеристики самоактуализирующейся личности, условия профессионального развития, факторы влияющие на нее, разнообразные формы совместной учебной работы.

Ключевые слова: андрагогика, образования взрослых, система непрерывного образования, профессиональное образование, характеристики самоактуализирующейся личности.

В современном мире образование является сферой культурного производства, главным фактором его социально – экономического развития. Эта специфическая сфера выполняет главную функцию – образование граждан.

Г. М. Коджаспирова определяет образованность как качество развивавшейся личности, усвоившей опыт, с помощью которого она становится способной ориентироваться в окружающей среде, приспосабливаться к ней, охранять и обогащать ее, приобретать о ней новые знания и посредством этого непрерывно совершенствовать себя [3].

А С. И. Змеев, исследователь образования человека, замечает, что великие мыслители, философы, писатели и ученые всегда ощущали ограниченность школьного образования, его краткость по времени, устаревание по содержанию и недостаточность объема для дальнейшего сложного жизненного пути. Человеку необходимо учиться всю жизнь. Но на протяжении своей жизни человек изменяется и учится в разные годы по-разному, поэтому система образования должна быть вариативной и достаточно гибкой. Это непрерывное образование создает такую систему, которая открыта

для людей любого возраста и поколения и сопровождает человека в течение всей его жизни, способствуют постоянному его развитию, вовлекает в непрерывный процесс овладения знаниями, умениями, навыками [1; 2].

И одна из составляющих непрерывное образование – это профессиональное образование (подготовка специалистов, повышение квалификации, переподготовка кадров). Нужна мотивация к обучению, учет потребностей обучающего, его личностного и профессионального опыта. Преподаватель, в этом случае, обеспечивает учебный процесс методически, мотивирует обучение.

Отсутствие морального и материального стимулирование в организации оказывает негативное влияние на профессиональное развитие сотрудников. Вместе с тем, неадекватно высокий уровень зарплата приводит к ощущению сверхценности и самоудовлетворенности. Личность начинает считать себя высокопрофессиональной и не нуждающейся в дальнейшем профессиональном развитии.

Итак, мы выяснили, что профессиональное развитие предполагает самонаблюдение и самосознание (рефлексию). Рефлексия – это процесс самопознания субъектом внутренних психических актов и состояний. Рассмотрим виды рефлексии:

- ситуативная рефлексия, которая обеспечивает самоконтроль поведения индивида в конкретной ситуации и склонность к самоанализу в конкретных жизненных ситуациях.
- ретроспективная рефлексия проявляется в склонности к анализу уже выполненной в прошлом деятельности и свершившихся событий. Она позволяет определить, как человек оценивает произошедшие события и себя в нем.
- перспективная рефлексия ориентируется на будущее, проявляется в склонности к анализу предстоящей деятельности.

Еще одним фактором, определяющим профессиональное развитие, является потенциал личности. Личность рассматривается в целенаправленном, прогрессивном развитии. Основным фактором достижения вершин профессионализма выступает самоактуализация.

По А. Маслоу, психологическими характеристиками самоактуализирующейся личности являются:

- активное восприятие действительности и способности хорошо ориентироваться в ней;

- принятие себя и других людей такими, какие они есть;
- непосредственность в поступках и спонтанность в выражении своих мыслей чувств:
 - сосредоточенность внимания на том, что происходит вовне, а не на внутреннем мире, собственных чувствах и переживаниях;
 - обладание чувством юмора;
 - развитые творческие способности;
 - неприятие условностей, но без показного их игнорирования;
 - способность к глубокому пониманию жизни;
 - установление с окружающими людьми, хотя и не со всеми, доброжелательных личных отношений;
 - способность смотреть на жизнь открытыми глазами, оценивать ее с объективной точки зрения, беспристрастно.[4]

Высокий уровень профессионального развития достигается и поддерживается за счет саморегуляции личности, способствующей сохранению собственной инициативной позиции и индивидуального стиля деятельности в изменяющихся профессиональных Условиях. Личность уже не удовлетворяет простое приспособление к внешним требованиям, она испытывает потребность выходить за пределы себя, проявлять сверхнормативную профессиональную активность.

Современное состояние образования взрослых, как считает В.Г. Онушкин, не может быть охарактеризовано и осмыслено, во-первых, вне исторического контекста, во-вторых, вне контекста образовательных стратегий, свойственных для развитых стран мира. В частности, потребности в развитии не только профессиональной, но и общей культуры личности привели к созданию учреждений дополнительного образования общеобразовательной, мировоззренческой направленности.

Развитие творческого потенциала личности определяет внутренний смысл непрерывного образования взрослых. По своей природе человек, никогда не может считать себя окончательно завершенным ни как профессионал, ни как личность, на каком бы этапе жизненного и профессионального пути ни находился человек. На жизненном пути взрослого человека происходит изменение позиции личности в системе отношений с другими закономерно связано с перестройкой ценностно-смысловых образований.

Фактором, влияющим на профессиональное развитие, являются возрастные изменения, связанные со старением. Исследователи феномена старости подчеркивают, что фатальной неизбежности профессионального старения нет. Но приходится признать, что физическое и психологическое старение деформирует профессиональный профиль человека, отрицательно сказывается на достижении вершин профессионального мастерства.

В опыте обучения взрослых существует разнообразные формы совместной учебной работы, основанной на общении, взаимодействии, коммуникации взрослых. В процессе общения взрослый человек получает возможность объективировать перед другими выработанные в его опыте идеи и методы, сопоставить их с идеями и методами других, подтвердить, обогатить или перестроить то, что сложилось в индивидуальном опыте.

Обобщая все вышеизложенное, нужно подчеркнуть, что профессиональное развитие личности в непрерывном образовании – это процесс постоянного соотнесения индивидуального опыта личности с опытом социальным, отраженных в науке и культуре, в опыте других людей, включает развитие профессиональной карьеры, формирование жизненных планов, соответствующих им мотивов к данному виду профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Змеев, С. И. Основы андрагогики. М. : Флинта: Наука, 1999.
2. Змеев, С. И. Андрагогика: основы теории, истории и технологии обучения взрослых. М. : ПЕР СЭ, 2007.
3. Коджаспирова, Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. М. : Издат. центр «Академия», 2003.
4. Маслоу, А. Мотивация и личность. Сер.: Мастера психологии СПб.: Питер Пресс, 2010.

References

1. Zmeev, S. I. Osnovy andragogiki. M. : Flinta: Nauka, 1999.
2. Zmeev, S. I. Andragogika: osnovy teorii, istorii i tehnologii obuchenija vzroslyh. M. : PER SJe, 2007.
3. Kodzhaspirova, G. M., Kodzhaspirov A. Ju. Pedagogicheskij slovar' / G. M. Kodzhaspirova, A. Ju. Kodzhaspirov. M. : Izdat. centr «Akademija», 2003.
4. Maslou, A. Motivacija i lichnost'. Ser.: Mastera psihologii SPb.: Piter Press, 2010.

5. Подобед В.И. Развитие андрагогики как области профессионально-педагогического знания и социальной практики / В. И. Подобед, А. Е. Марон // Человек и образование. 2009.

5. Podobed V.I. Razvitie andragogiki kak oblasti professional'no-pedagogicheskogo znanija i social'noj praktiki / V. I. Podobed, A. E. Maron // Chelovek i obrazovanie. 2009.

ЗАМЕТКИ О ЧАТЛАНО-ПАЦАКСКОМ ЯЗЫКЕ

А. В. Сидоренко

В статье исследуется вымышленная коммуникативная система, представленная в фильме «Кин-дза-дза». Автор рассматривает её в сопоставлении с естественным языком.

Ключевые слова: естественный язык, коммуникативная система, функции языка.

Общеизвестно, что важнейшей функцией языка является коммуникативная. В то же время очевидно, что информация может быть передана и вербально, и невербально. Однако если объём невербально передаваемой информации (например, с помощью мимики, жестов и т.д.) весьма ограничен, да и не всякое сообщение может быть передано таким путём, то вербально, с помощью естественного языка, даже при ограниченном наборе языковых средств можно передать неограниченное количество сообщений.

Все единицы естественного языка представляют собой единство плана выражения и плана содержания. В некоторых случаях те или иные грамматические значения могут не иметь материального выражения, например, в нулевых аффиксах или нулевых связках. При этом само отсутствие плана выражения является в языке значимым, поскольку оно существует и функционирует лишь в рамках системы противопоставленных друг другу форм, одна из которых материально не выражена.

В связи с этим языковедческий интерес вызывает вымышленная коммуникативная система, представленная в кинематографической антиутопии Г. Данелия «Кин-Дза-Дза». На планете Плюк, где происходят события кинокартины, основное общение осуществляется вне языка – телепатическим путём. Поэтому практически любое сообщение может быть передано невербально. В то же самое время местные жители – чатлане и пацаки – используют в процессе коммуникации определённую систему материально выраженных языковых единиц. Основными единицами их литературного языка являются звуковые комплексы *ку* и *кю*. *Кю* – это

единственное допустимое в обществе ругательство, а, следовательно, есть и недопустимые, свидетельствующие о существовании нелитературного языка. *Ку*, как сказано в «Кратком чатлано-пацакском словаре», – все остальные («не ругательные») слова.

Почти предельная редукция фонетического состава *ку* и *кю*, противопоставленных друг другу лишь на основе чередования парных по твёрдости/мягкости согласных фонем <к> и <к'>, ярко иллюстрирует конвенциональный (немотивированный) характер связи означаемого и означающего в системе языка. Более того, в описываемой коммуникативной системе свойство конвенциональности доведено до абсурда: если в естественном языке тому или иному плану содержания соответствует определённый план выражения, то в языке чатлан и пацаков план выражения ограничен двумя основными лексемами. Это значит, что любое сообщение, не содержащее ругательства, может быть «выражено» с помощью «слова» *ку*. Однако звуковой комплекс *ку* не обладает свойствами, позволяющими квалифицировать его как слово: оно лишено номинативности, постоянства звучания и значения, лексико-грамматической отнесённости (в соответствии с признаками слова, выделенными Н. М. Шанским) [1. С. 11].

Диалоги обитателей Плюка чаще всего выглядят следующим образом:

- *Ку*. /– *Ку*;
- *Ку*. /– *Кю!* и т.п.

Основное сообщение передаётся с помощью процесса телепатии, а *ку* как бы сопровождает его, выполняя ряд функций.

Во-первых, *ку* произносится при приветствии. Именно так начинается общение коренных жителей Би и Уэфа с землянами, оказавшимися на Плюке. В специально оговорённых случаях (при встрече с обладателем «желтых штанов»), в соответствии с особенностями этикета, принятого на Плюке, *ку* произносится два раза и сопровождается характерным действием – приседанием с одновременным похлопыванием себя по щекам и последующим разведением рук в стороны.

Во-вторых, оно выполняет контактоустанавливающую функцию, или функцию обращения. Произносящий *ку* привлекает к себе внимание, сообщая о намерении осуществить телепатический акт коммуникации.

В-третьих, обитатели планеты Плюк с помощью *ку* реализуют воздействующую функцию на собеседника, например, побуждают его к действию.

В-четвёртых, *ку* может обладать и эстетической нагрузкой. Она отчётливо проявляется во время исполнения самодеятельных литературно-музыкальных номеров, с помощью которых чатлане и пацаки зарабатывают себе на пропитание. Примером такого номера является малохудожественная композиция, представляющая собой повторение звуковой последовательности: «Ку! Ку! Ку! Ку! Ыыы...»

В-пятых, различная интонационная окрашенность *ку* позволяет дифференцировать смысловые оттенки сообщаемого, выражая отношение говорящего к высказыванию. Например, в ситуации, когда дядя Вова произносит *ку* при встрече с эцилоппом, интонация указывает на его скептическое отношение к нормам этикета обитателей Плюка.

В-шестых, варьируя *ку* по высоте, тембру, длительности, производителю речи выражает различные эмоции (гнев, восторг, радость и проч.).

В-седьмых, *ку* различает коммуникативные типы высказывания (повествование, побуждение, вопрос). Особенно интересна ситуация, в которой Машков, отдавая приказ всем оставаться на своих местах, вопрошает: «*Ку* или не *ку*?», на что получает утвердительный ответ: «*Ку*».

Разумеется, чатлане и пацаки способны без труда общаться с землянами «обычным способом» – при помощи естественного языка. Более того, телепаты обладают способностью через непродолжительное время овладеть любым языком, на котором думает их собеседник. Однако в силу телепатических возможностей единицы их языка не вербализуются.

Между тем, в начале второй серии фильма зрителю предоставляется возможность ознакомиться с «Кратким чатлано-пацакским словарём», включающим в основном культурноспецифичную лексику, представленную рядом конкретных существительных: *цак* – колокольчик для носа, указывающий на принадлежность к пацакам, *эцих* – ящик для узников, *эцилопп* – представитель власти, полицейский, *пепелац* – межзвёздный корабль, *гравицанна* – деталь от мотора пепелаца, *луц* – топливо, *чатл* – единица де-

нежной системы, *трансклюкатор* – специальное лазерное оружие и т.п. Для обозначения спичечной серы, которая используется как важнейшая валюта, чатлане и пацаки используют слово *кц* [кацэ]. Однако и эти лексические единицы вербализуются лишь в общении с землянами, встраиваясь в грамматическую систему русского языка и изменяясь по законам его формообразования: *чатл*, *чатлы*, *чатлов* и т.д.

Следует указать и на наличие в чатлано-пацакском языке имён собственных: попутчиков прораба Машкова и студента Алексидзе зовут *Уэф* и *Би*, планета называется *Плюк*, а властвует над всем некий господин *ПэЖэ*.

Следует особо указать на то, как в представленном языке реализуется когнитивная функция. Телепатическая передача информации основана на «считывании» процесса мышления. Так, весьма характерна фраза местной жительницы: «Какой дурак на Плюке правду думает?» Следовательно, это не обычный процесс мышления, но процесс коммуникации, передачи информации. Мысль облекается здесь в форму языка, чтобы быть доступной для «считывания» другому участнику коммуникации.

Таким образом, чатлано-пацакский язык, несмотря на его причудливый облик, существует лишь на фоне и на базе естественного языка. Даже такие поверхностные наблюдения над вымышленной коммуникативной системой позволяют оттенить свойства естественного языка, глубже понять его законы и особенности функционирования его единиц.

Список литературы

1. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1972.

References

1. Shanskij, N. M. Leksikologija sovremennogo russkogo jazyka. M., 1972.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

КОНВИНСИВНОЕ РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале публичных выступлений Б. Обамы)

О. Н. Мищук

В данной статье раскрывается феномен конвинсивного речевого воздействия и его взаимосвязь с такими риторическими понятиями как логос, этос и пафос. Рассматриваются аргументативные тактики реализации конвинсивности на материале текстов выступлений президента США Б. Обамы перед иностранной аудиторией. Исследование средств и способов реализации конвинсивного речевого воздействия является актуальной темой в современной аргументологии.

Ключевые слова: политический дискурс, конвинсивное речевое воздействие, логос, этос, пафос.

Дискурс в качестве своей важнейшей задачи имеет осуществление речевого воздействия (далее – РВ). Последнее может осуществляться даже вне постановки специальных задач: РВ имеет место не только в случае дискурса убеждения, но и в случае, например, информирования – уже потому, что в последнем с помощью дискурса может произойти изменение одной из составляющих когнитивной сферы адресата: энциклопедических знаний. При этом трактовка РВ как убеждения для нас более привычна. На самом же деле информирование обычно сопутствует убеждению, о чем свидетельствуют изыскания в области риторики (особенно западной).

РВ возникает при наличии риторической ситуации, которая в свою очередь имеет место при наличии риторической проблемы с ее контекстными элементами – событиями, коммуникантами, предметами и отношениями. Описание РВ включает понятия логос, этос и пафос [2].

Термин «конвинсивное РВ» используется для рационального (обращенного к логосу) РВ с соответствующим типом стратегий.

На основе структурно-семантического критерия аргументация в данном типе РВ включает аргументы, состоящие из Тезисов (отстаиваемых положений) и Доводов (обосновывающих эти положения естественно-языковых структур). Рассмотрение конвинсивной семантики аргумента можно проводить в совокупности с его организацией, и тогда мы получаем аргументологический семантико-синтаксический подход.

На основе функционально-семантического принципа Доводы можно расклассифицировать на Данные (факты и мнения) и Основания (каузации, группировки, сопоставления, авторитета, мотивации). Тезисы могут быть представлены как декларативные, классификационные, оценочные и акциональные¹. Такое разбиение позволяет говорить о соответствующих аргументативных тактиках выдвижения компонентов аргумента.

Как показал анализ практического материала, способы выдвижения Доводов могут различаться в зависимости от структуры аргументации в тексте. Различается и семантика самих Доводов.

В качестве иллюстрации процедуры и результатов аргументативного анализа приведем конвинсивный разбор различных структур аргументации, которые были выявлены нами в речи президента США Б. Обамы «On Nuclear Weapons» в Праге. Кроме анализа структуры выдвижения Доводов нами была проанализирована и их семантика.

Основные единицы аргументации текста выступления и соответствующие им схемы представления Доводов расположены в порядке увеличения аргументативных уровней.

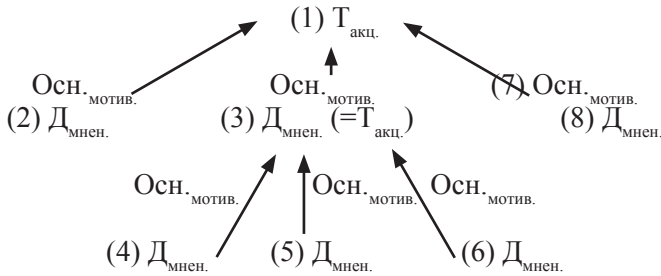
Тактики 2-уровневого выдвижения Доводов

«Now, (1) to protect our planet, (2) now is the time to change the way that we use energy. (Applause.) (3) Together, we must confront climate change (4) by ending the world's dependence on fossil fuels, (5) by tapping the power of new sources of energy like the wind and sun, and (6) calling upon all nations to do their part. And (7) I pledge to you that (8) in this global effort, the United States is now ready to lead». (Applause.)

¹ Эта типология была выработана Ю. И. Касьяновой [1] на основе анализа зарубежных аргументологических работ. При этом таксономия компонентов аргумента может быть проведена, если требуется достижение предельной подробности анализа.

Схематично структура данной аргументации может быть представлена следующим образом:

Схема 1.

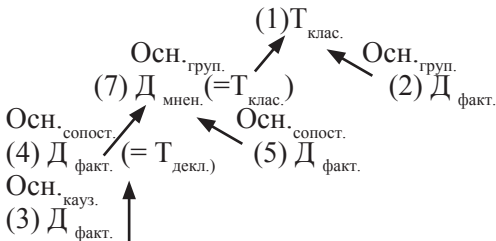

Данная структура представляет собой 2-уровневую аргументацию, где Доводы 4, 5, 6 есть Данные мнения, связанные имплицитными Основаниями мотивации с акциональным Тезисом 3 первого уровня, который переходит в Данные мнения для акционального Тезиса 1. Доводы 2, 8 суть Данные мнения. Основания мотивации выделены нами для связи всех Доводов и Тезисов данной аргументационной схемы.

Тактики 3-уровневого выдвижения Доводов

«(1) I've learned over many years to appreciate the good company and the good humor of the Czech people in my hometown of Chicago. (Applause.) (2) Behind me is a statue of a hero of the Czech people – Tomas Masaryk. (Applause.) In 1918, (3) after America had pledged its support for Czech independence, (4) Masaryk spoke to a crowd in Chicago (5) that was estimated to be over 100,000. (6) I don't think I can match his record – (laughter) – (7) but I am honored to follow his footsteps from Chicago to Prague». (Applause.)

Схема 2.

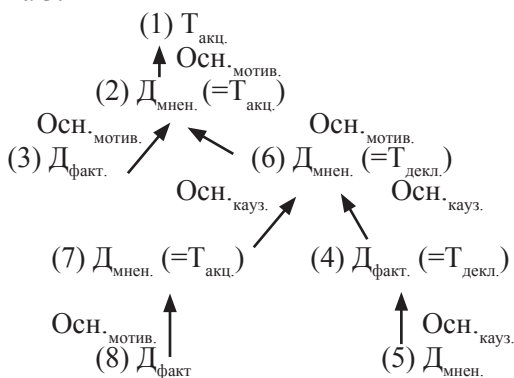

Данная аргументация представляет собой 3-уровневую структуру. Доводы 2, 3, 5 есть фактуальные Данные. На втором уровне декларативный Тезис 4 переходит в фактуальные Данные для последующего уровня. На нем классификационный Тезис 7 трансформируется в Данные мнения для следующего уровня. Тезис 1 – классификационный. Также нами восстановлены Основания каузации между Тезисом 4 и Данными 3, Основания сопоставления между Тезисом 7 и Данными 4, 5, Основания группировки между Тезисом 1 и Данными 2 и 7.

Тактики 4-уровневого выдвижения Доводов

«(1) To provide for our common security, (2) we must strengthen our alliance. (3) NATO was founded 60 years ago, after (4) Communism took over Czechoslovakia. (5) That was when the free world learned too late that it could not afford division. (6) So we came together (7) to forge the strongest alliance that the world has ever known. (8) And we should – stood shoulder to shoulder – year after year, decade after decade - until an Iron Curtain was lifted, and freedom spread like flowing water».

Схема 3.

Семантика Доводов представлена следующим образом: Доводы 3, 8 – фактуальные Данные; Довод 5 – Данные мнения. На третьем уровне Тезисы 4, 7 являются декларативными и переходят в фактуальные Данные и Данные мнения для декларативного Тезиса 6 на втором уровне, который, в свою очередь, становится Данными мнения для акционального Тезиса 2. Тезис 2 переходит в Данные

мнения для Тезиса 1, который также является акциональным. Нами восстановлены имплицитные (а) Основания мотивации для Шагов, состоящих из: Довода 8 и Тезиса 7; Довода 6 и Тезиса 2; Довода 3 и Тезиса 2; Довода 2 и Тезиса 1; (б) Основания каузации для Довода 5 и Тезиса 4, Доводов 4, 7 и Тезиса 6.

Анализ языкового материала показал, что в публичном выступлении политика конвинсивное речевое воздействие на аудиторию осуществляется с помощью аргументативных тактик, которые в свою очередь реализуются посредством применения разноуровневых структур выдвижения Доводов (от 2-х уровневой до 4-х уровневой) и характеризуются различной семантической наполняемостью Доводов.

Проведенный анализ показал, что наиболее представленными в данной публичной речи американского президента являются аргументативные тактики 2-уровневого выдвижения Доводов, частотность которых заметно выше трех- и четырехуровневых. Возможно, это объясняется устным характером аргументации, где сложность аргумента должна ориентироваться на возможность его восприятия аудиторией, т.е. иметь небольшое количество уровней гнездования.

Исследование данного языкового материала позволяет говорить о том, что в президентских речах присутствует конвинсивный тип убеждения как один из аспектов речевого воздействия.

Список литературы

1. Касьянова, Ю. И. Структурно-семантический анализ аргументации в монологическом тексте: дис... канд. филол. наук. Ижевск: Удмуртск. гос. ун-т, 2008. 158 с.
2. Мишук, О. Н. Речевоздействующая функция и риторические параметры исследования дискурса // Известия Тульского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки». Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. № 3. С. 552–561.

References

1. Kas'janova, Ju. I. Strukturno-semanticheskij analiz argumentacii v monologicheskom tekste: dis... kand. filol. nauk. Izhevsk: Udmurtsk. gos. un-t, 2008. 158 s.
2. Mishhuk, O. N. Rechevozhdejstvujushhaja funkcija i ritoricheskie parametry issledovanija diskursa // Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki». Tula: Izd-vo TulGU, 2012. № 3. S. 552–561.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

ПОРЯДОК СЛОВ И СИСТЕМА ЧЛЕНОВ РУССКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

И. И. Акимова

В статье рассматриваются способы кодирования логических отношений «бытийность», «наименование», «тождество», «характеризация» в предложениях-высказываниях русского языка в зеркале китайского языка. Обосновывается необходимость опоры на типовую ситуацию и денотативную структуру предложения-высказывания как на понятийные универсалии, проявляющие себя на уровне структур и категорий родного языка учащегося.

Ключевые слова: логические типы предложений, биноминативная синтаксическая модель, тип референции, методика преподавания русского языка как иностранного, синтаксис русского языка.

Языковая «ткань» пронизана логическими формами, и человек мыслящий с полным правом может считаться человеком структурирующим. Вместе с тем на формально-синтаксическом уровне типологические различия создают некоторые расхождения формальных структур, учет которых необходим в практике преподавания русского языка как иностранного в китайской аудитории. Особый интерес представляют предложения-высказывания (ПВ) биноминативной модели предложения (МПр) в силу их широты охвата типовых ситуаций (ТС) [13; 3; 4] разного логического типа и разнообразия типовых значений [2, 4].

Причины трудностей и ошибок учащихся, как правило, связаны с влиянием родного языка. Рассмотрение языковых фактов в зеркале китайского языка позволило увидеть следующие явления.

1. Предложения-высказывания (ПВ) бытийного типа. Русским ПВ бытийного типа с нулевой формой глагола в КЯ соответствуют глагольные МПр: 蘑菇和苹果在森林里。Mógu hé píngguǒ zài

sēnlín lì. Букв.: Грибы и ягоды есть в лесу. 书在桌子上。 Книга – на столе. Shū zài zhuōzi shàng. Букв.: Книга + zài (= глагол «находится») стол. В ПВ тождества в КЯ обязательно содержится глагольсвязка 是shì, в то время как в МПр РЯ связочный глагол не входит: Её сестра – Татьяна. 她的姐姐是达季亚娜。 Tā de jiejie shì dá jì yàna. Букв.: Её сестра **есть** Татьяна. Этот цветок – роза. 这花是玫瑰花。 Zhè huā shì méiguī huā. Букв.: Этот цветок **есть** роза. Наука о веществах – химия. 关于物质的科学是化学。 Guānyú wùzhì de kēxué shì huàxué. Букв.: О веществах наука **есть** химия. Связочный глагол 是shì в КЯ содержится также в номинативных предложениях (Это Олег. 这是奥列格。 Zhè shì Aoliègē) и биноминативных МПр характеризационного типа (Олег – (это) сосед Маши. 奥列格是玛莎的邻居。 Aoliègē shì mǎ shā de línjū. Олег **есть** Маша сосед).

2. Порядок слов. ПС задает коммуникативную перспективу ПВ [3; 6; 11; 13]. Русский ПС освобожден от грамматических функций, так как синтаксические связи выражаются морфологическим путем (флексиями и предложно-падежными формами, механизмом грамматического и лексико-грамматического управления).

ПС в РЯ является функционально-обусловленным и зависит от темо-рематической организации текста как целого – от темы текста и микротема в его составе [11]. Ср.: Онегин – сосед Лариных (не Ленских). Сосед Лариных – Онегин (не Оболдуев). Онегин Лариным – сосед (И не более того. А вы что подумали?). Лариным Онегин – сосед. ПВ с каждым вариантом ПС получает собственную актуализационную парадигму [6].

Актуализационные механизмы в РЯ позволяют без изменения ПС и МПр выделить практически любой коммуникативно-значимый компонент высказывания, независимо от его членопредложенческой позиции (ср. ЛИС: Маша читает книгу – Маша // *читает книгу* – Маша // читает книгу – Маша читает // книгу). Логическое (фразовое) ударение актуализирует практически любой самостоятельный компонент ПВ [4; 13]. Коммуникативным реализациям предложений тождества, отвечающим на разные латентные вопросы, можно поставить в соответствие ПВ с эмфатическим ПС. Например: ПВ Онегин – сосед Лариных дает следующие коммуникативные варианты: с именем лица в коммуникативном фокусе темы: Онегин – сосед Лариных (= Это Онегин и никто иной...);

с именем лица в коммуникативном фокусе ремы Онегин – сосед Лариных (а не Ленских); именем отношения в коммуникативном фокусе ремы: Онегин – сосед Лариных (а не сын и не друг). В КЯ на границу между темой и ремой указывает связочный глагол [7; 8].

Место слова в ПВ не зависит от его членопредложенческого статуса (и коммуникативного ранга). В РЯ в позиции начала предложения (в теме) может стоять не только подлежащее (актант, выраженный формой Именительного падежа), но и практически любой член предложения (кроме несогласованного определения: нельзя сказать *Лариных (ИК-2) сосед – Онегин, надо Лариным сосед...). Возможности варьирования ПС в КЯ и в РЯ, связаны с выражением универсальной речевой категории – актуального членения (АЧ) на тему и рему [2; 3; 5; 6; 11; 13]. Темо-рематическое членение наводит фокусы актуализации в теме и реме в зависимости от того, на какой скрытый (латентный) вопрос отвечает говорящий. В фокусе темы и ремы ПВ РЯ может быть любой член предложения. Так, при ответе на вопрос: «А что с книгой, которую я тебе дал?» – Я читаю книгу» можно повысить ранг слова, называющей объект, сделав его компонентом темы, т. е. переместив его ближе к началу предложения без изменения падежной формы, ср.: Книгу я читаю. Следующий шаг – отказ (за коммуникативной ненадобностью) от подлежащего: Книгу – читаю. При топикализации и наведении фокусов актуализации становится возможной экспрессивная коммуникативная реализация ПВ с именем «Ларины» в парентезе: Онегин Лариным – сосед [7]. Трансформации подобного рода для КЯ не свойственны, и их механизм учащимся необходимо показать.

Так как в КЯ порядок слов грамматикализован, он значительно менее подвижен, чем в русском языке. Компоненты ПВ занимают строго определенные синтаксической конструкцией членопредложенческие позиции: субъект – это первая позиция (перед глаголом), объект – позиция после глагола либо маркированная специальным актуализационно-аспектным показателем 把 ba позиция после субъекта перед глаголом: Он книгу написал, не рассказ – 他把本书写了, 而不是一个故事 tā ba běn shū xiěle, ér bùshì yīgè gùshì. Актуализованное (аспектуальным) формантом 把 ba имя объекта «книга» при акциональном глаголе завершеного действия одновременно является референтно-определенным.

Синтаксическая позиция члена предложения выполняет грамматическую функцию, в некоторых случаях указывая на частеречное значение слова [7; 8].

В КЯ, как и в РЯ, возможно акцентное выделение без изменения ПС, при помощи более сильного тонического ударения на выделяемом компоненте. Респонденты-носители китайского языка отмечают, что в КЯ действует принцип «говори как хочешь» – «随便说» Suíbiàn shuō. Имеется в виду, что актуализация в КЯ и связана с изменением не только ЛИС, но и формальной структуры ПВ. КЯ предоставляет говорящему определенную свободу в выборе топика и комментария. В КЯ позиция топика маркирована: в топик попадает имя локатива, обстоятельства времени и подлежащее (прямой синтаксический падеж). Ср.: 这本书是写得很好. Zhè běn shū shì xiě de hěn hǎo. – Эта книга есть написанная хорошо. Ср.: 他写了一本好书. Tā xiěle yī běn hǎo shū. – Он написал хорошую книгу.

Позиции топика в КЯ – это коммуникативно-сильная позиция грамматического субъекта синтаксического подлежащего или логического субъекта-сирконстанта. В КЯ естественны ПВ с ПС, соответствующим эмфатическому ПС в РЯ. 这是彼得买了一辆车。Zhè shì Bǐde mǎile yī liàng chē. Это есть Петр, кто купил машину. = Машину купил Петр, не Иван. Ср.: То, что купил Петр, есть не что иное как машина.这是一台机器, 彼得买。Zhè shì yī tái jīqì, Bǐde mǎi. – Машину Петр купил (не дом). Петр машину купил (не дом). Петр купил машину (не дом). На самом деле Петр купил машину.事实上, 彼得买了, 有一台机器。– Букв.: В действительности Петр купил иметь одна какая-то машина [9; 12].

В основе логических типов ПВ лежат разные ТС: Бытийность (有狼在树林里。Yǒu láng zài shùlín lǐ – Есть волки в лесу) или Характеризация (在树林里有。狼zài shùlín lǐ yǒu láng. – в лесу есть волки).

3. Система синтаксических ролей. Система синтаксических ролей (членопредложенческих) позиций в РЯ, обслуживая категорию обтативности, позволяет говорящему менять ракурс подачи внеязыковой (денотативной) ситуации, так или иначе интерпретируя инвариантное содержание предложения-высказывания. Необходимость повышения члено-предложенческого (и коммуникативного) ранга компонента ПВ влечет за собой явление син-

таксических трансформаций, выражающих интерпретационный уровень ПВ. Интерпретация на уровне формально-синтаксической модели связана с заданием «отправной точки» сообщения – его темы. Например: Онегин и Ларины – соседи. Ларин – сосед Онегина. Онегин – сосед Лариных. Соседи – Ларины и Онегин. Маша – сестра мамы / мамина сестра. Каждое предложение получает собственную актуализационную парадигму. Ларин – сосед Онегина. Ларин – сосед Онегина. Ларин – сосед Онегина.

4. Формальное сходство на уровне моделей предложения. Необходимость сопоставительного рассмотрения биноминативных коммуникативных вариантов продиктована их формально-синтаксическим сходством, которое создается коммуникативно-обусловленной постановкой пунктуационного знака «тире» между преддицирующей и преддицируемой частями суждения. Имеющиеся в компонентном составе биноминативной МП_р различия касаются обязательности или факультативности, а также возможности или невозможности употребления глагола «есть» (в его бытийном или связочном значении) и указательного местоимения «это». В ПВ классификации (Роза – (это) цветок) и тождества (Маша – (это) моя сестра, Москва – (это) столица России, Химия – (это) наука о веществах) факультативно указательное местоимение «это», которое в КЯ в данной модели не употребляется. В РЯ и КЯ в ПВ номинации (Это моя школа, Это мой друг) указательное местоимение – обязательный компонент не номинативного предложения (ср.: Посмотрите. Моя школа).

В связи с изменением коммуникативной перспективы ПВ в РЯ регулярны безглагольные трансформы. В КЯ невозможны биноминативные ПВ, возникающие в результате синтаксических трансформаций предложений глагольного типа: Верди – это «Аида». (= автор, написал) 魏尔季是«冥王»的作者。Wèi'ěrqì shì "míngwáng" de zuòzhě. – букв.: Верди **есть** «Аида» автор. Байрон – современник Пушкина – современник. 白龙和普希金是同时代的人。Báilóng hé pǔxījīn shì tóngshí dài de rén. Байрон и Пушкин **есть** современник. Для КЯ не нормативны безглагольные реализации глагольных схем, регулярные в РЯ.

5. Коммуникативные реализации. Коммуникативные реализации ПВ с преддицированием между второстепенными членами предложения в КЯ отсутствуют. В КЯ не может быть безглаголь-

ных коммуникативных реализаций ПВ, при которых отношения предикации связывают не подлежащее и сказуемое (грамматический субъект и предикат), а другие, неглавные члены предложения: Награду – герою (=вручить). 奖章是授予英雄的。Jiǎngzhāng shì shòuyǔ yīngxióng de. Букв.: Награда **есть** вручить герой. Читает – с выражением. 读得带有感情。Dú de dài yǒu gǎnqíng. Букв.: Чтение + признак иметься выражение. Поездом – безопасно. 旅行是没有危险的。Lǚxíng shì méiyǒu wéixiǎn de. Букв.: Путешествие поезд **есть** не иметь опасность. Глагол 是 **shi** в последнем примере **выполняет грамматическую функцию средства топикализации**. По этой причине китайским учащимся, как правило, трудно понимать подобные коммуникативные реализации русских ПВ, так как остаются неясны логические отношения между топиком и комментарием [7]. Более того, трудности связаны с отсутствием формальных указаний на топик и комментарий, в КЯ роль такого «маркера» выполняет связочный глагол 是 *shi*. Лингвистический барьер китайского учащегося вызван несоответствием между его синтаксическими стереотипами и неизоморфизмом конструкций русского языка.

6. Существенные трудности обучения вызваны явлением синтаксической синонимии, связанные с употреблением глаголов-реляторов и экспликаторов. Использование ПСО в речи учащихся часто оказывается некорректным ввиду нарушения условия дистрибуции. Их семантическая презумпция не всегда ясна из перевода в силу межязыковой лакунарности и не раскрыта в учебниках и грамматиках русского языка для иностранных учащихся.

7. В силу действия интерферирующих факторов родного языка определенные трудности представляет различение бытийного и характеризующего типа ситуаций с субъектом-посессором (У Маши высокий рост, У Пети плохой характер, У меня есть проблемы, У тебя до сих пор нет машины). Дело в том, что посессивность в РЯ китайские учащиеся склонны выражать как в родном языке при помощи глагола «иметь», ср.: Я имею высокий рост, способности к языкам, темные волосы, карие глаза. Синтаксически ошибочные конструкции *‘Я есть высокий рост, деньги и т.д.’ вызываются тем, что в родном языке учащихся отсутствуют модели, аналогичные конструкциям с «у»-локализатором «У кого есть что» в РЯ. Практика показывает, что ПВ такого типа требуют методического осмысления.

8. Слова-показатели смысловых отношений позволяют выражать логические отношения разного типа, что является отличительной чертой научного стиля речи. В первую очередь это отношения характеристики: 1) классификация, важная при «подведении под понятие», и 2) соотношения «части и целого». Выбор того или иного связочного средства в ряде случаев бывает продиктован стилистическими характеристиками текста. Так, для книжной речи, характерно широкое использование глаголов-показателей смысловых отношений. Работа состоит из двух частей. Химия относится к естественным наукам [1]. Отношения характеристики «часть – целое» выражаются благодаря широкому ряду связочных глаголов и глагольных словосочетаний с реляторами и экспликаторами [3], позволяющих говорящему устанавливать направление синтаксических субъектно-объектных связей, диктуемое фактором текстовой связности.

Таким образом, интерферирующим фактором обучения является, помимо прочих, и коммуникативный уровень ПВ, на котором получают объяснение многие явления формальной структуры ПВ. Думается, что необходимо методическое осмысление коммуникативной организации ПВ и выработка системы заданий, направленной на обучение актуализационным и трансформационным механизмам русского языка.

Список литературы

1. Алеева, А. Я. Русский язык (научный стиль речи) : учеб. пособие. Ч. 1. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2003. 72 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М. : Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
3. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка : учебник. М. : Изд-во МГУ, 2000. 502 с.

References

1. Aleeva, A. Ja. Russkij jazyk (nauchnyj stil' rechi) : ucheb. posobie. Ch. 1. Tambov : Izd-vo Tamb. gos. tehn. un-ta, 2003. 72 s.
2. Arutjunova, N. D. Predlozhenie i ego smysl (logiko-semanticheskie problemy). M. : Editorial URSS, 2003. 384 s.
3. Vsevolodova, M. V. Teorija funkcional'no-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment prikladnoj (pedagogičeskoj) modeli jazyka : uchebnik. M. : Izd-vo MGU, 2000. 502 s.

4. Всеволодова, М. В. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских простых предложений со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка) / М. В. Всеволодова, Го Шуфень. М. : АЦФИ, 1999. 169 с.
5. Ковтунова, И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение. М., 1976.
6. Крылова, О. А. Современный русский язык: теоретический курс. Ч. IV. Синтаксис. Пунктуация / О.А. Крылов, Л. Ю. Максимов, Е. Н. Ширяев. М. : Изд-во РУДН, 1997. 256 с.
7. Курдюмов, В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. 2-е изд., стер. М. : Цитадель-трейд: Вече, 2006. 576 с.
8. Омельченко, О. А. Изучаем грамматику китайского языка. М. : Восточ. кн., 2007. 320 с.
9. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). 3-е изд., стер. М. : Едиториал УРСС, 2002. 288 с.
10. Панов, М. В. Позиционная морфология русского языка. М. : Наука, 1999. 275 с.
11. Слюсарева, Н. А. Категориальная основа темо-рематической организации предложения
4. Vsevolodova, M. V. Klassy modelej russkogo prostogo predlozhenija i ih tipovyh znachenij. Modeli russkih prostyh predlozhenij so statal'nymi predikatami i ih rechevye realizacii (v zerkale kitajskogo jazyka) / M. V. Vsevolodova, Go Shufen'. M. : ACFI, 1999. 169 s.
5. Kovtunova, I. I. Sovremennyj russkij jazyk. Porjadok slov i aktual'noe chlenenie. M., 1976.
6. Krylova, O. A. Sovremennyj russkij jazyk: teoreticheskij kurs. Ch. IV. Sintaksis. Puntuacija / O.A. Krylov, L. Ju. Maksimov, E. N. Shirjaev. M. : Izd-vo RUDN, 1997. 256 s.
7. Kurdjumov, V. A. Kurs kitajskogo jazyka. Teoreticheskaja grammatika. 2-e izd., ster. M. : Citadel'-trejd: Veche, 2006. 576 s.
8. Omel'chenko, O. A. Izuchaem grammatiku kitajskogo jazyka. M. : Vostoch. kn., 2007. 320 s.
9. Paducheva, E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju (referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij). 3-e izd., ster. M. : Editorial URSS, 2002. 288 s.
10. Panov, M. V. Pozicionnaja morfologija russkogo jazyka. M. : Nauka, 1999. 275 s.
11. Sljusareva, N. A. Kategorial'naja osnova temo-rematicheskoj organizacii

- ния // Вопросы языкознания. 1986. № 4.
12. Шмелев, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Яз. славян. культ., 2002. 496 с.
13. Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис : текст лекций. М. : Наука, 1981. 269 с.
14. Янко, Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М. : Языки славянской культуры, 2001. 384 с.
- predlozenija // Voprosy jazykoznanija. 1986. № 4.
12. Shmelev, A. D. Russkij jazyk i vnezjazykovaja dejstvitel'nost'. M. : Jaz. slavjan. kul't., 2002. 496 s.
13. Shmeleva, T. V. Semanticheskij sintaksis : tekst lekcij. M. : Nauka, 1981. 269 s.
14. Janko, T. E. Kommunikativnye strategii russkoj rechi. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. 384 s.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИЗУЧЕНИИ ПЕРЕОЦЕНКИ

Е. В. Власова

В статье рассматривается лингвистический подход к изучению переоценки в речи современных англичан, а также выявляются основные способы её выражения в британской культуре.

Ключевые слова: переоценка, интенсификаторы, квантификаторы.

Переоценка (Overstatement) – это языковая категория, которая нарочито завышает оценочную реакцию на ситуацию, людей и предметы с определённой целью, она отражает культурные и национальные особенности британского характера [5. С. 14].

Лингвистический подход к изучению переоценки рассматривается на примере **стилистических приёмов**, включающих метафорическое употребление глаголов, прилагательных и наречий.

Переоценка всегда связана с переносом значения, в частности с гиперболой или гиперболической метафорой [4. С. 73]. В случае переоценки необходимо тщательно соотносить каждый пример с метафорой, так как не всякая метафора создаёт эффект преувеличения, утрирования [4. С. 73]. Приведём один из примеров метафорического восприятия правды героем романа, которое даёт возможность наиболее остро прочувствовать все его переживания и решимость расстаться с жизнью:

“Let me be patient! Let me not take away all grandeur from my despair, and reduce it to mere common madness! – Let me wait the fated moment, and then – let *the truth burst, blaze, and flame, till it devour me!*” [4. С. 73].

Кроме того, переоценка часто служит и для передачи противоположного, энантиосемического значения слова – *иронии* [4. С. 73].

Одним из способов выражения переоценки являются **лексические средства**: наречия – усилители (интенсификаторы) и квантификаторы в сочетании с прилагательными.

Интенсификаторами могут быть слова разных частей речи, но

большинство из них представлено наречиями, интенсифицирующими оценочные прилагательные, и прилагательными, интенсифицирующими оценочные существительные.

Наречия, интенсифицирующие оценочные прилагательные, неоднородны по своей семантике. Н. П. Сучкова выделяет группы, объединённые определённой смысловой общностью.

К *первой группе* наречий-интенсификаторов относятся слова, которые своей семантикой прямо указывают на повышенную степень признака. Наиболее употребительными интенсификаторами этой группы являются наречия:

absolutely - совершенно, безупречно, абсолютно;

very – очень, весьма, чрезвычайно.

Они указывают на разную степень интенсивности оценки. *Absolutely* обозначает высшую степень интенсивности признака, обозначенного оценочным прилагательным; *very* указывает на значительное повышение уровня интенсивности выражаемого признака.

Нерегулярно используются с целью интенсификации следующие слова:

exceedingly – чрезвычайно, очень, крайне;

jolly – очень, весьма, чрезвычайно;

real – очень, крайне, чрезвычайно;

right – совершенно, полностью.

Вторую группу интенсификаторов, по мнению Н. П. Сучковой, составляют наречия: *awfully* и *perfectly*. В словаре лишь наречие *awfully* сопровождается пометой “эмоционально-усилительное”.

С. С. Беркнер отмечает особенность развития эмоционально-оценочных слов, заключающуюся в постепенном ослаблении их первоначального значения и эмоциональной окраски [2. С. 173–174]. Если первоначально эффект соединения двух оценочных слов одной и той же оценки был интенсифицирующим, как, например, в сочетаниях: **awfully bad**, **perfectly wonderful**, то обратный эффект оксюморонного сочетания слов с отрицательной и положительной оценкой явно был образным, неожиданным, поражающим. С течением времени эффект неожиданности потерял новизну, стал шаблонным, привычным, образность подобных сочетаний стёрлась. В настоящее время подобное употребление слов с разным оценочным знаком воспринимается как интенсификация оценки, содержащейся во втором слове. Выражения: *awfully nice*,

perfectly dreadful уже не воспринимаются как поражающие несовместимостью понятия. Кроме того, они нередко воспринимаются как старомодные и как социально маркированные.

Квантификаторы составляют *третью группу* интенсификаторов оценочных прилагательных, указывающих на повышенную степень интенсивности оценки. В составе оценочной реакции на ситуацию употребляются следующие слова:

all – совсем, совершенно; всецело, целиком, полностью;

most – очень, весьма, в высшей степени, чрезвычайно.

В словаре пометой «усилительное» сопровождается слово *most*, которое является более характерным показателем высшей степени интенсивности в оценочных прилагательных, чем интенсификатор *all*. **Most употребляется с прилагательными, которые по происхождению являются причастиями** такими, как *annoying, distressing, interesting*, но это наречие может сочетаться также и с некоторыми другими прилагательными, например, с *satisfactory*.

Квантификатор *all* употребляется с **общеоценочными прилагательными** положительной и отрицательной оценки.

К четвёртой группе интенсификаторов оценочных прилагательных относятся следующие слова:

so – указывает на степень качества или на большое количество;

too – очень, крайне.

Пометой “усилительное” сопровождается слово *too*. При помощи данного слова оценка, как, впрочем, и любой другой признак, интенсифицируется настолько сильно, что становится нереальной, указывает на недоверие говорящего. Если же данный интенсификатор сочетается со словом положительной оценки, оценка может менять знак на противоположный. Как отмечает Ш. Балли, «преувеличенное достоинство воспринимается как недостаток...» [1. С. 210]. Примером может служить следующая реплика: *It's too good*. В то же время *too* может быть обычным интенсификатором, как, например, в стереотипной реакции: *Too bad*.

So как средство интенсификации встречается сравнительно редко, оно зарегистрировано в сочетаниях с прилагательными: *nice, good and horrible*.

Все четыре описанные выше группы интенсификаторов оценки связаны с разными степенями повышения интенсивности оценки или с её значительным усилением.

К пятой группе интенсификаторов оценки в реакции на ситуацию относятся наречия, которые интенсифицируют оценку незначительно. Такими интенсификаторами являются:

enough – довольно, до некоторой степени;

quite – пожалуй; довольно, до некоторой степени, более или менее;

rather – до некоторой степени, довольно, отчасти, несколько.

К этой же группе, на наш взгляд, можно отнести и наречия:

fairly – довольно, в известной степени;

hardly – едва, насилиу, еле.

Данные наречия-интенсификаторы встречаются в оценочной реакции на ситуацию не столь часто. *Enough* обычно употребляется в постпозиции к интенсифицирующему прилагательному и встречается в сочетаниях: *good enough, fair enough, true enough*.

Интенсификатор *quite* зарегистрирован в сочетаниях со следующими прилагательными: *good, amazing, extraordinary, horrible, perfect*.

Наречие *rather* зарегистрировано в сочетаниях со следующими прилагательными: *bad, stupidly, ugly, interesting, sad, alike, like, similar, different, и, со значением “very” с прилагательными amusing, clever, good, pretty, well*.

Интенсификатор *fairly* употребляется с прилагательными: *fast, slow, thin, thick, hot, cold, light, heavy* и т.д.

К шестой группе можно отнести наречие:

always – всегда, постоянно, при всех обстоятельствах.

Необходимо отметить, что сочетание некоторых наречий с прилагательными на современном этапе развития английского языка воспринимаются как разговорные клише. Как указывает Н. Б. Гвишиани (1978), большое место в речи англичан занимают сочетания на *-ly + прилагательное*, получившие название усилителей, так как на семантическом уровне эти единицы реализуются в большей степени автоматически и оказываются лишёнными собственно лексического содержания, что “позволяет квалифицировать их как элементы “фатической функции” речи. Усилители способствуют привлечению внимания слушающего к той части высказывания, которая должна быть выделена согласно намерению говорящего и потребностям контекста ситуации. К этой группе относятся сочетания: *awfully pretty, terribly tiresome, frightfully busy, beastly unfair, strikingly handsome, extremely careful, perfectly happy, etc*.

Отдельную группу интенсификаторов составляют слова, явля-

ющиеся по происхождению эмоционально-оценочными наречиями. Данные наречия в сочетании с прилагательными передают завышенную оценку в реакции в ситуации: *extremely, excessively, completely, truly, etc.* [4. С. 74]. Следовательно, такие наречия можно отнести к *седьмой группе*.

Список литературы

1. Балли, Ш. Французская стилистика. М. : Иностранная литература, 1961. 394 с.
2. Беркнер, С. С. Развитие языка английской драмы и его место в функционально-стилистической системе национального языка (XVI–XX века): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988.
3. Гвишиани, Н. Б. Слово на – ly как предмет грамматики и фразеологии / Н. Б. Гвишиани // Современные проблемы английской филологии: сб. науч. тр. № 570. Ташкент 1978.
4. Ивушкина, Т. А. Язык английской аристократии: социально-исторический аспект: монография. Волгоград : Перемена, 1997. 157 с.
5. Ивушкина, Т. А. Недооценка и переоценка в речи современного англичанина: социолингвистический аспект: монография / Т. А. Ивушкина, Е.В. Власова. Волгоград : Перемена, 2005. 149 с.
6. Сучкова, Н. П. Стереотипные оценочные реплики-реакции в английской разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1988.

References

1. Balli, Sh. Francuzskaja stilistika. M. : Inostrannaja lit-ra, 1961. 394 s.
2. Berkner, S. S. Razvitie jazyka anglijskoj dramy i ego mesto v funkcional'no-stilisticheskoj sisteme nacional'nogo jazyka (XVI–XX veka): dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1988.
3. Gvishiani, N. B. Slovo na – ly kak predmet grammatiki i frazeologii / N. B. Gvishiani // Sovremennye problemy anglijskoj filologii: sb. nauch. tr. № 570. Tashkent 1978.
4. Ivushkina, T. A. Jazyk anglijskoj aristokratii: social'no-istoricheskij aspekt: monografija. Volgograd : Peremena, 1997. 157 s.
5. Ivushkina, T. A. Nedoocenka i pereocenka v rechi sovremennogo anglichanina: sociolingvisticheskij aspekt: monografija / T. A. Ivushkina, E.V. Vlasova. Volgograd : Peremena, 2005. 149 s.
6. Suchkova, N. P. Stereotipnye ocenochnye repliki-reakcii v anglijskoj razgovornoj rechi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Gor'kij, 1988.

АМЕРИКАНИЗМЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ США

Т. В. Дьякова

Статья выполнена в рамках лингвокультурологического подхода. В ней освещен вопрос существования американизмов в системе образования США и их существенного отличия от британских аналогов.

Ключевые слова: американизмы, британизмы, система образования.

Как известно, английский язык в Америке оторвался от британской почвы и, особенно после завоевания США независимости в 1776 г., развиваясь самостоятельно, приобрел некоторые специфические особенности, известные под названием американизмов.

Позволим себе частично согласиться с А. Д. Швейцер, что американизмы – лексические, фонетические и грамматические особенности английского языка в США, представляющие собой сравнительно немногочисленные отклонения от британской литературной нормы [1. С. 16]. Принято считать, что к ним относятся слова, возникшие в Соединённых Штатах Америки и не получившие распространения в Англии: названия растений и животных североамериканского континента, различных явлений, связанных с государственным и политическим строем США, с бытом американцев. Но с ходом истории появляется все большее число американизмов в совершенно различных областях жизни. Это связано с большой удаленностью Америки Европы, самодостаточным образом жизни американцев и уникальностью страны в разнообразных сферах, как политических, так и бытовых.

Американизмы встречаются в области фонетики, орфографии, грамматики и лексики, причем именно в лексике они проявляются наиболее заметно.

Американизмы, лексические, фонетические и грамматические особенности английского языка в США, представляющие собой богатейший класс слов на современном этапе развития амери-

канского варианта английского языка. К американизмам относятся слова, возникшие в США и не получившие распространения в Англии: названия растений и животных североамериканского континента (*moose* – североамериканский лось), различных явлений, связанных с государственным и политическим строем США (*dixiecrat* – демократ из южного штата), с бытом американцев (*drugstore* – аптека-закусочная). Другую группу составляют слова, которыми пользуются как в Англии, так и в США и в которых специфически американским является лишь одно из присущих им значений (*market* – продовольственный магазин, *career* – профессиональный). Слово *faculty* в Англии употребляется в значении факультет, а в Америке профессорско-преподавательский состав. Факультет по-американски звучит как *school*. Существительное *pavement* для англичанина означает тротуар, а для американца мостовая. Для обозначения тротуара в Америке есть свое слово *sidewalk*. К разряду Американизмы относятся также слова, которые в Англии превратились в архаизмы или диалектизмы, но по-прежнему широко распространены в США: *guess* по-американски понимать, а не догадываться, *homely* – некрасивый, неприятный, *fall* – осень, *apartment* – квартира, *tardy* – запоздалый и др. Глагол *ride* – в значении ехать верхом чаще встречается в Америке, чем в Англии. Например, *ride a bus*, *ride a boat*.

В данной статье речь пойдет об американизмах, существующих в системе образования Америки.

1. Названия и типы дошкольных и школьных учебных заведений.

В Америке существуют *day-care centers*. Это детские учреждения, осуществляющие присмотр за дошкольниками, а также школьниками во время каникул. Особенностью подобных учреждений является то, что родители должны оказывать помощь в уходе за детьми один или два раза в неделю. В Англии подобных заведений нет.

Kindergarten – это первая ступень начальной школы в Америке. Дети в возрасте 4–5 лет посещают такие учреждения. А вот в Великобритании *kindergarten* только для детей четырех лет.

Elementary school, так называемая начальная школа для американцев включает первые 5 или 6 классов обучения для детей в возрасте от 6 до 12–13 лет.

Что касается *junior high school*, то данный термин является полным американизмом. Это младшая ступень средней школы, промежуточная между начальной (*elementary school*) и старшей (*high school*) школой. Данная ступень включает 7, 8, 9 классы, а также может называться *intermediate school* или *middle school*.

High school высшая ступень средней школы (с 9 или 10 по 12 класс). Обычно располагается отдельно от средней степени. По окончании средней школы выдается документ о двенадцатилетнем школьном образовании (*high school diploma*).

2. Преподавательский состав высших учебных заведений.

Instructor преподаватель вуза, ведущий только практические занятия. Это самая низкая преподавательская должность.

Assistant professor – преподавательская должность выше, чем *instructor*, но ниже, чем *associate professor* (старший преподаватель). В британском английском это будет звучать, как *lecturer* или *senior lecturer*.

Associate professor – преподавательская должность между *assistant professor* и *full professor* (доцент). Британский аналог данного термина – *reader*.

Full professor или действительный профессор – это высшая выборная академическая должность в американских колледжах и университетах. Только приблизительно данная должность соответствует должности профессора в России. Ведь для получения этой должности в Америке не защищать вторую диссертацию. Главное, иметь хорошую репутацию в ученом мире, достаточное количество публикаций.

3. Оценка знаний.

Grade Point Average – средний балл. Это показатель успеваемости студента. Итоговый средний балл (*cumulative GPA*) подсчитывается так: оценки по каждому предмету в числовом выражении умножаются на количество зачетных часов по данному курсу, затем все эти баллы суммируются и делятся на общее количество зачетных часов по всем предметам. Дипломы с отличием получают выпускники с итоговым средним баллом 3.25 – 4.00.

В американской школе числовая и буквенная шкала оценивания, где

A или *A +* является высшим баллом, а *F* – низшим. Используют также обозначения *P* (зачет), *S* (удовлетворительно), и *N* (незачет).

Существует также оценка *Inc. (incomplete)* – «незавершенно». Она временно выставляется студенту за курс, не окончанный им в течение семестра по уважительной причине. Если студент не успевает выполнить всю необходимую работу в дополнительный срок, то оценка «незавершенно» переходит в «неудовлетворительно», то есть *F*.

Надо сказать, что оценки в Америке никогда не оглашаются на весь класс, а сообщаются студентам строго конфиденциально. Оценки считаются личным делом каждого учащегося.

Список литературы

1. Швейцер, А. Д. Английский язык в Америке. М., 1965.
2. Англо-русский лингвострановедческий словарь АМЕРИКАНА, AMERICANA English-Russian Encyclopedic Dictionary. Смоленск: Изд-во «Полиграмма», 1996.

References

1. Shvejcer, A. D. Anglijskij jazyk v Amerike. M., 1965.
2. Anglo-russkij lingvostranovedcheskij slovar' AMERIKANA, AMERICANA English-Russian Encyclopedic Dictionary. Smolensk: Izd-vo «Poligramma», 1996.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Л. Г. Мудрова

Статья рассматривает проблемы быстрого и качественного обучения студентов всех уровней иностранному языку. Затрагивает вопросы актуальности этой проблемы не только в нашей стране, но и за рубежом. Что связано с развитием интеграционных процессов в сфере культуры и делового общения. Показывает разные точки зрения на эту проблему и способы их решения.

Ключевые слова: иностранный язык, деловое общение, обыденное сознание.

При рассмотрении проблемы качественного и быстрого обучения иностранному языку студентов всех уровней необходимо отметить, что с усилением интеграционных процессов в сферах культуры, делового общения и бизнеса, данная проблема приобретает всё нарастающую актуальность не только в нашей стране, но и за рубежом.

Можно отметить, что существуют разные точки зрения на эту проблему. Имеется множество позиций по этому вопросу, но среди них прослеживаются две тенденции, которые имеют одну общую предпосылку. В наше время можно сказать, что студент является не только объектом какого-то воздействия, но субъектом обучения, личностью. Но, как известно, человек является сложным существом, состоящим из разных элементов. Поэтому в человеке можно выделить что-то одно и в то же время не замечать другое, не менее важное. В результате возникают односторонние концепции, которые искажают существо дела. С одной стороны, когда на первое место в процессе обучения выдвигаются творческие компоненты личности, тогда предлагают сделать из обучения игру. Это могут быть компьютерные игры, деловые игры или видеоигры. С другой стороны, когда преподаватель акцентирует

своё внимание на рационально-волевой стороне личности, тогда пытаются максимально формализовать обучение. Однако, как в своё время предупреждал Д. Н. Уснадзе: «Школа – это не площадка для игр, но она и не фабрика, где силам человека поручено изготовление определенных продуктов и где, следовательно, выбирают для работы только тех, у кого уже развиты необходимые для этого силы» [1. С. 364].

Можно сказать, что в ситуации, когда существуют разные точки зрения на этот вопрос, обучение иностранному языку, во всяком случае на начальном этапе, сводится к преобразованию и управлению обыденной мыслительной деятельностью студента. Под этим надо понимать всю совокупность знаний и мыслительных навыков, приобретенных человеком в обычной повседневной жизни. Главная особенность обыденного сознания состоит в том, что оно связано с практическим интересом [2. С. 8]. Все попытки различных лингвистических школ оторвать язык от реальности терпели неудачу [3. С. 15]. Отсюда и вытекает программа оптимизации обучения иностранному языку в неязыковом вузе, которая сводится к использованию повседневного опыта личности, сочетающего в себе результаты свободного творческого отношения к жизни и тяжелой работе над собой.

Отсюда вытекает и другая особенность такая, как эмоциональное или психологическое отношение к жизни, также речь идет о алгоритмичности обыденного сознания, решающего ту или иную жизненную ситуационную проблему.

Из особенностей обыденного сознания вытекает необходимость создания потребности в изучении иностранного языка. Обучение необходимо свести к ясным и понятным задачам. Для этого нужно заинтересовать студентов, показав широкое применение иностранного языка, как в профессиональной деятельности, так и в сфере общения. Так, «обучаемые должны быть готовы использовать язык для реальной коммуникации вне занятий, например, во время посещения страны изучаемого языка, во время приёма иностранных гостей дома, при переписке, или обмене результатами заданий» [4. С. 2]. Иначе говоря, они должны четко осознавать круг возможностей, открывающихся перед ними в процессе овладения языком, как так жизнедеятельность человека есть сложная система. Эта система составлена из самых разнообразных ком-

понентов, и никто не знает наверняка когда «заработает» тот или иной элемент системы. При этом следует помнить, что обучение в условиях неязыковых вузов подлежит целому ряду ограничений. Как считает А. С. Беляева, «это предполагает, что коммуникативные цели не вытекают самопроизвольно из естественных условий общения, а задаются преподавателем» [5. С. 102]. Современный студент должен брать на себя большую долю ответственности за процесс обучения и даже участвовать в какой-то степени в выработке этих программ.

Любая форма повседневной деятельности (в быту, в науке, в производстве, в бизнесе) имеет, как правило, ситуативный характер и реализуется на основе алгоритмов поведения и мышления. Это система правил, которая помогает человеку эффективно решать все поставленные перед ним практические задачи. Отсюда появляется метод алгоритмизации обучения. «Алгоритм строится на вычленении системы правил из соответствующей области знаний, регламентирующих умственную деятельность учащихся и облегчающих процесс обучения. Алгоритм требует от человека определенного творчества, поэтому успех решения проблемы зависит от применения алгоритмов к конкретным частным задачам» [6. С. 18]. Появляется необходимость для студентов расширять творческие моменты в учёбе за счёт составления студентами самих алгоритмов на основе ранее полученных знаний. Простое запоминание всегда менее эффективно, чем сознательное и творческое отношение к делу.

При обсуждении этого вопроса следует вспомнить, что обыденное сознание системно и означает выборочное восприятие информации. Интеллект участвует в коммуникации, уходя от нежелательной информации с помощью этических, эстетических и религиозных фильтров. Разные студенты воспринимают ту или иную информацию по-разному. Поэтому информацию нужно давать осторожно и дозированно.

Должна существовать система профессиональной уровневой языковой подготовки, так как сознание не может знать абсолютно всё. Оно изначально профессионально ориентировано.

«Техническое» мышление инженера, «клиническое» мышление врача, «пространственное» мышление архитектора, «художественное» мышление работников искусства основаны на соот-

ветствующей мотивации, имеют свою специфику и должны определить, в целом, построение профессионально ориентированного курса обучения иностранному языку» [7. С. 8].

К этому можно добавить, что обыденное сознание усваивает профессиональные знания особым образом.

Этот процесс сложный и противоречивый с одной стороны, научные понятия и знания доводят обыденное сознание до своего уровня. С другой стороны они приобретают обыденность. Поэтому не стоит преувеличивать роль профессиональных знаний, в процессе обучения иностранному языку. При обучении в университете можно говорить лишь о создании предпосылок, основ и моделей профессионального обучения.

Только лишь в процессе профессиональной деятельности, на практике эти языковые умения могут быть доведены до совершенства. Таким образом, можно сказать, что важнейшими принципами обучения иностранному языку являются:

- формирование психологической потребности;
- алгоритмический характер мышления;
- коммуникативная направленность обучения;
- принцип профессиональной ориентации.

Если считать, что данная точка зрения верна, из этого можно сделать вывод, что при обучении студентов не надо уводить в дебри экспериментов, а придерживаться необходимого минимума методических рекомендаций и здравого подхода к обучению. В более подготовленных группах можно экспериментировать, о чём свидетельствует опыт преподавания многими педагогами.

Список литературы

1. Психологические исследования. М. : Наука, 1986.
2. Чельшев П. В. Философское наследие и современность / П. В. Чельшев, В. Ф.Чельшева: учебное пособие. Ч. 2. – М. : МГГУ, 2000. С. 81–87.
3. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.

References

1. Psihologicheskie issledovanija. M. : Nauka, 1986.
2. Chelyshev P. V. Filosofskoe nasledie i sovremennost' / P. V. Chelyshev, V. F.Chelysheva: uchebnoe posobie. Ch. 2. – M. : MGGU, 2000. S. 81–87.
3. Ter-Minasova, S. G. Jazyk i mezhkul'turnaja komunikacija. M.: Slovo, 2000.

4. Шейлз Д. Изучение и преподавание современных языков для целей обучения. М., 1995.
5. Беляева, А. С. Профессиональная коммуникация как цель обучения иностранному языку в неязыковом вузе. М. : МГЛУ, 2000. С. 101–111.
6. Новосёлов, М. М. Алгоритм // *Философский энциклопедический словарь*. М. : Советская энциклопедия, 1983. С. 18.
7. Долматовская, Е. Ю. Профессионально ориентированное обучение иностранному языку в современных условиях (неязыковый вуз) // *Профессиональная коммуникация как цель обучения иностранному языку в неязыковом вузе*. М. : МГТУ, 2000. С. 5–9.
4. Shejls D. *Izuchenie i prepodavanje sovremennyh jazykov dlja celej obuchenija*. M., 1995.
5. Beljaeva, A. S. *Professional'naja kommunikacija kak cel' obuchenija inostrannomu jazyku v nejazykovom vuze*. M. : MGLU, 2000. S. 101–111.
6. Novosjolov, M. M. *Algoritm // Filosofskij jenciklopedicheski slovar'*. M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1983. S. 18.
7. Dolmatovskaja, E. Ju. *Professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannomu jazyku v sovremennyh uslovijah (nejazykovyj vuz) // Professional'naja kommunikacija kak cel' obuchenija inostrannomu jazyku v nejazykovom vuze*. M. : MGTU, 2000. S. 5–9.

**ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ
НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ
В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ**

Е.А. Путилина, Е.О. Ускова

В данной статье теория нейролингвистического программирования рассматривается с точки зрения возможностей её практического применения в обучении иностранному языку. Опираясь на особенности репрезентативных систем обучаемых и на идею организации субъективного опыта человека, можно добиться более эффективных результатов в обучении иностранному языку, а также повысить мотивацию.

Ключевые слова: нейролингвистическое программирование, обучение иностранному языку, каналы восприятия, поведенческие рамки, репрезентативная система.

В современной педагогике все чаще звучат мысли об эффективности использования нейролингвистического программирования (НЛП) в обучении иностранному языку. Нейролингвистическое программирование, разработанное в 1960–70-х годах Р. Бендлером, Дж. Гриндером и Ф. Пьюселиком, основано на технике моделирования вербального и невербального поведения людей и наборе связей между речью, движениями тела и памятью [5]. Поскольку конечным результатом изучения иностранного языка является не только способность общаться, но и «мыслить» на неродном языке, то нейролингвистическое программирование уже самим своим названием должно способствовать достижению данного результата.

Для начала напомним, что изучение иностранного языка представляет собой деятельность, организованную с учетом требований общей теории систем [7. С. 8]. Дело в том, что освоение родного языка происходит у ребенка на подсознательном уровне до 5 лет и завершается возникновением в его сознании саморазвивающейся языковой системы «родной язык». При изучении иностранного языка речь идет о быстром формировании еще одной саморазвивающейся системы, а именно «иностранной язык».

Закон ее формирования и механизмы ее функционирования изобретены самой природой, таким законом является моделирование мозгом в процессе речевой деятельности новой языковой системы и формирование системы речевых механизмов, но уже на материале иностранного языка.

В основе нейролингвистического программирования лежит идея о структуре субъективного опыта человека: как мы организуем то, что видим, слышим и ощущаем, и как мы редактируем и фильтруем с помощью органов чувств то, что получаем из внешнего мира [6. С. 6]. В связи с тем, что предметом НЛП является не сам опыт, а его организация, то использование этой науки часто рассматривается как своеобразный образовательный процесс: переобучение мозга. Путем замены старых «программ» на новые нейролингвистическое программирование создает более продуктивные формы поведения и реагирования на внешние и внутренние стимулы [4. С. 9]. Эта мысль представляет особенную ценность для изучающих иностранный язык: заучивание иностранного языка по типу с родным не приведет к желаемой цели, нужно перепрограммировать себя на восприятие и понимание новой для себя системы и ее особенностей. Неумение перестроиться особенно явно проявляется в несоответствии простых русских и английских предложений типа: Мне 18 лет (*I am eighteen*), *Она мне нравится* (*I like her*) и т.д.

Как видно из названия, нейролингвистическое программирование можно разбить на три термина. Термин «нейро» отражает ту фундаментальную идею, что поведение берет начало в неврологических процессах видения, слушания, восприятия запаха, вкуса, прикосновения и ощущения. Немаловажную роль здесь играют процессы, отвечающие за хранение, переработку и передачу информации. Мы воспринимаем мир через пять своих органов чувств, мы извлекаем «смысл» из информации и затем руководствуемся им. «Лингвистическая» часть названия показывает, что мы используем язык для того, чтобы упорядочивать наши мысли и поведение и чтобы вступать в коммуникацию с другими людьми. «Программирование» указывает на те способы, которыми мы организуем свои идеи и действия, чтобы получить результаты [6. С. 6], т.е. системность мыслительных и поведенческих процессов. Как отмечает С. В. Ковалев, «НЛП описывает на одном уровне ди-

намическое взаимодействие нервной системы, физиологии, языка и поведенческого программирования, то есть тех основных компонентов, которые создают субъективный опыт. Будучи представленным как процесс, НЛП представляет собой стратегию ускоренного обучения и эффективного общения» [4. С. 10].

Сегодня открыты широкие перспективы применения методологии НЛП к моделированию процессов обучения, в частности, построения индивидуальных стратегий на основе личностного своеобразия каждого студента. Можно сказать, что одна из основных задач НЛП в обучении иностранному языку – персонализировать подход преподавателя к студентам [3. С. 96]. Это вызвано тем, что все люди имеют разные репрезентативные системы. По некоторым данным, у 40% людей преобладает визуальный канал, у 40% – аудиальный, у 20% – кинестетический. Исторически ведущей системой внутреннего опыта является кинестетическая система, впоследствии особое распространение получает визуальная система. Предполагается, что социальный опыт и знания не могут быть переданы непосредственно через ощущения. Успешность обучения (понимаемая в НЛП как объем запомненной информации) зависит якобы от развития визуальной системы как ключевой и репрезентирующей у большинства людей. Это может быть объяснено тем, что физиологическая емкость зрительного канала на несколько порядков превосходит кинестетический, а яркие объемные образы позволяют получать объем информации эффективно организовывать во «внутренние карты» [2. С. 20].

Следовательно, студенты отличаются между собой по стратегиям усвоения учебного материала. Каждому типу студентов необходима своя презентация нового материала, что он заучивает его по-своему, и вследствие этого для него требуются свои типы упражнений. Так, студенты с преобладающим визуальным каналом восприятия информации (визуалы) много читают и вследствие этого получают большее представление о характере и структуре языка. Они лучше воспринимают новый материал, когда он написан в книге, на доске, представлен схематически. Визуалы лучше справляются с письменными заданиями и контрольными работами, лучше пишут изложения, чем пересказывают текст устно. Аудиалы лучше воспринимают тексты на слух, с большей охотой слушают лекции. Соответственно, они с большим удовольствием

слушают радио и тексты, записанные на аудионосителях, а не напечатанные в книге. Они с удовольствием разыгрывают диалоги, участвуют в дискуссиях, пересказывают текст в форме интервью. Кинестетики лучше усваивают иноязычный материал, когда могут использовать его в ролевой игре, в игре со словами, написанными на карточках. Для моторных студентов не представляет особого труда многократно написать незнакомое слово, доведя это действие до автоматизма. Они с удовольствием выходят к доске, принимая участие в разыгрывании сценок по изученному материалу [2. С. 35].

НЛП опирается на утверждение, что человек способен воспринимать лишь очень малую часть тех разнообразных сенсорных проявлений, из которых состоит мир. Воспринимаемая часть фильтруется нашим уникальным опытом, культурой, языком, убеждениями, ценностями, интересами и предположениями. Эта часть, прошедшая своеобразный «фильтр» будет представлять индивидуальную модель мира [6. С. 7].

Можно сказать, что эти фильтры, или поведенческие рамки, применимы и для процесса освоения иностранного языка.

Первая рамка – ориентация на результат, а не на проблемы. Ориентацию на проблемы обычно называют «рамкой обвинения». Здесь важно не углубляться в проблему, задаваясь вопросом «Почему я не знаю иностранного языка?», а найти нужное решение.

Вторая рамка заключается в том, чтобы задавать вопрос «как?», а не «почему?». Вопрос «Как эффективнее выучить иностранный язык?» приведет вас к пониманию структуры проблемы. Вопрос «Почему я не знаю иностранный язык?», вероятнее всего, поможет найти оправдывающие обстоятельства и причины, ничего не изменяя.

Третья рамка – это обратная связь вместо неудачи. Не существует такой вещи, как неудача, существуют результаты. Они могут быть использованы в качестве обратной связи. Необходимо использовать полученные результаты для того, чтобы скорректировать направление приложения усилий студента в освоении иностранного языка.

Четвертая рамка заключается в том, чтобы рассматривать возможность, а не необходимость. Студент может осознать все име-

ющиеся у него возможности и ресурсы в достижении его цели – общаться на иностранном языке. Но если студент будет рассматривать изучение языка как необходимость (например, необходимость сдать экзамен), то эти препятствия будут существенно мешать всему процессу и сведут на нет мотивационные установки [6. С. 8].

Рассматривая процесс обучения иностранным языкам на основе НЛП, В. П. Белянин выделяет в нем следующие элементы: выявление склонностей обучаемых к разным способам усвоения информации; разработка заданий, подходящих разным типам студентов в соответствии с преобладающим у них каналом восприятия; последующее воздействие на все репрезентативные системы, т.е. переход на многосенсорное обучение; расширение способов решения учебных задач и т.п.

Целью применения НЛП техник в процессе обучения иностранному языку Д. Б. Никуличева считает изучение собственных ресурсов и моделей наиболее эффективного обучения на основе активизации собственных визуальных, аудиальных и кинестетических способностей запоминания информации.

В образовательной модели А. Плигина и И. Максименко, созданной на основе НЛП-методик, подчеркивается важность совершенствования индивидуальных способов и стратегий обучения, а также понимания собственных маршрутов овладения языком, промежуточных и конечных результатов.

Анализируя наиболее популярные НЛП методики, Е. Б. Аврускина выделяет в них ряд общих черт [1]: саморазвитие, самосовершенствование и самореализация личности студента в качестве приоритетных целей образования; создание условий для активизации внутренних возможностей обучаемого; увеличение доли самостоятельности; широкое использование вербальных и невербальных методик обучения; использование активных методов обучения и т.д.

Разумеется, НЛП, как и любая другая методика обучения иностранным языкам, уделяет особое значение мотивации обучаемых, развитию их позитивных личностных установок на основе общих интересов, увлечений, ценностей и особенностей студентов.

Наконец, НЛП приветствует позицию любопытства и удивления взамен притворства. Применительно к изучению иностранно-

го языка данная позиция проявляется в стремлении познать новые аспекты языка и культуры, преодолеть страх перед ошибками.

Однако при всей результативности и достоинствах НЛП, признаваемых рядом исследователей, не стоит забывать и о полярных точках зрения. Ряд аналитиков говорят о неэффективности методик НЛП, отсутствии у них научного обоснования, наличии фактических ошибок (Druckman D., Gary B. S., Rosenthal T., Von Bergen C. W., Wilkinson L. V.) и псевдонаучных черт (Devilly G. J.), отсутствии заявленных результатов (Sharpley C. F., Witkowski T.) и т.д.

Именно поэтому лишь глубокий анализ теоретической базы и практических методик может помочь сложить собственное мнение о данном направлении.

Список литературы

1. Аврускина, Е. Б. НЛП-моделирование иноязычной коммуникации – модное увлечение или научное открытие XXI века? [Электронный ресурс]. URL: <http://rudocs.exdat.com>
2. Белянин, В. П. Нейролингвистическое программирование и обучение иностранным языкам // Teaching Foreign Languages in the Age of Globalization. // International Conference. Taipei, Taiwan, R.O.C., April, 2000. P. 17-36.
3. Гальцова, Н. П. Взгляд на преподавание иностранных языков с позиций нейролингвистического программирования. Вестник ТГПУ, 2003. Вып. 2(34). Сер. Педагогика. С. 95–98.
4. Ковалев, С. В. Основы нейролингвистического программиро-

References

1. Avruskina, E. B. NLP-modelirovanie inojazychnoj kommunikacii – modnoe uvlechenie ili nauchnoe otkrytie XXI veka? [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://rudocs.exdat.com>
2. Beljanin, V. P. Nevro-lingvisticheskoe programmirovanie i obuchenie inostrannym jazykam // Teaching Foreign Languages in the Age of Globalization. // International Conference. Taipei, Taiwan, R.O.C., April, 2000. P. 17-36.
3. Gal'cova, N. P. Vzgljad na prepodavanje inostrannyh jazykov s pozicij nejrolingvisticheskogo programmirovaniya. Vestnik TGPU, 2003. Vyp. 2(34). Ser. Pedagogika. S. 95–98.
4. Kovalev, S. V. Osnovy nejrolingvisticheskogo program-

- вания: учебное пособие МПСИ. М. ; Воронеж, 2001. 157 с.
5. Нейролингвистическое программирование // Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org>
6. О’Коннор, Д. Введение в нейролингвистическое программирование. Новейшая психология личного мастерства / Д. О’Коннор, Д. Сеймор. Челябинск, Версия, 1997. 256 с.
7. Цыганков, П. М. Нейролингвистическое программирование (НЛП) в изучении английского языка. Омск, 2012. 25 с.
- mirovanija: ucebnoe posobie MPSI. M. ; Voronezh, 2001. 157 s.
5. Nejrolingvisticheskoe programirovanie // Vikipedija – svobodnaja jenciklopedija [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://ru.wikipedia.org>
6. O’Konnor, D. Vvedenie v nejrolingvisticheskoe programirovanie. Novejšhaja psihologija lichnogo masterstva / D. O’Konnor, D. Sejmor. Cheljabinsk, Versija, 1997. 256 s.
7. Cygankov, P. M. Nejro-lingvisticheskoe programirovanie (NLP) v izuchenii anglijskogo jazyka. Omsk, 2012. 25 s.

ABSTRACTS

Akimova I. I. Word order and system of members of the Russian sentence in a mirror Chinese: lingvodidaktical aspect

The article discusses how to encode logical relations “existence”, “nomination”, “identification”, “characterization” in the proposals, statements of the Russian language in the mirror of the Chinese language. Typical situation and denotative sentence structure are universals conceptual statements that manifest themselves at the level of structures and categories of the native language.

Keywords: syntax of Russian language, logic types of sentence, type of reference, methods of teaching Russian as a foreign language.

Amir Hosseini, Arash Golandam Karim Grammatical form of linguistic realities of Russian language

This article discusses the classification of reality with the purpose to determine its grammatical form. Grammatical form of the realities associated primarily with the definition of its membership in a given part of speech, to different grammatical categories, and, of course, with the possibilities of shaping. All surveys show that as part of the reality of speech, like the term, in the majority of cases – noun. But they may also belong to other parts of speech.

Keywords: grammatical form, reality, part of speech, classification.

Ananjina M. A., Uskova B. A. The difficulty of transfer of linguistic cultural information when translating allusions into the Russian language

The article deals with the problem of transfer of linguistic cultural information when translating allusions in literary texts from English into Russian. On the basis of the linguistic analysis of seven novels by I. Murdoch four modes of translation of allusions were singled out: the descriptive way, the use of explicative words in translations, the use of commentary and the absence of any means of adapting the differences in encyclopedic information in the text. In conclusion the necessity of familiarization of students with culturally-important models of thinking of native speakers of English is pointed out, which is considered to be a necessary element of mastering communication competence.

Keywords: linguistic cultural information, allusion, communicative competence, background information.

Golyshkina L. A. Rhetorical text as a tool of conflict resolution

The article discusses the mechanisms of creating the rhetorical text and its properties that enable it to perform an instrument of conflict resolution.

Keywords: rhetorical text, stages of creation of the text, typological properties of the text, influence potential

Djakova T. V. Americanisms, reflecting the characteristics of the U.S. education system

The article focuses on contemporary Americanisms existing in the American system of education. It highlights the question of differentiation between Americanisms and Briticisms referring to the educational sphere.

Keywords: Americanisms, Briticisms, system of education.

Kruchinkina N. D. Syntagmatic particulars of the realization of the values of verbal lexemes

Analysis of French verbal constructions with polysemous verbs shows the semantic dependence of verbal lexemes on the semantics of the second actants when verbs are in a relationship of obligatory syntactic distribution with them.

Keywords: verb, substantiv, valence, actant, semantics.

Kulakova E. S. Distancing as an object of linguistics

The article is devoted to the category of distancing. This phenomenon is studied from the philosophical, psychological and sociological point of view. The aim of the article is to prove the hypothesis that from the linguistic viewpoint the content of the notion “distancing” is much wider than from the above mentioned viewpoints.

Keywords: distancing, point of view, responsibility.

Lavrova N. A. Contamination all already been said? (On some possible prospects of the study)

The article raises some of the outstanding issues dealing with lexical contamination (aka blending) in the English language. Although there

a plethora of scholastic papers devoted to contamination, the following aspects of contamination await consideration: linguistic and cognitive strategies of decoding the meanings of blends, the direction of decoding – analytical or synthetic, functions of blends and their creative potential. These and some other questions are raised and partially answered in the present article.

Keywords: contamination (blending), linguistic creativity, expression and impression, neology, analogical extensions.

Matveyeva N. A., Matveyev A. V. Special text on air navigation as the subject of the research: typology and characteristics

In the article special texts on air navigation and their characteristics are considered within the aspect of the theory of translation. The authors proposed classification of special texts on air navigation; disclosed the concept of “special text”, “special text on air navigation.”

Keywords: special text, air navigation, special text on air navigation.

Mikhailova E. V. The concept of “communication” in the poetry of Marina Tsvetaeva

Communion is one of most vital and multiaspect concepts of M.I. Tsvetaeva’s poetry. It serves a connecting link between various themes of her rich conceptsphere and hence it reflects specificity of her poetical world. The lyrics of M.I. Tsvetaeva may be characterized as songful; its rhythm and phonetics were strongly influenced by Russian folk songs. These factors and some personal circumstances of the poetess are responsible for wide and many-sided representation of the communion concept in analyzed poetical pieces.

Keywords: communion concept, poetry, M.I. Tsvetaeva, verse, poem, appeal.

Minibaeva S. V. Emotive lyrics and emotional text as a unit of syntax

The article is devoted to the topical for the modern linguistics problem of textual representation of the emotive content. Verbalization of an emotion is quite a difficult process. Moreover, language, as it has already been stated, with a sufficient quantity to represent an emotional state of an individual, is still allegorical in this sphere that makes emotions representation in speech and their interpretation more difficult.

Keywords: emotive text; emotional text; emotional situation; emotive model.

Mishchuk O. N. Persuasion in political discourse (on the text material of Barack Obama's public addresses)

The article is devoted to disclosing the phenomenon of persuasion and its correlation with such rhetorical conceptions as logos, ethos and pathos. Argumentative tactics of persuasion are studied on the text material of Barack Obama's public addresses before foreign audience. The research of persuasion methods is a topic of current importance in modern argumentation.

Keywords: political discourse, persuasion, logos, ethos, pathos.

Mudrova L. G. Basic principles of learning foreign language in an economic institution

The article examines the challenges of rapid and high-quality education to students of all levels of foreign language. Affect the relevance of this problem not only in our country but also abroad. Which is associated with the development of integration processes in the sphere of culture and business communication. Shows a different point of view on this problem and how to solve them.

Keywords: foreign language, business communication, everyday consciousness.

Novitskaja L. I. Andragogic bases of professional development of the individual

This article reviews the adult's identity in education – andragogy. Major topics related to the andragogy are covered: several concepts by the leading researchers in human psychology, the system of continuous education and vocational education, which involve self-development and self-knowledge (reflection). Furthermore, the characteristics of the self-actualization are analysed, conditions of professional development, including factors influencing it and various forms of co-curricular work.

Keywords: andragogy, adult's education, system of continuous education and vocational education, the characteristics of the self-actualization.

Putilina E. A., Uskova E. O. The application of the neurolinguistic theory in the foreign language teaching

The article deals with the theory of neurolinguistic programming with respect to its possible practical application in the foreign language teaching. Basing on peculiarities of representational systems of the students and on the idea of subjective experience organization it makes possible to achieve better results in teaching foreign languages and in motivating students as well.

Keywords: neurolinguistic programming, foreign language teaching, perception channels, behavioral frame, representational system.

Sidorenko A. V. Notes on Chatlan-patsak language

This article analyzes the fantastic communicative system of the motion picture «Kin-Dza-Dza». The author researches it compared to natural language.

Keywords: natural language, communicative system, functions of language.

Verdesh A. A., Pokrovskaya E. A. Plug-in design trends in the context of the syntactic and dismemberment merger

In the article the interaction of the tendency towards fusion with the tendency towards decomposition is discussed on the material of the inserted constructions. Along with the traditional examination of the included and excluded inserted constructions we mark out a hybrid phenomenon which is formed by the exclusion of the inserted construction using brackets. This phenomenon is accompanied by the destruction of the grammatical connections with the included sentence.

Keywords: inserted constructions, tendency towards decomposition, tendency towards fusion.

Vlasova E. V. Linguistic direction in the study of revaluation

The article focuses on linguistic approach of overstatement in the speech of modern Englishmen and shows its main means of expression in the British culture.

Keywords: overstatement, intensifiers, quantifiers.

СВЕДЕНИЯ ОБ АТОРАХ

Акимова Инга Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры ИПиСЭД юридического факультета Российской правовой академии Министерства юстиции РФ.

680052, Хабаровский край, г.Хабаровск, ул. Воровского 24а.
kazyulkinamama@mail.ru

Амир Хосейни – доцент кафедры русского языка факультета иностранных языков Тегеранского университета (Тегеран, Иран).

Тегеран, ул. Шанздах-э-Азар (проспект Энгелаб).
amhoseini@ut.ac.ir

Ананьина Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии Института лингвистики Российского государственного профессионально-педагогического университета.

620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.
AnaninaMA@yandex.ru

Араш Голандам Карим – кандидат филологических наук, assistant professor, кафедры русского языка University of Guilan (Rasht, Iran)

Тегеран, ул. Шанздах-э-Азар (проспект Энгелаб).
golandam@guilan.ac.ir

Вердеш Ануш Андраниковна – аспирант кафедры русского языка факультета филологии и журналистики Южного федерального университета.

344006, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42.
minasyan-90@mail.ru

Власова Екатерина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

400005, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.
vlaska@bk.ru

Голышкина Людмила Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, декан факультета повышения квалификации преподавателей Новосибирского государственного технического университета.

630073, Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20 (ФПКП).

ludmila200273@mail.ru

Дьякова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

400005, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.

tatyana_dyakova@yahoo.com

Кручинкина Нина Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Мордовского государственного университета.

430005, Респ. Мордовия, Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

ndk-07@mail.ru

Кулакова Евгения Сергеевна – ассистент кафедры французской филологии Тюменского государственного университета.

625003, Тюмень, ул. Семакова, 10.

cadeau2005@mail.ru

Лаврова Наталия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексики английского языка Московского педагогического государственного университета.

119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1, стр. 1.

lavruscha@gmail.com

Матвеев Андрей Викторович – переводчик-ассистент, ТОО «Север-Агро Н».

110000, Костанай.

blackcradle@rambler.ru

Матвеева Надежда Александровна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков

Костанайского государственного педагогического института.
110000, Костанай, ул. Тарана, д. 118.
youagewelcome2@mail.ru

Минибаева Светлана Винеровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, стилистики и журналистики Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.

453103, Стерлитамак, ул. Ленина, 47 а.
sveta.minibaeva@yandex.ru

Михайлова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языков УО «Белорусская государственная академия музыки».

220123, Минск, ул. М. Богдановича, д. 64, корп. 2, кв. 19.
ev2mikhailova@mail.ru

Мишук Оксана Николаевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Тульского филиала Российского государственного торгово-экономического университета.

300000, Тула, пр. Ленина, 53-б
oksana_mishchuk@yahoo.com

Мудрова Лариса Григорьевна – старший преподаватель кафедры «Английский язык № 3» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

109469, Москва, ул. Братиславская, д. 31, корп. 2, кв. 20.
m-lg@bk.ru

Новицкая Лилия Ивановна – преподаватель Финансового университета при правительстве РФ.

125993, Москва, Ленинградский проспект, 49.
ivannov@mail.ru

Покровская Елена Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета филологии и журналистики Южного федерального университета.

344006, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42.
elena_pokrovskaya@list.ru

Путилина Евгения Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной деятельности Ульяновского государственного университета.
432017, Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42.
evgeniya_blinova@inbox.ru

Сидоренко Алексей Владимирович – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.
453103, Стерлитамак, ул. Ленина, 47 а.
korabliki-x@mail.ru

Ускова Белла Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры германской филологии Института лингвистики Российского государственного профессионально-педагогического университета.
620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.
AnaninaMA@yandex.ru

Ускова Елена Олеговна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной деятельности Ульяновского государственного университета.
432017, Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42.
uskoelena@yandex.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

В 2014 году каждый второй месяц, начиная с января, будет выходить очередной номер научного журнала «**Lingua-mobilis**», в структуру которого входят следующие разделы:

1. Язык художественной литературы
2. Языкознание
3. Язык средств массовой информации
4. Язык политики
5. Лингвистика и перевод
6. Методика преподавания языка и литературы

У журнала развиты международные контакты: мы сотрудничаем с учеными Албании, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Украины, США, Швейцарии.

В феврале 2008 года журналу “Lingua mobilis” был присвоен ISSN 1998-1546.

С июня 2008 г. электронная версия журнала “Lingua mobilis” доступна в РИНЦ (на сайте www.elibrary.ru).

Материалы для публикации принимаются до 15 числа каждого второго месяца, начиная с февраля 2014 года в электронном и печатном виде по адресу: 454084, г. Челябинск, пр. Победы 162-в, Лаборатория межкультурных коммуникаций. Или по e-mail: lingua-mobilis@rambler.ru. В заявке просим указать сведения об авторе: фамилию, имя, отчество (полностью), место работы, должность, ученую степень и звание, адрес с указанием индекса (для рассылки), телефон, e-mail. К заявке необходимо приложить аннотацию статьи на русском и английском языке (не более 500 знаков), а также ключевые слова.

Оплату за публикацию (100 р. за страницу) необходимо прислать сразу после получения подтверждения о принятии материалов к публикации; в письме будут указаны реквизиты для электронного перевода. Авторские экземпляры научного журнала «Lingua mobilis» рассылаются бесплатно.

Требования к оформлению:

– Материалы подаются в виде статей объемом от 4 до 20 стр. (в формате RTF, Times New Roman, кегль 14, через 1,5 инт., поля - 2 см).

– Ссылки на литературу даются внутри текста статьи в скобках: [1. С. 32] или в виде концевых примечаний.

– Описание использованных источников помещается после статьи под заголовком «Список литературы» в алфавитном порядке. С образцом оформления можно ознакомиться на сайте журнала: <http://linguamobilis.ucoz.ru/>.

Обязательное требование: после текста статьи указывается: «Статья публикуется впервые. Даю согласие на обработку персональных данных», дата отправки статьи в редакцию и сканированная подпись автора.

С уважением, редакция